

ТИМ ЛЕББОН

ВОЙНА ЯРОСТИ

**ХИЩНИК: ВТОРЖЕНИЕ
ЧУЖОЙ: НАШЕСТВИЕ
ЧУЖОЙ ПРОТИВ ХИЩНИКА:
АРМАГЕДДОН**

Чужой против Хищника

Тим Леббон

**Война Ярости. Хищник:
Вторжение. Чужой:
Нашествие. Чужой против
Хищника: Армагеддон**

«Издательство АСТ»

2015, 2016, 2019

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44

Леббон Т.

Война Ярости. Хищник: Вторжение. Чужой: Нашествие. Чужой против Хищника: Армагеддон / Т. Леббон — «Издательство АСТ», 2015, 2016, 2019 — (Чужой против Хищника)

ISBN 978-5-17-113073-2

Пришельцы, называющие себя яутжа – величайшие охотники и воины во Вселенной. Не зря люди дали им ёмкое и грозное прозвище «хищники». Но до второй половины двадцать седьмого столетия новой эры столкновения людей и яутжа носили скорее единичный характер. И вдруг все изменилось. Множество практически одномоментных случаев нападения на космические корабли и базы по всей границе Внешнего Кольца. Тысячи погибших. Не только воинов, но даже женщин и детей. Неужели яутжа, вопреки своей природе одиночек, впервые объединились для централизованной экспансии?.. На протяжении веков могущественная корпорация «Вейланд-Ютани» пыталась использовать ксеноморфов или чужих – самых ужасных существ в Галактике – в качестве оружия. Теперь же кто-то опередил их в этом начинании, как нож сквозь масло пройдя сквозь пространства яутджа и превратив хищников в жертву. Неудержимый рой ксеноморфов поглощает планету за планетой, проникая все глубже в Сферу Людей... Наследники Основателей, покинувших человечество несколько веков назад, возвращаются. Теперь их имя – Ярость, их оружие – кровожадные ксеноморфы, их цель – Земля. Столкнувшись с превосходящими силами неизвестного врага, люди вынуждены пойти на беспрецедентный поступок, заключив союз с яутжа. Но даже объединенных сил обеих рас может оказаться недостаточно. Судьба Земли зависит от одного-единственного андроида по имени Лилия. И она тоже из Ярости...

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44

ISBN 978-5-17-113073-2

© Леббон Т., 2015, 2016, 2019

© Издательство АСТ, 2015, 2016, 2019

Содержание

Хищник: Вторжение	7
Пролог. Лилия	7
1. Джонни Мэйнс	15
2. Иза Палант	27
3. Анджела Свенлап	35
4. Джонни Мэйнс	39
5. Люси-Энн	47
6. Джерард Маршалл	50
7. Лилия	56
8. Лилия	58
9. Иза Палант	62
10. Джонни Мэйнс	70
11. Лилия	78
12. Лилия	82
13. Джерард Маршалл	88
14. Аकोко Хэлли	92
15. Джонни Мэйнс	97
16. Джерард Маршалл	104
17. Иза Палант	106
18. Лилия	112
19. Лилия	114
20. Джонни Мэйнс	120
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Тим Леббон
Война Ярости. Хищник: Вторжение.
Чужой: Нашествие. Чужой
против Хищника: Армагеддон

Tim Lebbon

The Rage War

Book 1: Predator: Incursion

Book 2: Alien: Invasion

Book 3: Alien vs Predator: Armageddon

TM & © 2015, 2016, 2019 Twentieth Century Fox Film Corporation. All Rights Reserved

* * *

Хищник: Вторжение

Говарду и Каспиану

Пролог. Лилия

Космический корабль «Эвелин-Тью» (переведен в резерв)

Альфа Центавра, 2351 год н. э., сентябрь

Глухие удары в ее груди, словно метроном смерти, отдавались во всем теле глубоким, тяжелым эхом. На мгновение почудилась музыка, и пальцы инстинктивно застучали по краю кровати. Раздались крики, взрывы, звуки хаоса и кровопролития, и все стало ясно. Это не ее сердце, а сердце корабля пульсировало напоследок. План сработал, и пришло время заключительной фазы.

Лилия понимала, что она, скорее всего, единственная выжившая на борту космического корабля «Эвелин-Тью».

Если не брать в расчет их.

Безоружная девушка в полном одиночестве крадучись пробиралась из жилого отсека на уровень с лабораториями. Проскользнув в открытую дверь, она быстро закрыла ее за собой и затаилась в темном углу. Чувствовалось, что снаружи кто-то есть. Затем послышалось тяжелое дыхание с сипением, переходящим в шипение. Страх сковал ее. Пробыв в укрытии дольше, чем было нужно, Лилия снова засомневалась в отданных ей приказах.

«Посмотри, кто они, разберись! Пойми, на что они способны!»

Так, одно из существ пробралось в жилой отсек. Лилия слышала звуки, сопровождающие его нападение – вопли ужаса, сменяемые звериным шипением, и стрельба, и снова крики, полные предсмертной муки. Конец такого легко предсказуем – проходя по отсеку, девушка осторожно обходила нечто, когда-то бывшее людьми: вспоротые и кровоточащие, а то и вовсе разорванные в клочья тела. По мешанине из останков под одной из коек Лилия с трудом определила, что они принадлежали семерым членам экипажа. Вероятно, она даже знала имена этих людей.

«Я вывела из строя предохранители, я выпустила их, и...»

Однако Лилия не смела подвергать сомнению приказы. Она еще ни разу не подводила Вордсворта. И сейчас явно не лучшее время, чтобы начинать.

Странное ощущение сопровождало ее в опустевшем корабле. Обычно оживленные, а теперь тихие коридоры наполнились лишь эхом далеких звуков. Корабль гудел и скрипел, продолжая набирать скорость. Лилия знала, куда он держит путь. Врезаться в ближайшее солнце – вот автоматическая реакция судна на чрезвычайную ситуацию, соответствующую «красному» уровню опасности.

Сжечь все дотла.

И ни малейшей надежды на спасение.

Вот только Лилия все изменила. И обратный отсчет уже пошел.

Добравшись до пересечения трех коридоров, она глянула вниз, на лестницу, которую необходимо было преодолеть. Идти совершенно не хотелось. Освещение то и дело принималось мигать или пропадало вовсе. Возможно, так и положено при чрезвычайных ситуациях, а может, это происки вырвавшихся на волю злобных ксеноморфов. Немного помедлив, Лилия шагнула на первую ступень лестницы, ведущей к нижним отсекам.

«Давно уже нужно было это сделать», – с досадой подумала она.

Лилия пробыла на исследовательском корабле почти сто дней, вживаясь в коллектив. Выполняла задания хорошо – но не слишком. Была приветлива – но не заводила друзей. Она добивалась того, чтобы стать привычной для всех и как бы невидимой. И с каждым днем все меньше людей замечали ее присутствие.

Кто знает, сумей Лилия завершить миссию раньше, она могла бы сейчас находиться уже далеко от «Эвелин-Тью». Возможно, все прошло бы гладко – без рвущих душу ужасов, страшных криков и стрельбы. Команда бы спаслась.

Возможно.

Но когда имеешь дело с ксеноморфами, хаос неизбежен. Всякий раз, когда удастся добыть образцы, будь то живые экземпляры, яйцеклетки или эмбрионы, все в итоге кончается плохо. Они не предназначены для пробирок и изучения. Даже у существ, выращенных из образцов, полученных на планете LV-178, оказалась та же судьба. Их природа противится приказам, подчинение не для них, они – порождения жестокости и крови.

Следующий уровень. Лампы снова замигали. Лилия заметила тусклые мерцающие очертания чего-то на стене-экране. Пункт связи. Девушка протерла экран и увидела схему корабля. Лилия прикоснулась к светящейся надписи «Состояние», и та сразу же сменилась на грозную – «Предупреждение».

Задержав дыхание, девушка прочитала надпись снова, хотя в этом не было необходимости. У нее была фотографическая память, поэтому из всех претендентов на задание Вордсворт выбрал именно Лилию. Остальные отправились выполнять менее ответственные поручения в этой части Сферы Людей. Ее участок работы, как сказал командир, – главный, самый важный. То, что она найдет на «Эвелин-Тью», возможно, поможет Основателям вновь ощутить триумф после пережитого крушения, забытой темной страницы истории.

Если верить тревожному сообщению, времени оказалось меньше, чем хотелось бы. Корабль несясь по смертельной траектории прямо к звезде Альфа Центавра. Оставалось менее часа.

Лилия закрыла глаза и глубоко вздохнула.

«Они правы, – подумала девушка. – Этим существам нельзя...»

Вдалеке послышался треск, будто кто-то не спеша расстегивал застёжку-липучку. Следом раздался крик, а потом прозвучали неразборчивые слова. И опять стрельба, опять вопли...

Лилия поспешила к следующей лестнице и начала спускаться – предельно осторожно, замирая в тревоге, едва чудилась опасность. Поддерживала надежда, что еще удастся найти то, зачем она сюда пришла. Мелькнула мысль: разве не забавно, что после побега свирепствующих ксеноморфов из лабораторий, в которых пребывали твари, те стали едва ли не самым безопасным местом на корабле?

Преодолев лестницу, Лилия оказалась в просторной приемной, из которой выходило несколько коридоров. Что-то чудовищное произошло в этом месте. Тело с неестественно вывернутой рукой подпирало дальнюю стену. Все было залито кровью. Рядом валялось оружие. Решетку в полу вывернули наружу, и будто мрак из космоса сочился в коридор.

Лилия поспешила покинуть помещение. Темная история. Хотелось верить, что умер бедолага быстро, без мучений.

Наконец девушка добралась до отсека с лабораториями. Пройдя несколько дверей, она достигла тех, которые скрывали первую систему безопасности. Тлеющая надежда на выбитую или в силу каких-то обстоятельств открытую дверь мгновенно испарилась, но Лилия была готова к этому. Достав набор инструментов, она вдруг почувствовала сперва глухой удар под ногами, а затем и как грохнуло где-то вдалеке от лаборатории.

«Взрыв».

Девушка наклонила голову и внимательно прислушалась. Если что-то действительно серьезное и корабль начал разваливаться, то ей придется поскорее выбираться отсюда, и, значит, все было зря.

Пол задрожал, но ничего катастрофического не произошло. К счастью, сердце корабля продолжало биться, а двигатель – ускорять движение.

Что бы ни стало причиной взрыва, он прогремел достаточно далеко, и потому про него можно было не думать.

По крайней мере, пока.

Лилия прибегла к помощи декодера, и устройство начало старательно перебирать комбинации, а сама девушка взяла инструменты и принялась за блокирующие механизмы. Электронные замки и архаичная система запорного штифта вполне справлялись с охраной от неисклюшенных незваных гостей, но против хорошо подготовленного специалиста устоять не могли. А Лилия была специалистом.

Не прошло и минуты, как двери поддались, и девушка вошла в главное лабораторное отделение. Центр помещения занимало огромное, с виду хорошо укрепленное сооружение в виде кокона: оболочка внутри оболочки, автономные системы и трубки, сконструированные так, чтобы предотвратить попытки нарушения целостности конструкции. Чего не предусмотрели ее изобретатели, так это искусность Лилии, взломавшей предохранители и позволившей ксеноморфам покинуть кокон.

Проходя через камеру, ведущую к лаборатории № 3, она бросила взгляд на непробиваемое защитное стекло: несколько растерзанных тел грудой лежали в углу, дальняя стена была взорвана. Из-за дыма, заполнившего лабораторию № 2, ничего, кроме смазанных кровавых отпечатков на стеклянных перегородках, нельзя было рассмотреть.

Между этим местом и ее целью – лабораторией № 1 – располагалось Главное хранилище, стены которого были толще и тверже даже обшивки корабля. Лилия боялась потревожить обитательницу хранилища – мать чудовищных тварей, саму смерть.

Королеву...

Лилия видела это существо лишь однажды, но и того хватило, чтобы в памяти осели картины и переживания, с которыми не столкнешься в самом кошмарном сне. Находясь, казалось бы, в безопасности, девушка ощутила, как тело покрылось мурашками, как кровь стыла в жилах. Лилия стремительно достигла дверного проема и ужаснулась возникшему ощущению того, будто арестантка понимает, что происходит на корабле.

«Неужели она и правда знает, что здесь творится? Попытается ли сбежать, вырваться из своей крепости?»

Тряхнув головой, чертыхнувшись, девушка напомнила себе, что отвратительная королева – не ее цель, что нельзя терять концентрацию, забывать о первоочередном.

Оказавшись перед лабораторией № 1, Лилия собралась и опять успешно выступила в роли взломщика. Когда дверь открылась, девушка инстинктивно прижалась к стене и прислушалась: не пробует ли свои силы королева? Неужели предстоит схватка? Обошлось.

В лаборатории Лилия приступила к работе.

Меньше десяти минут ушло на то, чтобы получить доступ к основному блоку с базой данных, обхитрить протоколы защиты и начать скачивание необходимой информации. Три минуты спустя записи с каждого жесткого диска, облака, из всех хранилищ информации были удалены. Лилия стала единственным обладателем информации об исследованиях, проведенных на «Эвелин-Тью».

Ученые корабля прошли немалый путь. За последние годы они узнали о ксеноморфах больше, чем другие открыли за несколько предыдущих столетий. А она собрала плоды их трудов.

Тяжелая ноша, но Лилия несла ее ради Вордсворта... и всех остальных. Настало время последней части миссии: оставалось только выжить.

По плану она должна была воспользоваться одним из кораблей в стыковочном отсеке. Там были несколько шаттлов и переведенных в резерв снабженных мощным оружием дредноутов Колониальных морпехов – для защиты. Но некоторые из нижних палуб поглотил пожар, а в стыковочном отсеке слышались звуки битвы: стрельба, крики, скрежет и шипение.

Поэтому идея поскорее добраться до спасательной капсулы показалась более удачной.

«Эвелин-Тью», длиной в милю и полмили в ширину, списанный выдавший виды корабль, некогда принадлежавший Колониальным морпехам, построили так, что он выдерживал куда большее количество людей, чем нес на своем борту до произошедшего несчастья. А сейчас ксеноморфы, видимо, уже разделились со всей командой ученых. Вдруг кому-то удалось спастись? Так или иначе, Лилия надеялась, что ее дожидается хотя бы одна неповрежденная капсула.

На расстоянии двухсот ярдов от себя и одного уровня от спасательного отсека она услышала их. Шипение. Скрежет. Скрипы. Вот они прямо над головой, пронеслись по коридору. Рванулись за угол, к которому она направлялась. Свет замерцал, и их мелькающие тени словно затанцевали.

Девушка застыла, внутри все похолодело. В десяти шагах позади осталась дверь, но нет никакой гарантии, что она открыта. Еще пятьдесят шагами ранее была переборка. Если Лилия развернется и ринется в ту сторону, то, возможно, спасется. А возможно, и нет. Но даже если ей повезет, то нет уверенности в том, что из-за закрытой двери Лилию не вытащат с обратной стороны в коридор.

Пока она решалась на следующий шаг, из-за одного из поворотов появились тени.

Люди.

Они заметили ее.

– Говорил же, что слышал кого-то! – сказал мужчина. У него была импульсная винтовка старой модели, а женщина рядом с ним держала в каждой руке по разделочному ножу. Оба незнакомца явно были сильно напуганы. Женщина выдохнула:

– Ты из столовой. Лилия, правильно?

– Верно. А вы?

– Кэт Робертс, инженер. А это Диринг, – ответила Кэт, не упомянув специальность и должность спутника.

Действительно, к чему это сейчас? Существенно другое. Эти двое явно не знали, как пользоваться своим оружием. Мольба в их глазах была нестерпимой. Они жаждали спасения, нуждались в лидере.

Первое Лилия даст им едва ли, но если объединиться, то, может, им удастся выжить?

«Не делай того, что поставит миссию под угрозу», – вспомнила она наставление Вордсворта. Все правильно. «Они опасны для твоего задания. Они захотят спастись, а не пропасть без вести, как того хотела ты».

«Я должна помочь им», – пробормотала Лилия и увидела, как нахмурился услышавший ее Диринг. Возможно, он подумал, что столкнулся с сумасшедшей.

– Видела уже этих существ? – поинтересовалась Робертс.

– Одного. Удалось спрятаться.

– Оно тебя не учуяло? – удивился Диринг.

Лилия пожала плечами.

– Так они охотятся?

– Ага, мы так думаем, – он отвел взгляд и посмотрел туда, откуда они пришли. – Если ты направлялась к капсулам, то поздно.

– Неужели ни одной не осталось?

– В отсеке «С» – да. Отсек «А» был разрушен во время взрыва, в «В» – нечем дышать, а «D» находится почти в полмили от кормы, и я не думаю... – он замер.

– Вы же в курсе, что сейчас у корабля смертельная траектория, да? – спросила Лилия.

– Смертельная? – глаза Робертс широко раскрылись, она резко побледнела.

– Корабль столкнется с солнцем, – ответила Лилия и добавила: – Пойдемте. Надежда еще есть.

– Какая надежда? – спросил Диринг, но Лилия не ответила. Она не доверяла ни ему, ни Робертс, и потом, она не знала, насколько в действительности велики шансы на спасение.

Еще в одном отсеке, под помещениями для офицерского состава, хранились аварийные спасательные капсулы, каждая – в расчете на одного человека. Но Лилия не знала, сколько их осталось.

На пути лежал растерзанный труп женщины.

По форме Лилия поняла, что несчастная – офицер, член летного экипажа. Впрочем, чем она отличалась от других погибших? Разорванная плоть, клочья одежды, раздробленные кости – в смерти ксеноморфы всех делали равными. Всё так.

Неприятно кольнуло: «Это из-за меня», однако девушка быстро отбросила непродуктивную мысль.

Осторожно обойдя кровавое месиво, она постаралась увидеть оставшиеся сухими части ступеней. Их нашлось немного. На женщину напали на пути к спасательным капсулам. Понять, спустилось ли чудовище ниже или появилось оттуда, было невозможно.

– Ступайте осторожно, – одними губами проговорила она, обращаясь к Робертс и Дирингу. – Не поскользнитесь.

Хотя крови было много, они смогли добраться до лестничной площадки, а за следующим пролетом увидели уютно освещенную приемную с удобными сиденьями и автоматом с напитками в углу. Подобные лампы, дорогие в обслуживании, обычно устанавливали в привилегированных отсеках корабля. Они свидетельствовали, что спасающиеся действительно добрались до офицерского отсека.

Робертс явно ждала указаний.

– Куда теперь? – пожал плечами Диринг, и винтовка в его руке дернулась.

Лилия воспроизвела в памяти схему корабля и сосредоточилась на отсеке со спасательными капсулами. Он находился уровнем ниже. Девушка прислушалась, мобилизуя органы чувств, чтобы понять, близка ли опасность. Система жизнеобеспечения гудела, отдаленные удары сотрясали несущийся к звезде корабль, но здесь они не пугали. Зона без криков, стрельбы, шипения тварей. Но тревога не покидала.

Тишина могла означать, что все погибли.

– Идемте, – сказала Лилия. – У нас не так много времени.

«Оставь их, – снова в ней зазвучал голос Вордсворта. – Только миссия имеет значение». Да, но спасение этих двоих могло спасти и часть ее души тоже.

Они спустились вслед за Лилией на нижний уровень. Двери в отсек с капсулами были взорваны, электронные замки дымились. Кто-то успел прорваться к капсулам раньше.

– О нет! – вырвалось у Диринга.

– Может, не все потеряно, – отозвалась Лилия, обдумывая, что делать. Она просчитывала время и траекторию, запасы и возможности системы жизнеобеспечения, пыталась найти компромисс между помощью этим людям и успешным выполнением миссии. «Я зашла так далеко...» – подумала спасательница. Она уже не могла промахнуться.

Добравшись до круглой комнаты, они увидели семь дверей, каждая из которых вела к одной капсуле. Доступ специально разработали так, чтобы быстро воспользоваться капсулами в случае чрезвычайной ситуации.

– Черт, – прошептала Робертс.

– Только одна осталась! – воскликнул Диринг.

Лилия подумала: «Понимает ли он, что это значит?» Она обернулась. Мужчина отступал от них, поднимая оружие. Было заметно, что он колеблется.

– Не обязательно поступать так, – спокойно и твердо сказала Лилия и посмотрела Дирингу прямо в глаза. Тот замер, но лишь на секунду. Затем продолжил движение. Сделав три шага назад, он уперся в мягкую переборку, за которой находилась последняя капсула. Здесь, в офицерском отсеке, даже стены были мягкими.

Лилия снова почувствовала под ногами вибрацию от двигателей корабля. Интересно, заметили ли это ее товарищи по несчастью? Скорее всего, нет. Она видела, слышала, улавливала больше, чем другие, в том числе и состояние неожиданного противника. У Диринга участилось сердцебиение, капли пота текли по вискам, побелели костяшки пальцев, охвативших спусковой крючок винтовки.

– Диринг... – мягко заговорила она.

– Они рассчитаны только на одного человека, – сказал он, поглядывая то на Лилию, то на Робертс в попытке предугадать, кто из них атакует его первой.

– В этой системе постоянно пролетают десятки кораблей, – залепетала Робертс. – Нас подберут в считанные дни. Тесновато, но вдвоем мы поместимся и в одной капсуле.

«Правда, хочу я совсем другого, – подумала Лилия. – Я не хочу, чтобы меня нашел кто-либо, кроме Основателей».

Да, стоило все предусмотреть заранее, прежде чем брать бывших коллег с собой.

Диринг поднял винтовку.

Хотя Лилия и отличалась смекалкой и быстротой реакции, на сей раз она оказалась недостаточно проворной.

– Робертс права, – Лилия поддержала инженера. – Да, места маловато, и запуск пройдет нелегко, но все мы продержимся в капсуле не один день. Неужели ты думаешь, что командиры не позаботились о том, чтобы на борту у офицеров было вдоволь еды и воды? Неужели не понимаешь, что в этих капсулах комфорта больше, чем в тех, что предназначены для рядовых сотрудников?

Диринг отвел от них взгляд и дотронулся до мягкой стенки. Только она отделяла его от спасения. Глаза мужчины расширились и загорелись неистовым светом.

– Ты не можешь оставить нас здесь умирать! – отчаянно закричала Робертс, но Диринг был неумолим:

– Есть еще капсулы в хвостовом отсеке.

– Но это далеко!

– Тихо! – зашипела Лилия, но было поздно – где-то неподалеку послышалось чье-то передвижение. А Робертс все не унималась, и ее следующая фраза лишь ухудшила их положение:

– Неужели я ничего не значу для тебя?

Аргумент был слабым и лишним. Лилия шагнула к Дирингу. Страх исказил его лицо. Он направил на нее дуло винтовки.

Лилия чувствовала, как приближалась следовавшая за ними тварь. Наверное, она ориентировалась на их голоса. Едва ли Диринг слышит это, так что у Лилии оставалось немного времени, чтобы отреагировать правильно. Но вдруг на нее навалилась вся тяжесть вынашиваемых мыслей.

О рисках, связанных с внедрением в команду «Эвелин-Тью».

Об операциях, проведенных как Основателями, так и Вордсвортом.

Об ответственности, которую она несла.

О важности информации, которую нужно было сберечь.

О катастрофе на корабле и смертях – по ее вине.

И, наконец, о возможных последствиях, к которым приведет крах миссии.

Каждая частичка ее существа противилась тому, что ей предстояло сделать. Как ни крути, но в создавшейся ситуации верность Вордсворту значила много больше, чем ее моральные принципы и свойства натуры. Его верность делу была абсолютной.

Лилия встала за спиной Робертс, схватила ее под руки и толкнула к Дирингу.

Прозвучал выстрел. Тело Робертс резко дернулось и упало на Лилию, но та удержалась на ногах. Она снова швырнула Кэт на Диринга и пошла на него. Коллега, превратившийся в злодея, оказался придавленным к стене окровавленной, умирающей подругой. Он изловчился и направил винтовку на Лилию. Робертс сползла на пол, хватаясь за одежду Диринга и оставляя на нем кровавый след.

Лилия сумела вырвать оружие, но почувствовала, как что-то сломалось в ее руке. Гремя, винтовка пролетела через весь отсек и шлепнулась у двери.

Уже виднелись движущиеся тени, слышалось угрожающее шипение.

– Какого черта?! – воскликнул Диринг. Он глядел не на лицо Лилии. Его испуганный взгляд уткнулся в ее туловище. Девушка проследила его взгляд, посмотрела на себя и только тогда почувствовала боль.

Скорее от отчаяния, чем от боли, Лилия закричала.

Все не могло закончиться вот так. Это было неправильно. Несправедливо!

Прижав руку к ране, она безрезультатно пыталась остановить капающую на пол белую жидкость.

– Господи боже, – прошептал Диринг.

Лилия воспользовалась его замешательством и, собрав все силы, отбросила противника свободной рукой. Диринг упал на пол, толкнув тело бывшей подружки, как раз в тот момент, когда в дверном проеме появилось нечто.

Лилия не оборачивалась. Она понимала, что если хочет выжить, то не должна терять ни единой секунды. Ни одного лишнего движения. Перешагнув через ногу мертвой Робертс, Лилия нажала на панель, что была на двери. Прошла вечность, пока дверь отворилась. Когда Лилия взялась за рычаг, она услышала крик Диринга.

Девушка не могла не оглянуться. Ксеноморф навис над мужчиной. Одна его конечность вонзилась в плечо Диринга, а вторая прижала тело человека к полу. Выгнув шею, тварь низко склонилась над своей добычей, а когда Диринг опять закричал, ксеноморф одним движением разгрыз ему череп.

Лилия забралась в капсулу и стукнула по кнопке на стене у двери. Едва люк капсулы захлопнулся, как на ее обшивку обрушился тяжелый удар. Топливо начало возгораться – и раздался оглушительный грохот, затмивший шум от нападения ксеноморфа. Лилия не успела пристегнуться к сиденью, чтобы погасить воздействие перегрузок от огромного ускорения, и ее отбросило к закрытому люку. Только теперь девушка позволила себе отдаться боли.

Силы покинули ее, но Лилия была даже рада встретить избавление в блаженной темноте забытья.

Внезапно очнувшись, Лилия вновь столкнулась с реальностью. Она застонала, попытавшись сделать вдох. Боль вернула ее назад. Она осталась совсем одна, а Робертс и Диринг погибли.

«Нет», – выдохнула Лилия. Хоть и не она навела курок на Робертс и не она размозжила череп Диринга, именно Лилия стала причиной их смерти.

«Нет!» – на этот раз закричала Лилия. Звуки ее голоса заглушались мягкими стенами маленькой капсулы, но она знала, что поступила правильно. Знала, что у нее не оставалось выбора.

Никакого выбора, если Лилия хотела, чтобы миссия прошла успешно.

Капсулу потрясло еще несколько секунд, пока реактивные двигатели не отключились. Став невесомой, Лилия мягко оттолкнулась от люка, ухватилась за сиденье, раскрутила себя и уселась, застегнув ремни на талии и плечах. Ее кровь висела в воздухе, собираясь в капли, похожие на молочные пузырьки.

Живот горел от боли, но еще больше Лилия страдала от мысли, что все было зря. Только почувствовав наступление этих безумных мыслей, она активировала успокаивающую программу, которая могла сбалансировать всплески установленной человеческой сущности. Она всем сердцем ненавидела этот процесс, ведь даже в свои пятьдесят с небольшим лет Лилия воспринимала себя в первую очередь как человека. Программа же разом выводила ее из подобных приятных фантазий. Необходимое зло, без которого Лилия могла нанести вред не только самой себе, но и, что более важно, украденной информации.

Запуская внутреннюю диагностику, она быстро сфокусировалась на области ранения. Менее секунды ушло на то, чтобы убедиться в сохранности жесткого диска. Частичка кости откололась от ребер Робертс и прошла через живот Лилии, минуя жизненно важные внутренние системы и едва коснувшись хрупкой оболочки, защищающей ее жесткий диск.

И пусть даже дыхание не было необходимым для ее организма, Лилия вздохнула с облегчением.

Вся информация хранилась на этом диске. Все, о чем просил Вордсворт, все, ради чего был создан «Эвелин-Тью». Все эти исследования, часы, дни и годы анализов, экспериментов, испытаний и ошибок... ошибок, которые все почти разрушили.

Компания проделала огромный путь. Их работа с образцами ксеноморфов с планеты LV-178 продвинулась намного дальше, чем кто-либо вообще мог ожидать или надеяться. И несмотря на то что чужеродные организмы все еще оставались загадкой, информация на диске Лилии позволяла узнать о них столько, сколько ни одно открытие до этого.

Совсем скоро «Эвелин-Тью» столкнется со звездой. И если кому-то до сих пор везло не повстречаться с кровожадным ксеноморфом, то любой человек на борту, имеющий даже самое отдаленное представление об исследованиях, скоро будет уничтожен.

Лилия не сомневалась, что шанса завладеть ценной информацией не было даже у тех, кому, возможно, удалось спастись в капсулах. В ее организме хранилась единственная копия, и она предназначалась одному Вордсворту.

Убежденная теперь в том, что заживление раны может подождать, Лилия изучила компьютер капсулы и оценила ее ограниченные характеристики полета. Для подобной критической ситуации капсулу запрограммировали на полет до ближайшей планеты, луны или астероида, но Лилия изменила программу. Оставалось еще семьдесят три процента топлива, так что, по ее подсчетам, капсула могла развить достаточную скорость и исчезнуть со сканеров к тому моменту, как прибудут спасательные корабли. К этому времени она уже затеряется в пустоте.

Лилия сочинила короткое зашифрованное сообщение для Основателей и пустила его транслирование раз в двадцать часов.

Закрыв глаза, она увидела Робертс, пораженную выстрелом, и Диринга, голову которого отрывает чудовище. Ее человеческая половина – ее сильнейшая половина, та, над которой она работала столько, сколько себя помнит, – возненавидела себя за эти поступки. Но как бы сильно Лилия ни ощущала себя человеком, она понимала, что тело ее создали так, что проживет она еще очень и очень долгое время.

Столько, сколько потребуется.

Устранив повреждения на животе и залатав рану, Лилия запустила ускорение и устроилась поудобнее.

1. Джонни Мэйнс

*Станция «Южные Врата-12», исследовательская лаборатория
Внешнее Кольцо, 2692 год н. э., март*

Лейтенант Джонни Мэйнс так и не привык к их виду вблизи. Живые или мертвые, в любом состоянии яутжа выглядели странно. Несмотря на какие-то общие черты, в них было столько всего так непохожего на человека, что с описанием не справились бы никакие традиционные системы классификации.

«Чертов ублюдок», – подумал он, и эта характеристика подходила как нельзя лучше.

– Лейтенант, – обратилась к нему Котронис. Капрал встала рядом с ним так близко, что плечи их соприкоснулись. Девушка все еще тяжело дышала. На ее лысой голове Мэйнс увидел пятно крови. Человеческой крови. К этому он, на самом деле, тоже так и не смог привыкнуть.

Он вопросительно взглянул на нее и, не дождавшись слова, сам прочитал ответ в ее глазах.

– Уиллис не справился, – сказала она. Пот стекал по ее лицу, а из глаз лились слезы.

– Возможно, это к лучшему, – ответил он тихо. – После такой передрыги он вряд ли бы захотел продолжить начатое.

– Ты не можешь говорить такое, – возразила Котронис. Наедине, когда слышать их могли только остальные «Пустотные Жаворонки», младшие не придерживались официальных военных обращений, а старшие не пользовались своим служебным положением. Пробыв здесь вместе уже очень долгое время, они больше не нуждались в званиях, чтобы выказать глубокое уважение друг другу.

– Могу, – жестко ответил Мэйнс. – Я знал его куда дольше, чем ты.

– А Лиззи?

Джонни был свидетелем того, как рядовой Лиззи Рейнольдс сражалась и расправилась с одним из яутжа. Она защищала мужчину и двух маленьких детей, успев несколько раз попасть во второго пришельца из своей нановинтовки до того, как тот заполучил ее голову.

– Это была хорошая смерть, – наконец сказал Мэйнс. – Она погибла, сражаясь.

– И что теперь?

Он отвернулся от мертвого яутжа. Обычно они покрывали их льдом и отправляли все, что осталось, экипажу станции. Компании не так часто удавалось заполучить такие полные образцы, а ведь об этих загадочных существах по-прежнему было известно так мало. Мэйнс не мог не восхищаться их боевыми навыками. Но также не мог и перестать ненавидеть. Уиллис и Рейнольдс были не первыми людьми, которых он потерял, но они были первыми из «Пустотных Жаворонков», павших в бою.

– Проведем полную проверку станции, – приказал он. – Найди Фолкнера и Лидер, сделайте несколько обходов снаружи, обезопасьте периметр. Я беру Сноуден и МакВикара, мы займем базу изнутри.

– Так точно, – ее голос звучал неуверенно и слабо.

– Сара?

Она искоса посмотрела на Мэйнса.

– Ты отлично сражалась. Как и все мы. Потеряли двоих, но и завалили столько же. Сама понимаешь, это вполне неплохой результат в борьбе против инопланетных ублюдков.

– Вот уж не знала, что мы ведем подсчеты.

Он подошел к ней и положил руку на плечо, крепко сжимая боевой костюм. Котронис улыбнулась ему и отправилась инспектировать отряды, оставляя Мэйнса наедине с трупом яутжа.

Левая нога пришельца все еще дергалась из стороны в сторону. Третий заряд лазерной винтовки повредил его кисть, а пульт управления на предплечье до сих пор искрился и шипел. Мэйнс знал достаточно для того, чтобы вывести из строя его систему вооружения, – этому поспособствовала Сноуден, разбирающаяся в технологиях яутжа больше остальных, – но маскировка продолжала работать, будто пытаясь отобрать яутжа у смерти.

Мэйнс пнул его ботинком, и голова пришельца опустилась, со стуком задев клыками пол.

Пятая команда Исследователей, которых Мэйнс лично в первый день пребывания за пределами Внешнего Кольца назвал «Пустотными Жаворонками», патрулировала космические пространства в этом регионе уже чуть больше трех лет. И за все это время они сталкивались с другими людьми всего три раза. Сейчас был третий и самый трагичный.

Потери среди ученых и обслуживающего персонала еще выяснялись, но первоначальные отчеты докладывали, что два яутжа выследили, поймали и убили по меньшей мере семнадцать человек за те два дня, что они находились на поверхности. Десятеро из погибших были инди и наемники, нанятые командиром станции для ее защиты. Мэйнс знал, что тел будет еще больше. Стоит только найти базу яутжа.

А где их база, там и трофеи.

Страшно было подумать, как много убитых еще найдется со временем. Исследовательская станция постоянно поддерживала население больше ста человек, а в столовой, под приглядом командира, собралось около восьмидесяти. Раненые, в состоянии шока, все еще не осознавшие, что и почему произошло. Они ожидали отправки обратно в Сферу Людей. Мэйнс не знал, куда именно, и его это абсолютно не волновало. Главное, чтобы подальше отсюда. Это место было испорчено, и хотя «Вейланд-Ютани» не любила растрачивать деньги впустую, станция, вероятно, пробудет безлюдной еще какое-то время.

Мэйнс проверил состояние своего боевого костюма. Никаких повреждений, но лазерный заряд оружия снизился до восьмидесяти процентов, отчего вес дробовика на спине приятно успокаивал. Восстановленный антиквариат, спасший его шкуру десять лет назад на Эддисон-Прайм, когда часть Мэйнса отправили на бой с беглыми морпехами. Это была первая перестрелка еще зеленого капрала с обученными солдатами. Он хорошо держался, но когда костюм разрядился и оружие вышло из строя, именно этот дробовик спас Мэйнсу жизнь.

– Лейтенант? – прогудел голос из имплантата в ухе.

– Слушаю, Сноуден.

– Сэр, командер Ниво, начальник базы, хочет видеть вас. Он требует доложить, каков наш дальнейший план, сэр.

Мэйнс улыбнулся. Несложно было услышать нервное напряжение и насмешку в голосе Сноуден. Хороший боец и опытный солдат, она никому не позволяла унижать себя. В особенности это касалось тех, по чьей вине они только что лишились двух друзей в попытке защитить станцию.

– Передай, что далее по плану он идет в задницу.

Сноуден расхохоталась.

– Значит, закрываем базу?

– Ага, у нас нет другого выбора. Пусть приступает. Чем бы они здесь ни занимались, все должно быть прикрыто и готово к отправлению, скажем, через сутки.

– Так точно, сэр. Значит, мы уйдем вскоре после этого?

Мэйнс снова отвернулся от мертвого яутжа, взорванных стен, следов лазера на потолке и осмотрелся. Это было большое помещение, рассчитанное на одну семью, – со спальней зоной, столовой и гостиной с экраном, игровыми приставками, не уступающими в своей ценности оборудованию на корабле, и удобными сиденьями. В комнатах поддерживалась приятная тем-

пература и не слишком яркий свет, что делало место похожим на почти настоящий дом. Чей-то дом, конечно, но и даже это вполне устраивало Мэйнса.

Помещение в размерах чуть уступало комнате отдыха на их корабле «Вол», да и остальная часть базы казалась недешевой, учитывая свежую еду, выращиваемую в зеленом куполе, и комплекс для досуга со своим бассейном и спортивным залом. Не такая уж и плохая идея – остаться здесь на некоторое время. Мэйнсу так захотелось поддаться искушению, что он возненавидел себя за это чувство. Его концентрация, бдительность ослабевали, а соблазн провалиться в неопределенный период спокойствия и отдыха лишь нарастал.

– Ты ведь знаешь, что да, – сказал он Сноуден. – Это необычное нападение, и я хочу вернуться на станцию как можно скорее. Возможно, яутжа в этом ареале готовятся к чему-то большему. Намного большему.

– Куда уж, ничего крупнее этого раньше не бывало, – Сноуден понизила голос, услышав голоса напуганных уцелевших. – Да ладно тебе, лейтенант. Всего денек после того, как свалят гражданские. Наесться, накупаться. Отдохнуть.

– Тебе бы этого хотелось, а, Сноуден? Взглянуть на меня, купающегося голышом?

– А тебя не проведешь, лейтенант.

– Скажи командиру, пусть остается на своем месте. Я спущусь и переброшусь с ним парой слов, а вы с МакВикаром осмотрите базу, проверьте наблюдательные беспилотники, убедитесь, что нам ничто не угрожает.

– Есть, сэр! Сию минуту, сэр!

– И если я застану тебя там по прибытии, то, поверь, выбью из тебя все дерьмо.

– Вы и какая-то армия, сэр?

Мэйнс ухмыльнулся. Ему нравилась Сноуден, как и все остальные «Пустотные Жаворонки» – они были семьей, друзьями, и именно поэтому им удавалось так хорошо выполнять свою работу. Не так уж много людей способны прожить столько долгое время без человеческого общения. Все Исследователи не отличались друг от друга, но Мэйнс, конечно же, считал, что пятая группа, его «Пустотные Жаворонки», были лучшими из лучших.

Требовалось время, чтобы полностью осознать всю трагедию от потери двух членов семьи.

– Вы не будете сопровождать нас?

– Только если появится достаточно серьезная причина, – ответил Мэйнс.

– Серьезная причина? Как насчет двадцати трех трупов? Достаточно серьезная причина?

Мэйнс осмотрел столовую и ошеломленных выживших. Мужчины и женщины, с заплаканными или пустыми глазами, все еще не верящие в происходящее. Он увидел и несколько детей, прижавшихся к родителям, и еще парочку, сидящих бок о бок. Возможно – сиротки. Мэйнсу было горестно за всех них.

Несколько инди также выжили. Теперь безоружные, они лишились даже видимости контроля. Бойня случилась не по их вине, но Мэйнс так и не смог заставить себя обменяться с ними хоть парой слов. Если бы они прошли лучшую подготовку и получили больше оружия, были включены в тренировки перед встречей с тем, что может поджидать их в этом месте, то, может быть, им удалось бы организовать более эффективную защиту. Но прошлого уже не вернуть.

– Думаете, нам следует перебросить все это куда-то еще, командер Ниво?

Ниво сердито посмотрел на Мэйнса, но за всей его злостью и угрозами прятался ужас, охвативший самого командера. Он был ответственен за эту исследовательскую станцию, но не сумел предвидеть надвигающейся катастрофы.

– Но... мы, по меньшей мере, в семидесяти днях от ближайшей норы, и орбита постоянно относит нас все дальше от нее.

– Лишняя причина начать сборы как можно скорее, – заметил Мэйнс, стараясь не повышать голоса. – А теперь не пройти ли нам в ваш офис? Вашим людям необходимо отдохнуть, поесть, набраться сил перед путешествием. Мы можем обсудить все остальное наедине.

– Ради всего святого! – закричал Ниво. Его трясло, но вместо того, чтобы раскраснеться от злости, командер побледнел, словно призрак. – Вам положено быть здесь, чтобы...

Мэйнс повернулся спиной к командиру и посмотрел на уцелевших, расположившихся по всей столовой. Он знал, что большинство из них ловит каждое его слово. В конце концов, он и его отряд прибыли сюда, чтобы спасти этих людей, и вот они жаждут узнать, что их ждет.

Ниво умолк, и Мэйнс услышал скрип пластикового стула, когда начальник станции неуклюже уселся на него.

– Шесть часов, – начал он. – Вот всё, что у вас есть. За это время вам нужно перевести оборудование в режим гибернации. Соберите любые данные и информацию, которую необходимо забрать с собой. Упакуйте личные вещи. Летная команда, проверки на корабле «Аполло» начнутся через тридцать минут, – Мэйнс кивнул группе инди. – Вы соберите мертвых. Упакуйте их в похоронные мешки и отправьте в хранилище «Аполло». Выкажите им то уважение, какое бы хотели видеть по отношению к одному из своих. Мои люди изолируют и обезопасят трупы яутжа. Обратно придется лететь с ними.

После заявления о яутжа среди людей прошелся тревожный шепот, но Мэйнс увидел одобрение ученых и их команды и понял, что принял хорошее, правильное решение. Правда, ради этого пришлось встать спиной к их командиру и фактически захватить его власть.

Это был необходимый, верный поступок перед тем, как Мэйнс отправит их в более безопасное место.

«На роль политика я не подписывался», – подумал он и вновь повернулся к командеру Ниво.

– В ваш офис? – спросил Мэйнс. Но по сути, это не было вопросом.

Они вошли в обширное помещение без каких-либо дорогих излишеств. На одной из стен виднелся голографический экран, на котором плясали различные сведения. Мэйнс взглянул на них, но не придавал им особого значения. Ниво уставился на экран, пробубнил приказ и выключил его. Усевшись на стул за маленьким столом, он повернулся к Мэйнсу.

– Говоря о том представлении...

– Брайану Уиллису было тридцать семь лет, – заговорил Мэйнс. – Он был рядовым Колониальных морпехов, которого так и не повысили из-за так называемого бунтарского поведения. Он служил в Семнадцатом отряде Косморожденных, когда я завербовал его. Его часть называлась «Кровавые Голуби», но Уиллис никогда по-настоящему не вписывался в ту команду. При этом он не был бунтарем. Просто любознательным парнем. И ему не нравился... порядок. С приказами проблем не было, но ему всегда хотелось выглянуть за пределы своего обитания на какой-нибудь исследовательской станции на астероиде. Он хотел большего и поэтому пришел ко мне. Бросил жену, которая никогда не разделяла его страсти к путешествиям. Она ни разу не покидала Землю, так что, думаю, вы понимаете, насколько разными они оказались.

Сам Мэйнс прекрасно понимал, насколько все здесь отличалось от других. Для того, чтобы работать вблизи Внешнего Кольца или за его пределами, на самом краю постоянно расширяющей свое влияние Сферы Людей, в этом маленьком уголке галактики, требовалось очень специфичное мировоззрение.

– Он умер, пытаясь увести яутжа от комнаты, в которой инди охраняли одну из ваших ученых и ее семью. Если бы пришелец ворвался туда, то убил бы абсолютно всех. Возможно – даже быстро: обычно в пылу охоты они убивают свою добычу как можно эффективнее. Но нам также известно, что некоторые из них любят причинять боль. Так что, может быть, он бы медленно истязал несчастных.

– Вы более чем ясно выразили свою мысль, – попытался остановить его Ниво.

– Пока нет. Я еще не рассказал о Лиззи Рейнольдс. Молодая девчонка. Хотите верьте, хотите нет, но это было ее первое путешествие за пределы Солнечной системы. Все началось с нескольких лет, проведенных в берете морпеха на борту станции «Харон». Сам генерал Бассетт разглядел в ней потенциал. Она была одиночкой, которая хорошо ладила с отрядом. Слова противоречат друг другу, но и в них есть своя правда. Лиззи хотела увидеть больше остальных и забраться как можно дальше, и она никогда даже не обмолвилась мне о том, что хочет домой. Ни единого раза. Лиззи понимала, что, возможно, мы будем патрулировать Внешнее Кольцо всю оставшуюся жизнь. Мы служим, Ниво. Лиззи знала это и умерла за эту идею.

Ниво медленно кивнул, его глаза наполнили слезы. Коммандера все еще трясло. Скорее всего, его так и не перестанет трясти, пока он не примет душ, поест, переоденется и уляжется в криокапсулу на десять недель путешествия.

«Он тоже потерял людей, – напомнил Мэйнс сам себе. – И намного больше, чем я».

– Я сожалею, – сказал Ниво. – Сожалею о ваших утратах.

– Да... И я сожалею о ваших.

Ниво смотрел на него еще какое-то время, будто готовясь сказать что-то еще. Но вместо этого вытащил панель управления, протер поверхность и повернулся к экрану, возникшему на стене.

– Состояние оборудования, – пояснил он. – Мои люди работают быстро. Смотрите, области, выделенные синим цветом, уже переведены в режим гибернации.

Мэйнс уселся на мягкий стул, утопая в подушке. Что бы он только не отдал сейчас за глоток алкоголя. В нем росло беспокойство и понимание того, что нельзя засиживаться на одном месте. Ему снова нужно было поговорить со своими людьми, и как можно скорее. Сравнить замечания и мысли. Но больше всего ему хотелось отправить сообщение в штаб Исследователей и узнать их мнение о произошедшем.

«Пустотные Жаворонки» изучали поселение яутжа за Внешним Кольцом чуть больше года. Это был огромный летательный аппарат, несколько миль в длину, вращающийся вокруг звезды в одной из бесчисленных неисследованных и неизвестных систем за пределами Сферы Людей. Тем не менее Мэйнс был более чем уверен, что яутжа, напавшие на их базу, пришли не отсюда.

– Хорошо, что ваши люди знают свое дело. Сейчас их нужно чем-то занять, а потом найдется куча времени, чтобы все обдумать и всех оплакать. Но пока что я хочу, чтобы вы все убрались подальше от этого места.

– Я пробыл здесь семь лет, – возразил Ниво. – Мы выполняем важную работу. Генетика, медицина с использованием бактерии, которая находится прямо в этом астероиде, под нашими ногами. И подобных мест, известных нам, всего пять. Но... Я никогда не думал, что может случиться что-либо подобное. Никогда.

– Это космос. Ничто здесь не пребывает в безопасности. Либо тебя убивает то, что ты знаешь, либо это делает что-то тебе неизвестное.

– Прелестный взгляд на вещи.

Мэйнс пожал плечами.

– Так почему вы не сможете сопровождать нас? – спросил Ниво. Его голос был низок и слегка дрожал от страха. Внезапно, пустота космоса показалась ему еще глубже и темнее, чем прежде. Он слишком пустил корни в этом месте, привыкнув к комфорту и позабыв о том, насколько бесконечна и безразлична к тебе окружающая пустота.

– Потому что мы тоже выполняем тут важную работу, – ответил Мэйнс. Он указал на пустой экран. – Вы поймете это. Знаете, чем занимаются Исследователи?

– Конечно. Патрулируют Внешнее Кольцо. Сопровождают «Титаны», когда те отправляются за пределы Сферы и строят новые норы.

– Да, это самая простая часть, но экспансия – дело нелегкое. За прошедший год, может, чуть больше, мои «Пустотные Жаворонки» присматривали за поселением яутжа, дрейфующим у этого квадранта, вокруг звездной системы, которая находится в нескольких световых годах от Сферы. Выглядит вполне себе нерабочей, движется без особой цели, да и опасности они никогда не представляли. Но это наша работа. Мы охраняем не только корабли. На нас лежит ответственность за охрану человеческого влияния в галактике. Там, за пределами исследованного человеком космоса, мы обеспечиваем безопасность или пытаемся исправить обратное.

– Те яутжа прилетели оттуда?

– Не думаю. Мы бы заметили их корабли на обратном пути.

– Но все же, вы прилетели.

– Ваш сигнал тревоги нам передал другой корабль. Вам повезло, что по плану мы отправились на ежегодное пополнение запасов и что мы оказались совсем недалеко от вас. Иначе...

– Они бы убили нас всех, – закончил Ниво.

– Может, и нет. Бывали случаи, когда при нападении на большее население некоторых они брали в плен.

– Но для чего?

Мэйнс встал и еле сдержал стон, когда хрустнули его колени. Слишком долгое время он провел в космосе, бегая при нулевой гравитации на борту «Вола».

– Будьте уверены, приятного в этом мало.

– Значит, вам нужно возвращаться на пост? Присматривать за их поселением?

– Особенно после произошедшего.

Ниво кивнул. Коммандеру не нравилось принятое морпехом решение, но он все понимал, и Мэйнс уважал его за это.

– Все будет в порядке. Семьдесят дней до норы на «Аполло», инди могут оставаться в сознании, чтобы следить за обстановкой. Да, и насчет того, что я рассказал вам о нашем наблюдении за яутжа. Это секретная информация.

– Конечно, – Ниво встал и протянул руку, они обменялись рукопожатием. – Спасибо.

– Мы здесь как раз ради этого.

Все, кроме Уиллиса. И Рейнольдс. Мэйнс все еще видел их лица: суровую улыбку Уиллиса, постоянно что-то скрывающую, воодушевление в глазах Рейнольдс. Впервые, с тех пор как он стал лидером «Пустотных Жаворонков», ему придется заняться похоронами.

Выйдя из офиса, он услышал звонок.

– лейтенант? – звонил Фолкнер, сигнал исходил с борта «Вола».

– Слушаю.

– Я поймал сигнал Тринадцатой группы Исследователей. Они вступили в контакт с яутжа. Станция на пустотном астероиде, в семнадцати световых годах отсюда.

– «Космические Серферы»?

– Да, отряд Голдена. Мне отозваться?

Мэйнс закрыл за собой дверь. В коридоре было так тихо и спокойно, а далеко-далеко от него, возможно, погибали старые друзья. Сложно было отделаться от ощущения, что он не должен здесь находиться.

– Подтверди прием, но мы ничем не можем им помочь.

– Нужно возвращаться на станцию.

– Открытая линия, – скомандовал Мэйнс, и их разговор стал слышен всем «Пустотным Жаворонкам».

Настало время выдвигаться.

Джонни Мэйнс всегда считал похороны в космосе странным, но красивым зрелищем. Через час после отбытия со станции «Южные Врата-12» он уже стоял перед оставшейся командой и готовился к тому, чтобы отправить двух друзей в пустоту космоса.

Уиллис и Рейнольдс не были религиозны, поэтому погребение вышло коротким и сентиментальным. Несколько слов о каждом из них, рассказ об их личностях и о том, как храбро они приняли смерть, и смешная история о них обоих, вернувшая улыбки на печальные лица. Затем все повернулись к экрану в комнате отдыха, а Мэйнс пробормотал команду компьютеру корабля:

– Фродо, выпускай.

Они услышали лишь тихое шипение и увидели Рейнольдс и Уиллиса, выброшенных в пустоту. Казалось, будто они движутся вместе, но даже малейшая разница в траектории неизбежно разъединит их навсегда.

Со временем Мэйнс стал видеть в этом свою загадочность и величественность: покинув мир живых, два тела отправляются в бесконечное путешествие по космосу. На каждом похоронах, на которых довелось присутствовать лейтенанту, говорилось, что тела пустились вдаль от Земли. Каждое мгновение путешествия стремится к чему-то новому и неизвестному – для свидетелей церемонии, как бы они ни относились к душе, богам и жизни после смерти, это делало подобную идею совершенной.

Мертвые теряют способность постигать, но еще могут исполнять миссию любого мужчины и женщины, отправившихся на небеса, – исследовать, путешествовать и быть частью того места, которому они принадлежат.

– Всегда было интересно, отыщут ли их когда-нибудь? – сказала Котронис. Как и остальные, она до сих пор была в боевом костюме и отказывалась смыть кровь Рейнольдс со своего безволосого скальпа, решив заняться этим только после похорон.

– Вряд ли отыщут, – ответил МакВикар. Мэйнс знал, что этого немногословного, иногда жесткого, большого человека связывал легкий роман с Рейнольдс. Необремененная ничем дружба, периодический секс. Из-за постоянной близости с остальными членами группы Исследователи редко испытывали более глубокие чувства, по крайней мере – на показ. Но кто знает, что скрывается глубоко внутри?

– Да нет, я в смысле, позже... – Котронис провела рукой по колючей щетине на голове и отдернула руку, коснувшуюся засохшей крови. – Намного позже. Через миллионы лет. Десятки миллионов. Может, даже через миллиард, когда люди уже превратятся в пепел. А погибшие все еще будут парить в космосе. В таких далях, до которых Сфере Людей никогда не добраться. До тех пор пока мы сами себя не уничтожим или не найдем того, кто сделает это за нас.

– Зашибись какие мы сегодня жизнерадостные, а, капрал? – вмешался Фолкнер. Это был невысокий, худощавый парень, бесцеремонный, но находчивый. Мэйнс часто называл его бортовым ученым, хоть Фолкнер и был обычным рядовым. Всегда хорошо иметь в команде подобного человека.

– А что, вполне себе жизнерадостно, – ответила Котронис. – Я хочу уйти именно так. Не взорваться, не стореть заживо и не быть съеденной черт-те чем. Нет, именно так. Просто уплыть вдаль.

Все посмотрели на экран. Мэйнсу нравилось дружеское подтрунивание внутри команды, но сейчас комната казалась ужасающе пустой, она будто выросла в размерах по сравнению с собой прежней. Из восьми Исследователей осталось шесть, и смерть оставила такую брешь, которую даже время не сможет залатать.

– Пока твой уродливый труп не столкнется с «Титаном» и оттуда не вывалится полтысячи людей, – сказала Лидер, и все тихо посмеялись. Даже МакВикар. Лидер, извечная шутница, обычно знала, когда стоит вставить в разговор какую-нибудь хохмочку. Вот и сейчас ей удалось разрядить напряженную атмосферу, но Мэйнсу казалось, что ощущение пустоты еще не раз заполнит эти комнаты. Все они уже какое-то время пробыли морпехами, а некоторые – уже достаточно долгое время. Большинству доводилось терять друзей и до этого, но еще ни разу осознание смерти не облегчало ее принятие.

Лидер оглянулась на Мэйнса и печально улыбнулась. Он кивнул.

«Легкий роман», – подумал он. Те же слова он прошептал однажды Лидер, лежа рядом с ней на постели, когда оба тяжело дышали, все липкие от пота. Она засмеялась и сказала: «Не так-то уж и легко мне пришлось только что».

– Приступим к делу, – приказал Мэйнс. Все они продолжали смотреть на экран, даже когда тела уже превратились в точки и совсем исчезли из виду. – Лидер, запусти программы и установи курс. Дашь мне знать, сколько времени он займет. Сноуден, проверь все системы «Вола». Его ужасно трясет во время приземления. Сделай все возможное, чтобы это прекратилось.

Лидер и Сноуден кивнули; Котронис и Фолкнер тоже покинули комнату отдыха, чтобы занять свои позиции.

– А я, стало быть, за повара? – спросил МакВикар.

– Чертовски верно подмечено. Я голоден, как ад.

Здоровяк кивнул:

– Быстренько сообщаю чего-нибудь. Угощение нам всем не помешает.

«Вол» был одним из быстрых кораблей в арсенале Колониальных морпехов. Специально разработанный для Исследователей, это разведывательное судно с возможностью атаки класса «Стрела» стало результатом столетий развития технологий космических кораблей, исследования двигателя, позволяющего передвигаться быстрее скорости света, и упрямой настойчивости Основателей.

Прорыв в использовании технологии «быстрее скорости света» произошел несколько сотен лет назад, и этот процесс походил на время, когда человек впервые покинул поверхность родной планеты – необходимые технологии оставались уникальными, но еще опасными и медленными в развитии.

Огромный скачок произошел во время одной из первых космических войн.

Классические законы физики уступили место куда более сложной науке, о которой порой отзывались как о сверхъестественной, и пределы возможных открытий казались все более шаткими, ведь «Вейланд-Ютани» руководила и физической, и экономической стороной войн. Компания распоряжалась деньгами. Под ее началом были ресурсы. Но самым главным качеством Компании была ее непреодолимая тяга к успеху, ее активная работа над расширением границы Сферы Людей в самые разные моменты ее истории.

Однажды потеряв влияние, но вновь восстав из пепла, Компания взяла под полный контроль отряды Колониальных морпехов, которых после этого зачастую стали называть Корпоративными морпехами. Этот шаг превратил «Вейланд-Ютани» не только в старейшую и сильнейшую компанию за всю историю человечества, но и в мощнейшую организацию, принимавшую участие в правлении государством. С самого начала своего беспокойного возрождения их вложения в экспериментальные технологии космических путешествий окупались в сотни раз.

Корабли класса «Стрела» стали вершиной возможностей человека. В то время как в двадцать втором веке корабли Файнса, великие исследовательские суда, прозванные в честь первого астронавта, забравшегося за пределы Солнечной системы, полагались на технологии путешествия на скорости света, более поздние корабли, например, строители нор класса «Титан», уже могли развивать небольшие показатели двигателя «быстрее скорости света». Большинство «Титанов» достигали показателей, превышающих скорость света в пять раз. Некоторые более мощные корабли Компании иногда превосходили скорость света в шесть, а то и в семь раз.

«Стрелы» же разгонялись до пятнадцатикратной скорости света. Принципы науки, стоящие за подобными открытиями, были туманны и далеки от Мэйнса, и даже Фолкнер предполагал, что людей, смыслящих в этих технологиях, можно пересчитать по пальцам. Для обеспечения стандартного годового полета такого корабля, работающего на очищенном, кон-

центрированном тримоните, требовались сотни тонн невероятно редкого минерала. Затраты на строительство этого судна были ошеломительными, а на его заправку (в этот процесс входили добыча минерала, его доставка, очистка и герметизация) – попросту убийственными.

На данный момент в эксплуатацию было введено более трехсот «Стрел», патрулирующих самые дальние уголки Сферы Людей, границы которой достигали уже около трех миллионов квадратных световых лет. Даже «Стреле», достигшей предела скорости, понадобились бы две сотни лет и, вероятно, миллион тон тримонита, чтобы полностью облететь Сферу. И это при том, что за всю историю человечества количество добытого тримонита едва превысило полмиллиона тонн. Утверждалось, что неиссякаемые источники минерала покоятся на множестве астероидов и планет, но злая шутка заключалась в том, что людям на кораблях нужно было сначала добраться до этих мест, и только после этого добыть драгоценный минерал.

Человечество исследовало лишь один процент Млечного Пути. Несмотря на немыслимые скорости, космические путешествия не перестали быть серьезным испытанием.

Тут в игру вступили норы. Пока двигатели «быстрее скорости света» отвечали за передвижения в космосе, норы начали разработку абсолютно другой концепции. Ученые обсуждали подобные идеи еще в далеком двадцатом веке, но возможность по-настоящему использовать накопленные идеи появилась около столетия назад. Норы не были дырами в прямом смысле этого слова, а скорее трубами, бесконечно длинными, но пропускающими путешественника через себя мгновенно быстро. Нужно было только увидеть изгиб в просторах космоса и, войдя в него, в ту же самую секунду оказаться на другом его конце.

Мэйнс понимал сам принцип перемещения, но технологии создания нор были за пределами его понимания. Строительство нуждалось в ускорителях частиц, генераторах антиматерии и других приборах, которые он не распознал бы, даже свались они ему на голову. Сами норы состояли из кольцевых структур и требовали от Основателей огромного количества материалов и годы на свое строительство.

Даже спустя все это время только треть нор начинает работу без проблем, а примерно одна из пятидесяти взрывается при запуске. Именно по этой причине было принято вводить их в действие удаленно. Норы перебрасывают корабль только в одну сторону, без билета в обратный конец. Они настроены на одну частоту, но к каждой из нор необходимы свои коды активации. Таким образом, у людей появилась возможность быстро перепрыгивать из одной точки Сферы в другую, но даже так громадные расстояния между ними никуда не делись, ведь норы нельзя сооружать слишком близко друг к другу. И именно поэтому, продвигаясь все дальше за Внешнее Кольцо, «Титаны» не перестают строить все новые норы.

Со временем вокруг этих точек начали образовываться сообщества. Некоторые из них – государственные исследовательские станции и базы технической поддержки, управляемые людьми из «Вейланд-Ютани» и спонсируемые Компанией. Но еще больше было негосударственных групп людей, кораблей и космических станций. Часть их требовала плату за пользование норой, а другая защищалась.

Норы превратились в космические оазисы. Они стали домом для кочующих путешественников и искателей компании себе подобных – пиратов и наемников, грузовых судов и военных конвоев. И хотя Исследователи привыкли к норам, они все же не проводили там свое свободное время. Исследователи всегда предпочитали компанию друг друга.

Пополнив запасы на корабле «Темная звезда», принадлежащем «Вейланд-Ютани», «Вол» дал полный задний ход. Как только все системы включились, Мэйнс и его отряд отправились в капсулы ожидания, в то время как Фродо приступил к своим обязанностям.

Мэйнсу не нравилось находиться в капсуле ожидания. Они ничем не отличались от криокапсул, все так же останавливая биологические часы человека и удерживая их в одной секунде во времени, пока корабль преодолевает огромнейшие расстояния. Единственным серьезным

отличием капсул ожидания на борту «Стрел» было то, что они являются таким сильным буфером против происходящего вокруг, что реальность едва осознается. Гуляли байки, скорее всего преувеличенные, о первых пилотах, тестировавших корабли. Двое из них, пройдя рубеж показателей, превысивших скорость света в десять раз, решили не погружаться в капсулу полностью, пока не стало совсем поздно. В конце путешествия их нашли еще в сознании, но еле дышащих и бессвязно бредящих. Судя по всему, разум бедняг постарел на семнадцать тысяч лет – проведя на борту семнадцать дней реального времени, без возможности сдвинуться, сделать хоть что-нибудь, они прожили сто семьдесят столетий только лишь в своей голове.

Мэйнса не особенно беспокоила эта поучительная история, но капсулы ему все равно не нравились. То ощущение, когда она наполнялась гелем, было настолько сродни утоплению, что он никогда не мог спокойно вдохнуть, находясь внутри этой штуковины, пока наконец полностью не отключался.

А вот то чувство, когда стекло открывается и позволяет тебе выблевать все внутренности, всегда приносило великое облегчение.

Лейтенант перегнулся через край капсулы и выкашлял остатки геля. При соприкосновении с воздухом тот растворялся, позволяя Мэйнсу очистить легкие, но полупереваренные частички пищи, принятой перед погружением в капсулу, не растворялись словно гель. Мак-Викар приготовил тогда отличную джамбалаю, и теперь Мэйнс, задержав дыхание, наблюдал, как пережеванные креветки и перчики летают по помещению.

– Эй, лейтенант, тебе реально пора искать новую работу.

Мэйнс посмотрел вверх; из его носа свисала сопля.

– Лидер, как ты ухитряешься всегда первой оказаться на ногах? И почему ты всегда такая... свежая?

– Фу-у-у... – скривилась та, натягивая нижнее белье. – Коричневое пятно. Не совсем то, на чем бы мне хотелось спать.

– Ты будешь спать на любой фигне, на которой я прикажу.

– Ну да, ну да, – Лидер развернулась к нему спиной. – Эй, капрал, мой вышестоящий офицер высказывает, как мне кажется, непристойные вещи в мой адрес.

Котронис в это время только вылезала из капсулы. Все морпехи знали, что она не только самая ужасная соня из команды, но еще и просыпается с самым поганым настроением.

– Отвали, Лидер, – буркнула она.

Лидер засмеялась, Сноуден вырвало, и отсек с капсулами наполнился звуками поддрозиваний и рвоты, стонов и шарканья по полу, после чего команда начала одеваться. Болтовня в этот раз казалась более оживленной, чем обычно, но все подсознательно понимали, что пытаются, таким образом, восполнить отсутствие двух товарищей.

– Что ж, возвращаемся в обычную колею, – сказал Мэйнс. – Проверить системы, оружие, отключить искусственную гравитацию. Вы знаете, что делать.

– Пожалуйста, дайте мне тут закончить, не включайте пока нулевую гравитацию, – простонала Котронис, и ее снова стошнило.

Лидер облокотилась о стену.

– Что за букет кисок!

Десять минут спустя, медленно вращаясь в душе при нулевой гравитации, Мэйнс заметил Лидер, протиснувшуюся сквозь щель в герметичной мембране, закрывавшей вход. Она, хмурясь, осмотрела его сверху донизу.

– Ты прибавил в весе.

– Плоды готовки Мак-Викара, – Мэйнс выключил душ и включил сушилку на среднем уровне подогрева. Он чувствовал, что заслужил хоть каплю комфорта. – Что у тебя?

– Пробыли в полете девяносто восемь дней, преодолели три и девять десятых световых лет. Сейчас мы в шестнадцати миллиардах миль от их поселения. Семнадцать минут назад Фродо включил маскировку – мы снова превратились в астероид, вряд ли нас заметили.

– А что «Космические Серферы»?

– Охота продолжалась семь дней. Они нейтрализовали двух яутжа, но потеряли своего капрала. Голден вытащил копье из плеча и продолжал сражаться. Прикончил яутжа один на один.

– Крепкий ублюдок.

– Странно, что два контакта случились за один и тот же отрезок времени.

– Ага, – кивнул Мэйнс и начал одеваться. Его летный костюм упал с липучки на стене и намок. Он выругался про себя, но сразу тряхнул головой. Это ведь всего лишь мокрый костюм, который высохнет через пару минут. По крайней мере, Мэйнс еще был жив.

– Ты в порядке, Джонни? – Лидер уже не язвила, Мэйнс видел, как серьезно она обеспокоилась. Чувства между ними становились все глубже, и сколько бы Мэйнс ни пытался бежать от них, его затащило с головой. Да и Лидер, как казалось Мэйнсу, тоже. Они могли говорить о чем угодно, но сошлись на одном правиле, важнейшем принципе, – развлекаться и держать дистанцию. И тем не менее перешли от бурного секса к страстным занятиям любовью, после которых лежали, обнявшись так крепко и в такой тяжелой от невысказанных слов тишине, что порой было нечем дышать.

– В полном, – Мэйнс уже натягивал одежду. Он ухватился за душевую кабинку и отлетел к стене.

– Уверен?

– Я в порядке, ничем не хуже вас всех, – ответил он, отталкиваясь от стены в направлении Лидер. Она стояла на месте, на полпути ко входу, когда Мэйнс прижался к ее лицу и мягко поцеловал, не нарушая тишину.

– Почистите зубы, лейтенант, – улыбнулась она, возвращаясь в дверной проем. Помедлив мгновение, за ней отправился и Мэйнс.

Вся команда уже собралась в кабине экипажа. Лидер опустилась на место пилота, Фолкнер сидел у основного боевого арсенала, а остальные пристегнулись к своим сиденьям в тесном пространстве. Пустующие места горько напоминали о своих прежних владельцах.

– Итак, Фродо, что у нас есть?

Спокойный, доброжелательный голос компьютера корабля заполнил кабину.

– Рад вас видеть, лейтенант. В поселении яутжа никаких изменений не обнаружено. Их курс и орбита не изменились с прошлого раза, я не засек вблизи никаких летных следов, но пока мы не подберемся ближе, я не смогу рассмотреть, что именно там происходит.

– Отлично. Что насчет переговоров?

– Обычная коммуникация яутжа. Редкие и короткие сигналы. Я использую самые новейшие переводчики, какие только есть, но едва могу разобрать диалекты. Есть лишь одна странность, о которой вам следует знать, – повторяющийся сигнал, поступающий извне.

– Какого рода?

– Лучшая догадка, что могу вам предложить, – это обратный отсчет.

– Обратный отсчет чего?

– Извините, лейтенант, я действительно не знаю, что ответить. Это сложная самоповторяющаяся система из символов, никогда раньше не видел ничего подобного.

– Тогда откуда ты знаешь, что это именно обратный отсчет?

– Просто интуиция.

– Спасибо, Фродо. Все уже в центральном блоке?

– Конечно.

Мэйнс сел слева позади Лидер.

– Сноуден?

– Уже работаю, – откликнулась она. Сноуден была их экспертом-самоучкой в вопросах яутжа, которыми она восхищалась с самого детства. По ее словам, именно их военное общество подвигло ее вступить в ряды Колониальных морпехов. Сноуден всегда старалась не только следить за последними исследованиями, но и строить собственные теории и догадки.

Какое-то время они летели молча. Мэйнс осмотрел палубу и команду, свою семью, лишь на секунду задержав взгляд на местах Уиллиса и Рейнольдс. Казалось, будто их внеплановая экспедиция, громадные расстояния, пройденные в столько короткие сроки, жестокость сражения придали им всем новой энергии.

Палуба гудела от возбуждения.

– Довольно пустой болтовни, – сказал Мэйнс. – Идем на сближение.

2. Иза Палант

База «Роща Любви», исследовательский центр

Планета LV-1529, 2692 год н. э., май

Только вновь очутившись под электрическими штормами жестокой, безжалостной и свирепой LV-1529, Иза Палант вспоминала, что за место окружало ее.

По правде говоря, ей совсем необязательно было выбираться. Иза знала, что терраформирование – очень долгий и опасный процесс, ведь ни одна планета не жаждет, чтобы ее меняли силой. Она вполне могла наслаждаться безопасностью «Рощи Любви», пребывая в комфортных условиях своей лаборатории с весьма высоким уровнем жизнеобеспечения, кофемашиной, для которой специально доставлялись обжаренные кофейные зерна с планеты Уивер, и даже постелью, позволявшей не оставлять рабочего места на время сна.

Работа значила для Изы всё, как и для ее родителей. Она занимала каждую секунду бодрствования и сна, но как раз поэтому она ценила такие побеги особенно высоко.

– Путь навверх будет немного тернист, – предупредил ее Роджерс.

– Более чем уверена в твоих способностях водителя.

– Я тоже. А вот в этом куске дерьма, именуемом вездеходом, – не очень.

– До сих пор он неплохо держался.

Зная, что сама она немного грешит против истины, Палант проверила ремни безопасности и вцепилась за ручку над сиденьем. Им уже дважды пришлось останавливаться на обратном пути от границы. Оба раза Роджерс надевал защитный костюм, перед тем как выйти и перевязать шатающуюся выхлопную трубу. В первый раз она забилась пылью, а во второй – раскололась изнутри. Теперь же она шипела и рычала, словно разозленный кот.

Изе хотелось помочь, но она честно признавала свое незнание всего, что касалось механики. Абсолютно не ее стезя. А вот Кит Роджерс, инженер в рядах Колониальных морпехов, определенно знал, что делает. Впрочем, теперь уже он инди, но «Роща Любви» все так же нуждалась в его помощи. Несмотря на то что официально он числился в силах безопасности, Роджерс большую часть времени проводил, помогая техникам держать базу на плаву.

– Еще парочка миль. Хочешь, чтобы я ехал помедленнее?

– Очередная попытка остаться со мной наедине в местечке потише, капрал Роджерс? – поддразнила его Иза.

– Мисс Палант, я еще с самого начала понял, что не смогу заинтересовать вас хламом у себя в штанах.

– Боже, как изысканно.

– Я бывший военный, о чем вы не забываете мне каждый раз напоминать. Изысканность среди нас цветет махровым цветом.

На всю машину раздался ее громкий хриплый смех, притягивающий к себе столь многих людей. Иза обожала смеяться, полностью отдавалась моменту, к тому же Роджерс оказался на удивление приятным человеком. Она бы никогда не поверила, что сможет подружиться с наемником, но он предпочел не обращать внимания на ее предрассудки и, в каком-то смысле, даже очаровал. Настоящий ученый, Иза всегда радовалась новым урокам, особенно если уроки ей преподносила сама жизнь. Ее родители об этом позаботились.

– А впрочем, если бы ты поработала немного ручками... – пробубнил Роджерс, и она, молниеносно высунувшись из кабины, стукнула его по руке. – Ой!

– Вот тебе и большой суровый военный.

– Ты сильнее, чем кажешься.

Палант заметила, что Роджерс все же поехал медленнее, и улыбнулась. Он знал, какое счастье Изе приносят их редкие вылазки. Делала она это не только для того, чтобы испытать на себе всю жесткость места, которое Палант буквально создавала с нуля так, чтобы его можно было назвать домом, но и для того, чтобы очистить разум. Она проводила на работе так много времени, что ей просто необходимо было иногда сбегать оттуда подальше; не только от лаборатории, образцов, компьютеров и теорий, но и от самой базы. Так она освобождалась от ненужной информации в голове и получала возможность взглянуть на вещи по-новому.

И тем не менее, стоило ей только закрыть глаза, как она вновь видела яутжа.

– Атмосферные преобразователи, – объявил Роджерс.

– Где? – Палант посмотрела на ветровое стекло, самоочищающееся от мутных капель дождя. Все поцарапанное, оно не раз сталкивалось с местными пыльными ветрами, а порой и с гравием, который приносили смерчи, гулявшие по соседству с базой. Иза прищурилась и между скользящими дворниками увидела мерцающие огоньки трех башен.

Вид атмосферных преобразователей за последние сто лет почти не изменился. Они представляли собой громадные пирамидальные сооружения, работающие на основе ядерного синтеза, в котором Палант мало что понимала. Даже несмотря на свою профессию ученого, она глубоко верила, что настоящему палеонтологу нужно постоянно поддерживать художественный вкус. Кому-то преобразователи могли показаться красивыми сооружениями; Иза же видела в них лишь неуклюжие здания, построенные человеком, борющимся с природой. Цена каждой победы была очень высока, и у них не всегда получалось выигрывать. Так или иначе, недавние показатели говорили о том, что LV-1529 перейдет в разряд планет второго класса через пятнадцать лет и достигнет первого класса всего через несколько десятилетий.

– Возвращаешься к своим монстрам сегодня днем? – поинтересовался Роджерс.

– Ага, почему бы и нет. Есть пара мыслишек.

– Над чем сейчас работаешь? – он видел образцы в ее лаборатории, замороженные останки яутжа, подобранные после различных контактов за последние десять лет. Кисть без одного пальца, изорванный обрубок конечности, прижатый лазерной винтовкой на запястье. Нижняя челюсть с длинными и острыми клыками, где на месте потерянных зубов начали прорезаться новые. И много образцов крови и телесных жидкостей. Иногда от увиденного ему становилось грустно. Иногда страшно.

– Я хочу узнать, какое место занимает их кровь в процессе восстановления ран и регенерации, – ответила она. – Совсем недавно обнаружила это при работе с Ив.

– А, точно, единственный яутжа, которого удалось взять в плен. Разве оно не убило себя?

– На этот вопрос еще нет ответа, но я считаю, что да, убило. Каким-то образом оно заставило свое сердце перестать биться. – Палант так хотелось по-настоящему поговорить с Ив, узнать его истинное имя. Постигание их языка было одной из сторон ее исследований, хоть в этой области она и продвинулась меньше всего. Ученые Компании относились к ее экспериментам скорее как к исследованиям вивисектора, в то время как их надо было рассматривать как контакт с разумными и высокоразвитыми пришельцами.

– Сначала я подумала, что ответ кроется в нанотехнологиях, и потратила немало времени на изучение этого варианта. Но не найдя никаких оснований для этого, я задумалась о биотехнологиях.

– Чего?

– Естественным образом созданные наноботы. «Вейланд-Ютани» исследует эту сферу уже долгие годы, но без особого успеха. Здесь нужна не только очень высококачественная генетика, но и уже существующий в теле необходимый биологический материал, который нужно запрограммировать на определенные цели.

– Ясно. Интересно, что сегодня на ужин.

Иза улыбнулась, зная, что он шутит. Роджерс был намного смысленнее, чем любил сделать вид, и они уже достаточно долго дружили, чтобы он понимал то, о чем она рассказывает. Иногда ей даже хотелось предложить ему место своего помощника, но Изу устраивали их отношения, а такая дружба нуждалась в дистанции.

В лаборатории она становилась слишком напряженной.

– Дело в том, что спустя какое-то время я поняла, что нужно мыслить более приземленно. Более старомодно. Я не отдавала должного уважения их биологии и всматривалась больше в технологии, чем в эволюционировавшие природные способности. Поэтому, вернувшись к истокам, я начала сравнивать их кровь с кровью других видов, способных к регенерации. Тритоны, морские звезды, плоские черви. Аксолотль, невероятное создание. Даже такие млекопитающие, как олени, – ведь они же могут заново отращивать свои рога, – и некоторые летучие мыши, вылечивающие поврежденные крылья.

– И Компания не перестает вливать деньги в твои исследования?

– Еще бы. «Биооружие» и «АрмоТех» любят меня.

Роджерс ничего не ответил. Они уже не раз разговаривали на эту тему, и он знал, что ее намерения чисты и честны. Иза была буквально околдована яутжа и мечтала о возможности организации важного контакта с ними, но добиться этого можно было лишь снизив все растущее желание Компании нажиться на военных технологиях пришельцев.

– А тебя не бесит играть по их правилам, когда ты хочешь просто заниматься тем, что любишь? – спросил он, наконец. Кит тоже получал зарплату в Компании, так что необычно было слышать, как он озвучивает те слова, о которых, – и в этом Иза не сомневалась, – уже думал ранее.

– Я не смотрю на это под таким углом, – ответила она. – У меня более широкий взгляд на вещи. Так или иначе, это отличное приключение.

– Прямо-таки слоган для футболки.

– Они действительно удивительные создания, – продолжила Иза, не обращая внимания на комментарий Роджерса. Как всегда, вдали от лаборатории, ей не терпелось вернуться обратно. Казалось, что ее жизнь состоит из противоречий. Она глубоко ценила те немногие моменты, когда могла отдохнуть от работы, но в отлучке сразу начинала тосковать по лаборатории. Она жаждала знаний и стремилась к мирному, взаимовыгодному контакту, хоть и осознавала, что работает на Компанию, основной идеей которой было поддержание так называемой «науки войны».

Однажды, когда Иза была еще витающим в облаках подростком, отец объяснил ей все, что нужно было знать.

«Компания напугана, – сказал тогда он. – Мы продвигаемся в глубь галактики невероятно медленными темпами и знаем, что далеко не одиноки во Вселенной. Мы уже встречали другие разумные формы жизни, вступали с ними в контакт. Некоторые из них настроены дружелюбно, другие ведут себя равнодушно. Иногда приходится принять бой. А есть яутжа, которые навешиваются к нам уже, вероятно, не одно тысячелетие, и чем дальше мы продвигаемся, тем больше внимания к себе привлекаем. Также есть ксеноморфы, обитающие на самых далеких задворках космоса, и, скорее всего, нам встретится еще больше, возможно, даже более смертоносных цивилизаций. Наше влияние растет, множатся открытия, а вместе с ними и количество чужих, обративших свое внимание на нас.

«Вейланд-Ютани» знает это и делает все, чтобы уберечь человечество от любой инопланетной угрозы. Проблема в том, что... изначальный замысел легко исказить. Когда столь многое поставлено на кон, когда вложено столько средств, благим намерениям легко затеряться».

Иза так и не забыла того разговора и урока, который должна была из него вынести. Работая на «Вейланд-Ютани», она никогда не теряла бдительности и никогда не подпускала их к себе ближе, чем было необходимо.

– Задраить люки, – скомандовал Роджерс. Они приближались к «Роще Любви», и Иза увидела окна и входы, прикрытые тяжелыми серыми щитами. Базу построили почти пятьдесят лет назад, в небольшой долине в миле от ближайшего преобразователя, чтобы продолжать их строительство. По завершении работ с преобразователями последние двадцать лет это место изменялось и расширялось с помощью «АрмоТех», филиала «Вейланд-Ютани», отданного под исследования инопланетного оружия и технологий. Очередной пример эффективной оптимизации затрат – всего одна нора от Внешнего Кольца, и о базе заговорили как об идеальном месте для изучения яутжа.

Прозвали базу в честь одного из бригадиров на строительстве преобразователей и в честь его воспоминаний о лучших временах и более добрых местах. Говорят, «Рощей Любви» назывался его дом, религиозная коммуна на Тритоне, самом большом спутнике Нептуна.

– Надвигается шторм, – сказала Палант. База представляла собой уродливое здание, далекое от эстетики, но Иза всегда ощущала радость, только завидев ее. В конце концов, это был ее дом.

Родители Изы были убиты, когда направлялись сюда. В отчете случившееся назвали «чудовищным несчастным случаем». Когда их корабль спускался с военного транспорта, из строя вышли сразу две метеосистемы, отчего судно попало в жесточайший электрический шторм. Корабль швыряло по всему небу, а потом бросило на землю, как игрушку. Все восемнадцать человек погибли. Тяжелейшая потеря, но космос безжалостен, об этом знают все.

Пять лет спустя за родителями в «Рощу Любви» последовала и сама Палант. Посадка прошла успешно, и с тех пор Иза лишь несколько раз покидала ставшую родной базу.

Проехав между зданиями, Роджерс въехал в открывшиеся внешние двери и спустился в подземный гараж, двери которого тотчас закрылись. Хотя вблизи преобразователей дышать было возможно, из-за тяжелых погодных условий подобные вылазки все еще оставались редкими и опасными.

Они припарковались, и Роджерс выключил двигатель.

– Выпьем вечером? – спросил он.

– Конечно. В восемь «У О’Мэлли»?

– Это свидание, – он каждый раз повторял эту шутку, с самой своей первой попытки. Но что бы он ни утверждал, Роджерс не знал ее предпочтений. Уж точно не тогда.

– Спасибо, что подобрал. Было здорово.

– За работу, Девушка-яутжа!

Они разошлись, и Палант направилась к основным уровням базы, где встретила Анджелу Свенлап, склонившуюся над перилами широкой лестничной клетки с двумя стаканчиками кофе в руках.

– Иза! Тебе сигнал от Джерарда Маршалла, у него какое-то сообщение для тебя, – Анджела протянула ей кофе.

– Серьезно?

– Звонил всего каких-то три раза, – улыбнулась Свенлап. Она выглядела уставшей и изможденной, но все равно пришла сюда, чтобы передать сообщение. Да и кто бы ни пришел? Не каждый день один из глав корпорации, входящий в Совет Тринадцати, пытается лично связаться со своим подчиненным.

– Хорошо, я приму сообщение.

– Он ожидает тебя прямо сейчас, – Свенлап казалась взволнованной и слегка улыбнулась, увидев удивление на лице Изы.

– Из Солнечной системы?

– Ага. Ты же знаешь, он всегда там. Я слышала, что Совет Тринадцати развивает технологии, позволившие бы общаться в реальном времени из любой точки космоса.

– Сколько же энергии уйдет...

– Вероятно, этот разговор очень важен для него.

Иза подняла стаканчик в знак благодарности и сделала глоток. Анджела еще немного постояла, будто раздумывая, сказать ли что-нибудь еще, затем улыбнулась и ушла. Палант глубоко вдохнула такой привычный, стерильный воздух базы.

Маршалл. С самого начала он проявлял интерес к ее исследованиям, но Иза так и не привыкла к разговорам с ним. Ей не доводилось встречаться с ним лицом к лицу, но даже его изображение заставляло ее невольно поеживаться. Маршалл пытался представлять собой привлекательное лицо Компании, но Иза была в курсе его настоящей истории. И история эта была совсем не привлекательной.

Кофе, горячий и обжигающий, был совсем не такой, как любила Иза, но Свенлап и без того могла попасть в неприятности. Ей необязательно было ни приносить кофе, ни сообщать о звонке. Она была тихой, столь же скромной, сколь и умной женщиной, а за ее бледным, печальным лицом скрывался незаурядный интеллект.

Анджела изучала историю яутжа, поэтому их общение часто приносило взаимную выгоду. Свои исследования она строила в основном на человеческой истории, например, на древних текстах о предположительных контактах с яутжа, и на сравнении известного людям поведения яутжа во взаимодействии с ними, и, конечно, на методах исторического анализа. Палант очень интересовалась ее работой, и хотя история играла немалую роль в ее исследованиях, Иза все же предпочитала более практический подход.

По пути к лабораториям Иза раздумывала над причиной звонка от Маршалла. Директор звонил три раза, должно быть, что-то срочное. Несмотря ни на что, Иза чувствовала себя посвежевшей после двадцатичетырехчасовой вылазки со своим другом. Слишком долго оставалась она погруженной в исследования, не выходя из трех комнат, составляющих ее лабораторию, дыша одним и тем же воздухом, наблюдая за одними и теми же вещами. Порой тяжесть пустоты вокруг нее становилась удушающей, и именно эти периодические поездки с Роджерсом помогали перезагрузить системы и подготовиться к следующему рывку. По приезде база казалась свежее, а будущее – ярче.

Палант слышала истории о людях, сошедших с ума в космосе. Рассказы были ненадежны и, скорее всего, искажены, но приличная часть живущих в космосе страдают от самых различных умственных отклонений, начиная от легких расстройств личности и заканчивая склонностями к самоубийству. Эволюция делала все, чтобы поспевать за прогрессом. Родители Изы часто с горестью говорили о том, что людям было предначертано любоваться зелеными полями и голубым небом, а не смотреть на это. Не на враждебные инопланетные пейзажи, измученные человеческими технологиями. Не на сокрушительный ужас бесконечного космоса.

Стоя снаружи лаборатории, Иза вдохнула запах остывающего кофе, закрыла глаза и нажала на панель входа.

Внутри же все изменилось.

«Черт».

Вообще-то у Палант редко возникала необходимость выругаться. Но сейчас...

«Черт, черт, черт!»

Несколько тяжелых столов лежали посреди главной комнаты, все их содержимое было разбросано в дальнем углу лаборатории. «Как они посмели?» – подумала Иза. Среди разкиданных обрывков находилась большая часть ее работы за последние несколько месяцев.

Планшет сбросили на пол, на его углу виднелась вмятина, а на экране мерцало изображение. Стойка со стеклянными пипетками лежала в осколках на полу. Один из дронов безопасности уже распылял пену, специально разработанную для того, чтобы создавать застывшую пузырьковую массу, защищающую от опасных и токсичных элементов.

Как же долго мечтала Иза чем-нибудь заполнить эти пустые пипетки. И кажется, ее желание чудом исполнилось.

Два трупа яутжа лежали в герметично упакованных могильных мешках, сделанных из белого материала, более крепкого, чем сталь, который облегал каждый контур их тел. И хотя их нельзя было видеть, Палант знала яутжа слишком хорошо, чтобы не понимать природу их тел.

Один был выше другого, почти одной длины с девятифутовым столом, на который его положили. Тела обоих были широкими, ноги длинными, а когтистые ступни – массивными. Руки покоились крест-накрест на животах, но казалось, что чего-то не достает. Шлем на голове первого отсутствовал, отчего клыки вонзались в тугой материал стола. Второй, кажется, все еще был в шлеме, хотя его формы сильно повредились – Иза заметила глубокую вмятину слева и недостающие кое-где части.

«Они оставили шлем, чтобы сохранить оставшееся», – подумала Палант.

Теперь стало ясно, почему Маршалл так спешил связаться с ней. Иза представила, как он, такой льстивый, такой самоуверенный, самолично раскрывает секрет, наслаждаясь ее реакцией, которую она, естественно, попыталась бы скрыть. Палант обрадовалась, что теперь ему не удастся насладиться моментом.

Тяжело дыша, она вошла в лабораторию и закрыла за собой дверь, оставаясь наедине с мертвыми яутжа.

Иза видела уже так много частей их тел, изучила так много исследований других ученых, просмотрела все видеоматериалы нападений яутжа (снятые в основном сенсорами на боевых костюмах Колониальных морпехов, отчего все они были довольно путаными), что начала убеждать себя, будто знает их очень хорошо.

Но на самом деле Иза никогда не знала их; яутжа всегда были величайшей загадкой для нее. И чем больше Палант их изучала, чем больше делала открытий, тем большим количеством вопросов она задавалась. Возможно, теперь у нее появилась надежда ответить хотя бы на некоторые из них.

– Компьютер, доложи состояние тел, – она никогда не задумывалась над тем, чтобы персонализировать свой компьютер. Иза не дала ему даже имени, а их отношения от этого, казалось, только выигрывали.

– Добрый день, Иза. Более трех часов назад яутжа вышли из состояния гиперсна. Уровень разложения первого образца составляет четыре процента, второго – шесть.

– Слишком долго, – сказала она. – Приготовь капсулы. – Ее сердцебиение участилось, чувства оживились. Изе почудились запахи гниения в лаборатории, что было невозможно. Она моргнула, и ей привиделось движение в одном из могильных мешков. – Свяжись с Центром, попроси прислать трех техников, необходимо передвинуть тела. Капсулы в рабочем состоянии?

– Конечно. Я регулярно проверяю их и каждый день провожу тесты. Они будут готовы через семь минут.

– Спасибо.

В маленькой комнате рядом с лабораторией хранились три капсулы для гиперсна – две полноразмерные и одна поменьше. Иза никак не могла дождаться, когда же представится случай их заполнить.

«Что еще я должна сделать?» – подумала она. Сердце Изы билось все быстрее, она нервно стучала левой рукой по ноге и размышляла, как сильно все это изменит ее будущее. Палант попыталась успокоиться, закрыла глаза и представила, что бы сказали ее родители, но сразу поняла, что ничего из этого нельзя было бы высказать вслух в здании Компании. Они всегда видели «Вейланд-Ютани» коррумпированной, морально разложившейся организацией, и поэтому Палант не переставала стыдиться своей работы после их смерти.

– Но я могу так многое узнать, – прошептала она с надеждой в голосе.

– Исходящий звонок от Джерарда Маршалла, сигнал со станции «Харон».

– Отмени. Я не хочу говорить с...

– Извини. Его я заблокировать не могу, – голографическая рамка сорвалась с дальней стены и проплыла через все помещение прямо к Изе. Изначально размытое изображение на ней замерцало и изменилось.

На Палант уставился улыбающийся Джерард Маршалл. Откинувшись на спинку стула, он сидел в офисе с фальшивой зеленой травой, солнечным небом и порхающими птицами за спиной. Помехи слегка искажали изображение и создавали эхо звуков, не совпадающих с мимикой и движениями. Иза всегда ощущала странное неудобство, когда приходилось говорить с человеком, находящимся так далеко от нее. Например, сейчас Маршалл был от нее в пятистах световых годах. В каком-то смысле невозможность происходящего делала расстояние между ними еще более шокирующим.

– Иза Палант, – Маршалл обратился к ней с таким искренним расположением, что по ее коже побежали мурашки. – Как идут дела на краю космоса?

Иза промолчала, ожидая, скажет ли он что-то еще.

– Можете ответить. Вы же знаете, Совет Тринадцати разрабатывает технологию живого общения в космосе.

– Знаю, – ответила она. – Ну, дела... – она взглянула на мертвых яутжа и улыбнулась. – Вы и сами в курсе, как у нас дела.

– Надеюсь, вы довольны, – его трехмерное изображение придвинулось ближе. – Разве это не удивительно? Я пытался связаться с вами ранее, хотел сам рассказать вам все новости.

– Я выезжала с базы.

– Что ж, верно. Но теперь вы здесь, – его ответы приходили с небольшим опозданием и шли вразрез с картинкой. Все это жутко отвлекало.

Иза пыталась найти столько информации о Маршалле, насколько было возможно без вероятности остаться замеченной. Один из руководителей «Вейланд-Ютани», и все же, никогда не покидал Солнечную систему. Такие планеты, как Земля, Марс, Титан, тоже посещал крайне редко из-за отсутствия на них надлежащей атмосферы. То же самое касалось и спутников в других системах, находящихся в процессе терраформации. Иза не знала точно, что именно порождало нежелание директора путешествовать в космосе – страх или потребность в комфорте.

Сейчас он пребывал на станции «Харон», крупном космическом поселении, движущемся по родной системе, примерно на расстоянии дальнейшей орбиты Плутона. К тому же это была основная база Колониальных морпехов и дом их командира – генерала Пола Бассетта.

Как же было странно иметь возможность напрямую говорить с человеком через такие громадные расстояния! Но еще страннее было то, что Совет Тринадцати держал эту технологию при себе, делясь ею только с самым приближенным кругом людей.

– Они довольно впечатляющи, – ответила Иза. Она едва могла сосредоточиться на разговоре, когда рядом с ней лежали два тела яутжа.

– Надеюсь, у вас получится... – картинка снова задрожала, лицо Маршалла изменилось, отчего показалось одновременно и моложе, и старше, но через пару мгновений все пришло в норму. – Не слишком повреждены, я надеюсь? Мне передали, что все в порядке.

– Пока не могу определить, но выглядят они вполне цельными. Я сделаю полный доклад позже, как только проведу первоначальный осмотр, – Иза думала, что ясно дала понять свое желание скорее приступить к делу, но Маршалл еще не закончил.

– Так и поступим. Их убил отряд Исследователей на Внешнем Кольце. Яутжа напали на медицинский исследовательский центр, было много жертв. Такое несчастье, – вздохнул Маршалл, но Палант не уловила и капли жалости в его голосе. – Иза, мы уже говорили о том, чего именно ждет от вас Компания. Сейчас, больше чем когда-либо, мы хотим оправдания наших ожиданий.

– Я понимаю.

– Вы понимаете, – его улыбка погасла. – Я в курсе вашей привязанности к этим существам. И в курсе ваших чистых намерений и мечтаний. Но за последнее время произошел всплеск их активности: несколько атак в разных районах Внешнего Кольца и еще несколько – внутри Сферы. Наша главная забота, приоритет номер один, остается неизменной – как можно больше узнать об оружии яутжа и их боевых способностях.

– Конечно, – подтвердила она.

– Для этой работы мы направляем к вам нового сотрудника.

Иза удивленно посмотрела на Маршалла, наконец по-настоящему обратив на него внимание.

– Милт МакИвлин... – снова искажения; теперь казалось, что одно изображение директора глумится над другим. Изе хотелось отвести взгляд, завершить разговор, но сделать это она была не вправе. – ...хороший человек. Восхищается яутжа не меньше вас.

– Но?

– Но... – Маршалл вновь улыбнулся. – Он точно представляет себе то, в чем мы нуждаемся.

– Как и я.

– Да. Как и вы, – он уже собирался отключиться, но остановился. – Иза, я понимаю, вы видите во мне только работника Компании. И вы правы, я именно такой, вдоль и поперек. В своих целях я предельно честен. Но вы хоть представляете себе, что может случиться, если яутжа организуют настоящее вторжение?

– Они не такие. Их общество построено на других принципах. По природе своей они одиночки, которые собираются вместе для специальных церемоний, или спаривания, или по каким-то другим причинам, пока нам неизвестным. Но они не завоеватели. В их действиях нет схемы. Только прямота.

– Эта прямота убила более двадцати человек обслуживающего персонала и двух Исследователей на станции «Южные Врата-12». И хотя я могу принять ваши слова во внимание, мы все еще не можем пересмотреть отношение к ним под другим ракурсом. Пока для этого у нас слишком мало информации. Поэтому все, о чем я прошу, это помнить о приоритетах. Ваш помощник прибудет через семнадцать дней.

Палант кивнула и продолжала улыбаться, пока изображение Маршалла не исчезло. Экран вернулся на свое место в стене, и комната показалась неестественно тихой.

– Помощь уже здесь, – сообщил компьютер. Позади Изы открылись двери, и внутрь вошли три человека.

Палант подошла к телам и, наконец, прикоснулась к одному из них.

Оно было холодное. Холодное, словно космос.

3. Анджела Свенлап

База «Роща Любви», исследовательский центр

Планета LV-1529, 2692 год н. э., май

Жизнь Анджелы Свенлап начала приобретать смысл два года назад, когда она поймала их первый сигнал. Всегда энергичная и смотрящая в будущее, эта невероятно умная, любознательная и жаждущая знаний женщина тем не менее до этого судьбоносного момента жила с пугающей пустотой внутри себя.

Путешествие Анджелы с родной Ио, спутника Юпитера, к Сфере Людей заняло годы, потому что где бы она ни останавливалась, что-то всегда ее увлекало. Одним из таких мест стал Эддисон-Прайм, где ее любопытство остановилось на яутжа, о которых рассказывал старик, пятьюдесятью годами ранее переживший их нападение на «Титан».

С тех самых пор Свенлап стала специалистом в изучении контактов людей и яутжа на протяжении всей истории человечества. Но чем глубже она копала, тем менее достоверными становились просматриваемые доклады.

При изучении нескольких последних столетий она могла положиться на многочисленные отчеты, находящиеся в открытом доступе, или на старые жесткие диски. Порой ей везло наткнуться на них самой, а иногда Анджеле их отправляли другие люди, знавшие ее интерес. Но стоило взяться за более раннее время, на помощь ей приходило лишь несколько все еще существующих книг, говорящих о возможных появлениях яутжа на Земле, произошедших еще до начала человеческих межпланетных путешествий.

Еще чуть глубже во времени – и оставались лишь догадки.

Свенлап любила проводить исследования, ведь только в эти моменты она ощущала себя по-настоящему живой. Но даже в эти минуты, когда она с головой уходила в новые факты, их изучение, сопоставление, попытки связать доказательства с многообразными и нестыкующимися репортажами и отчетами, она не могла не ощущать растущей в себе пустоты.

Иногда Анджела пробовала изучать и себя. Но оценивая себя со стороны, Свенлап замечала, как пустота прячется от нее самой, отчего она загоняла себя в еще более глубокую депрессию. Анджеле казалось, будто она вообще не уверена в том, кто она есть на самом деле. Будто человек, которым она привыкла себя считать – Анджела Свенлап, построенная вокруг этой черной пустоты за пятьдесят семь лет, – всего лишь манекен, скрывающий что-то глубоко в темноте.

И вот это сообщение, набор простых слов, почему-то принесших смысл всему.

«Основатели не позабыли тебя».

В одно мгновение ее жизнь изменилась и продолжает меняться до сих пор.

Больше всего удовольствия Свенлап получала от работы со старыми уликами. У нее были одна отсканированная фотография, несколько сомнительных показаний и отредактированный медицинский отчет. Фотография – черно-белая, нечеткая, изображение на ней затуманено дымом сражения. Показания переводились дважды: сначала с русского на немецкий, а несколькими годами после Второй мировой войны – еще раз, теперь уже американским ученым, на английский. Впрочем, Анджела сомневалась, стоит ли доверять свидетелям, прошедшим через эти безумные, адские события.

И, наконец, медицинский отчет, разорванный начальством врача на мелкие кусочки. Именно этот клочок бумаги убедил Свенлап в том, что в руках у нее оказалось нечто действительно стоящее.

Она пристально посмотрела на фотографию в голографической рамке. Что только Анджела не испробовала на ней – усиливала резкость, корректировала, осветляла, свои, неве-

домые для хозяйки, подходы применил даже ее компьютер, – но в итоге Свенлап все равно пришла к решению вернуть фотографию в изначальный вид. Вид семисотлетней давности.

Левая часть фотографии запечатлела остатки взорванного здания и улицу, усыпанную булыжниками и телами. Догорал какой-то старый военный транспорт. Справа виднелось еще одно разрушенное здание, в проходе которого вырисовывалась фигура, обозревающая происходящий вокруг хаос. Слишком высокое для человека существо с широкой грудью и выступающей челюстью выделялось еще и своей прической, не похожей ни на одну из тех, что носили мужчины или женщины тех лет. В опущенной руке оно держало что-то очень смахивающее на копье.

– Ошибки быть не может, – в который раз пробормотала Свенлап. Несмотря на множество наводок в отчетах, Анджела, уже достаточно хорошо разбирающаяся в ютжа, могла доверять лишь этой старой фотографии. Уверенная в том, что тень пришельца не станет преследовать ее, Свенлап решила наконец закрыть это дело.

– Изображение ютжа подтверждено, – компьютер записывал каждое слово Анджелы под диктовку. – Дело номер три-три-девять. Место и время – Сталинград, с седьмого по одиннадцатое января тысяча девятьсот сорок третьего года. Количество жертв... – она замолчала, задумавшись о спорных отчетах и разорванном медицинском докладе. – Число установленных жертв – двадцать восемь, возможны сотни других.

Тень с фотографии молча уставилась на Анджелу, будто стараясь не упустить ни одно из ее слов. Ей стало интересно, что же случилось с этим, вне сомнений гордым собой, пришельцем. Удалось ли чудовищной войне уничтожить инопланетную тварь, или она спаслась, чтобы приступить к новой охоте.

Она уже собиралась выключить голограмму, когда появилось новое сообщение. На секунду ее сердце остановилось. Тяжело дыша, Анджела протянула руку к экрану, словно пытаясь схватить послание, которое она так долго ждала. Прошло уже девяносто дней с последнего сообщения, и поэтому было трудно заставить себя успокоиться. За это время Свенлап снова начала думать, что о ней забыли.

«Нет, – подумала она. – Они никогда не забывали про нас. Никогда!»

– Статус сообщения? – дрожащим голосом спросила Анджела.

– Личное, – ответил ее компьютер. – Отправитель – Беатрис Малони. Продолжительность – девятнадцать секунд. Источник сигнала – неизвестен.

– Включай, – вздохнула она.

И сообщение начало воспроизводиться.

Оно воспроизводилось снова и снова, пока Анджела не запомнила все слова и звуки, пока они не заполнили всю пустоту внутри нее, пока та Свенлап, которой она стала, не была вытеснена той Свенлап, в которую нужно было переродиться. Новая личность переняла все мысли прежней хозяйки тела, но она никогда еще не ощущала себя более цельной.

«Основатели не позабыли тебя. В твоём терпении – наша сила, наша сила – в твоей вере. Создавай для нас. Твори для нас».

Свенлап еле дышала от осознания того, что такие вдохновляющие слова предназначались именно ей. Слезы сами полились из глаз, когда она услышала последние, самые красивые слова.

«В глубине, в темноте освети наш путь домой».

– Домой, – шептала она, обыскивая заброшенные помещения восточного крыла здания. Несколько лет назад на базу обрушился особенно свирепый шторм, вырвав одну стену и разрушив часть крыши, после чего руководство «Роци Любви» пришло к выводу, что пережившие происшествие части разрушающегося здания превосходили размерами свое предназначение. Атмосферные преобразователи работали без чьего-либо вмешательства, а значит, и десятки комнат, предназначавшихся для строителей, инженеров, техников, стали ненужными.

С собой они так ничего и не забрали.

– Домой, – снова пробормотала Анджела. Нахмурившись, она осмотрела все то, что осталось в комнатах после своих обитателей.

В одной из комнат нашлись клубки тонкой проволоки, и Свенлап, не раздумывая, спрятала их к себе в сумку. На пыльном столе она заметила небольшие металлические контейнеры, в которых раньше могли храниться зарядные лазерные устройства. Вместе с болтами в карманах оказались и они.

Направившись к восточному концу крыла, Анджела почувствовала гуляющий в коридоре ветер. По стенам непрерывно текла вода, а под ногами ходил песок. Фонарик Свенлап вырисовывал причудливые очертания на потолке.

«Основатели не позабыли тебя».

Никогда еще Анджела не ощущала себя настолько нужной кому-то. Очутившись совсем одна в заброшенной части базы, она ощущала, как кто-то присматривает за ней. В этом тяжелом от пыли и влажности воздухе не хватало кислорода, но Свенлап было все равно, ведь ей доверяли, в ней нуждались. Именно ей преподнесли выполнение благородной миссии.

– Помоги расцвести свету, – прошептала она.

Раздвигая плитки, упавшие с потолка, Анджела пробралась в самые отдаленные комнаты базы. Никто уже годами не заходил сюда, и помещение стало почти неотличимым от того, что творилось за стенами здания. Все внутри занесло песком, стены раскрошились, а мебель заржавела от взаимодействия с кислотной атмосферой.

Вдали виднелась дверь, ведущая в хранилище, и хотя она была накрепко закрыта, Свенлап заметила прогнившие петли. Промучившись полчаса с ломом над верхней петлей и еще минут двадцать – над нижней, она присела отдохнуть и выпить воды, но лишь выплюнула вонючую жидкость, переполнившуюся здешней пылью. Поначалу испугавшись последствий, Анджела тут же вспомнила, что времени на переживания у нее уже почти не осталось.

Скользя потными, кровоточащими руками по двери, Свенлап все же удалось оттянуть ее и проскользнуть внутрь. Анджела вновь взялась за фонарик в надежде найти то, зачем пришла.

И нашла, даже более чем достаточно.

Свенлап никогда не тянулась к техническим знаниям. Будучи помоложе, она время от времени бралась за конструирование, но совсем отказалась от этого, когда в ее жизни появились настоящие интересы. Страсть, настоящая одержимость изучением истории яутжа.

И вот на базу привезли два трупа яутжа.

Все ее вещи разбросали по столу или сбросили на пол – фотографии, бумажные копии отсканированных книг. Свенлап всегда выше ценила реальные объекты, нежели их электронные или голографические версии.

Глубоко в душе Анджела понимала, что должна быть невероятно взволнована. О новостях она узнала задолго до прибытия Палант на базу и едва могла скрыть свои чувства. Свенлап даже попыталась пробраться в лабораторию Изы и рассмотреть тела поближе. Кто знает, вдруг у одного из них нашлись бы трофеи, которые можно было бы связать с определенным моментом в истории. Подумать только, могла бы найтись связь даже со Сталинградом!

Но она получила новое сообщение, и яутжа перестали играть для нее какую-либо ценность. Теперь Анджелу интересовало лишь то, что стояло посреди стола.

В воздухе пахло горячим металлом. Провода искрились, пока Анджела работала с паяльником. Довольно устаревшая технология, но почему-то именно с ней Свенлап разобралась очень быстро.

– Помоги расцвести свету, – еле слышно сказала она и подсоединила еще один провод. Выглядело так себе, но Свенлап не сомневалась, что все сработает.

У ее ног лежала сумка с вещами, которые Анджела захватила из заброшенных комнат здания. Остатки после строительства атмосферных преобразователей, покинутые зря. Она всегда знала, что находится в тех комнатах, но никогда по-настоящему не интересовалась этим. Да и с чего бы?

Ведь Анджелу Свенлап никогда не увлекали взрывчатые вещества.

4. Джонни Мэйнс

«Вол», космический корабль класса «Стрела»

Вблизи поселения яутжа, обозначенного UMF 12

Где-то за пределами Внешнего Кольца, 2692 год н. э., шоль

Холодная война между людьми и яутжа длилась уже порядка двух веков. Случайные стычки, загадочные пропажи отдаленных кораблей или общин – все это списывалось на вину пришельцев.

Но и люди не стояли тихо в стороне. Стоило яутжа слишком близко подойти к человеческим поселениям, как немедленно реагировали Колониальные морпехи, отслеживая и уничтожая инопланетные корабли. Так, тридцать лет назад в череде сражений на юге Внешнего Кольца сошлись Исследователи и клан особенно агрессивных яутжа, но пришельцы скрылись в пустоте, и конфликт закончился так же неожиданно, как и начался.

Поработав над захваченными технологиями, инженерам удалось улучшить человеческие корабли и снаряжение, но яутжа быстро отказались от своих разработок. Кажется, им не по душе пришлось то, что их оружие использовалось против них же самих, отчего в развитии яутжа произошел резкий скачок во всем – космических путешествиях, методах ведения борьбы, технологиях маскировки.

Официально никто не называл яутжа врагами, но и друзьями никто их не считал.

Джонни Мэйнс не был в восторге от идеи находиться вблизи UMF 12 слишком долгое время, даже несмотря на их маскировку, улучшенную ребятами из «АрмоТех», которых военные между собой называли «гаджетами». «Вол» сливался с окружением, и сканеры либо не замечали его присутствия, либо принимали за астероид. Но у любой обновки был свой срок годности, и в любой день она могла устареть. Думая об этом, Мэйнс не мог не переживать о том, что яутжа, возможно, уже нашли способ распознать их корабль.

– Фродо? – обратился он к компьютеру.

– Осталось чуть больше трех тысяч миль.

– Уже можно попытаться взглянуть, – сказала Котронис. – МакВикар, открой окно.

Тот проворчал что-то грубое и продолжил наблюдение за каналами связи.

– Что-нибудь есть, МакВикар? – спросил Мэйнс.

– Нет, босс. Фоновый шум, но ничего нового.

– Переводчик имеется?

– Конечно, – голос МакВикара звучал подавленно. Мэйнс занервничал, понимая, насколько близко их корабль находился от UMF 12, но менять курс было уже поздно.

На вид «Вол» ничем не отличался от падающего астероида, медленно удаляющегося от их цели. Мэйнс не рискнул еще больше приблизиться к яутжа, опасаясь столкнуться с ними.

За оружие отвечал Фолкнер, и оно было готово к действиям. «Вол» вмещал в себя лазерные пушки, лучевой модулятор, ядерные микробомбы и три дрона, на один из которых Фолкнер и Сноуден установили то же маскирующее устройство, что и на корабле. Все оружие было полностью заряжено и готово к битве, но главной миссией Исследователей было как раз избежание любых сражений.

Лидер все еще сидела на месте пилота, но за полетом следил Фродо, контролируя особую траекторию полета, двигаясь горизонтально, но развернув пушки по направлению к яутжа, чтобы успеть отреагировать на любое тело, движущееся в их сторону, будь то корабль, ракета или лазер.

Корабль действительно подобрался достаточно близко к цели, и Сноуден носилась перед голограммами, пытаясь собрать как можно больше информации о поселении яутжа. Мэйнс

видел, как она взволнована, но заметил он и то, что Сноуден нервничает. Это хорошо. Всем им нужно было держать ухо востро.

– Сноуден, нам есть о чем беспокоиться? – Мэйнс мог узнать ответ и от компьютера, но предпочел услышать мнение человека.

– Да ничего особенно не изменилось, лейтенант, – ответила она. – Никаких существенных перемен с момента нашего отлета. Парочка новых кораблей на орбите, но никаких признаков того, что они готовятся к чему-то большему. Все еще придерживаются прежнего курса и скорости.

– Просто следуют к границам Сферы, – добавила Котронис.

– У нас и раньше случались стычки на границе, – напомнил Мэйнс.

– Да, но враг никогда не был так силен. Кто знает, сколько этих ублюдков сейчас проживает там.

– Именно поэтому они еле тянутся, – предположила Сноуден, что было странно, ведь они находились в почти двух световых годах от Сферы Людей. – Стоит их кораблю вторгнуться в пределы Сферы, и мы расценим это как акт агрессии.

– Нужно напасть первыми, – сказала Котронис.

– И это, видимо, не будет агрессией? – спросил Мэйнс. Он привык к тому, что мысли его опытного, верного, умного капрала порой не поспевали за ее языком.

– Это всего лишь третье их поселение, которое нам удалось заметить, – вмешалась Лидер. – Мы можем многое узнать о яутжа, благодаря UMF 12. Ради этого нас сюда и послали.

– Точно, – согласился Мэйнс.

– Точно, – улыбнулась Котронис. – Придержу-ка я мечты о взрывах при себе.

– Хотите взглянуть, что у меня есть? – спросила Сноуден. – Нашим камерам нельзя слишком выделяться, но мы подобрались достаточно близко, и мне удалось заснять довольно отчетливую картинку.

Все замерли в предвкушении. До этого мгновения никто из них не видел поселения яутжа своими глазами. Конечно, Фродо не раз составлял данные, учитывая измерения, строение, пытаясь как можно больше приблизить схемы к реально существующим. Но все это было лишь искусственными данными.

– Чего же мы ждем? – произнес Мэйнс в полной тишине.

Иллюминаторы потемнели, и голограмма отошла от поверхности корабля, приближаясь к команде. Почернев через мгновение, она покрылась звездами. Сноуден подкатилась вперед, остановившись между Мэйнсом и Котронис, и взялась за маленький контроллер на своих коленях.

На экране появилось поселение яутжа.

Сначала отряд увидел вытянутое изображение – картинка всего поселения, в длину больше шести миль, но с этого ракурса трудно было разглядеть мелкие детали. Похожее на длинную трубу, широкую посередине и сужающуюся в обоих концах, сплошь покрытое высокими башнями и выступами, отчего UMF 12 становился похожим на неизвестное никому морское существо, медленно вращающееся вокруг своей оси. И все оно было усыпано иглами, высота которых, как прикинул Мэйнс, достигала не меньше мили.

– И-и-и еще ближе, – заговорила Сноуден.

Картинка увеличилась, уже не помещаясь на экране, и сосредоточилась на надстройке. Морпехи знали, что яутжа используют какой-то искусственный материал, похожий на сверхпрочную кость, и долгое время подозревали, что создавался он все еще работающими механизмами внутри того же поселения. Увидев внешнюю оболочку – или кожу – корабля, они лишь убедились в своей догадке. Бледно-серая, почти белая поверхность казалась гладкой, но неровной из-за множества вмятин и выступов. Тени на ней могли быть как входами, так и более

глубокими вмятинами, а тонкие линии – трещинами, изломами или специально нанесенными метками.

Мимо пронесся один из выступов, и изображение в одну секунду затуманилось.

– Эти башни что, используются для стыковки? – спросил Мэйнс.

– Скорее всего, – согласилась Котронис. – Есть признаки кораблей, стыковавшихся с некоторыми из них, но кое-где видны и впадины, возможно, это ангары. Так что трудно сказать.

– Ты говорила, пара кораблей выходила на орбиту?

– Так и есть. Но слишком далеко, не разглядеть.

– Какая громадина, – со страхом в голосе произнесла Лидер.

За последние десятилетия «Вейланд-Ютани» также начала строить космические поселения, огромные постройки с выходом в космос, но предназначенные для орбит спутников и планет. Некоторые из них были даже больше UMF 12, но этим громоздким судам без намека на изящность было далеко до плавности сооружений яутжа. Мэйнс понимал, что эта поразительная красота – результат инопланетного происхождения, и они могли только догадываться, насколько эти постройки старше даже самой человеческой цивилизации.

– Продолжай собирать информацию, – скомандовал лейтенант. Ему становилось не по себе от осознания того, что не стоило подбираться так близко. И хотя за все проведенное здесь время они вряд ли сделали что-либо, способное насторожить яутжа, ему совсем не хотелось менять ситуацию. В конце концов, миссия должна была оставаться пассивной, а не активной.

Короткие отклонения от плана, как, например, на Станции 12, когда-то давно могли придать ему второе дыхание, но только не сейчас. Теперь потеря хороших людей угнетала его, и Мэйнс уже давно решил для себя, что предпочтет смотреть на битву, а не сражаться.

– Лейтенант, у нас входящий сигнал со звезды Тижка, – доложил МакВикар. Расположенная в двухстах световых годах от Внешнего Кольца, Тижка была центром, на котором собирались и тренировались все Исследователи и с которого в космос отправлялась каждая «Стрела». Но сигналы оттуда поступали редко, а попытка принять подобный сигнал могла вызвать вспышку радиации Бэннона.

А это, скорее всего, выдало бы местоположение их корабля, посмотри хоть кто-то из яутжа на них в нужное время и в нужном направлении.

– Очередные нападения? – спросила Лидер.

– Возможно. Необходимо выяснить.

– Ты уверен, Джонни? – удивилась Лидер. Мэйнс осмотрел свой отряд. Сноуден переглянулась с МакВикаром, Котронис нахмурилась.

– Конечно, он уверен, – сказал МакВикар. – Чем дальше мы от них, тем больше вероятность, что они нас не заметят.

– Вы знаете, чем это кончится, – произнес Мэйнс. – Они увидят вспышку и сразу направятся к нам, но мы не можем просто проигнорировать сигнал с Тижки.

– Я немного подвину нас, – откликнулась Лидер, уже производя измерения и запуская двигатель. Мэйнс порадовался уверенности подчиненной, не сверившей решения с Фродо, ведь если бы одно из их действий оказалось рискованным, компьютер непременно бы вмешался.

Менее чем через час МакВикар открыл каналы связи и настроился на линии Исследователей. Получив и запустив сообщение, отряд услышал приветствующий их голос – голос самого генерала Венди Хэтфилда.

– Всем отрядам! Активность яутжа за последние девяносто дней чрезвычайно выросла в сравнении с последними годами. В контакт с ними уже вступили Пятый, Девятый, Тринадцатый, Семнадцатый и Двадцать третий отряды Исследователей, а Одиннадцатый считается потерянным в системе Холгейт. В каждом столкновении участвовало не больше трех яутжа.

Также военными и гражданскими очевидцами были замечены, по крайней мере, семь кораблей яутжа в пределах Сферы. А если замечено семь, то, возможно, нахождение и семидесяти. Помните об этом, оставайтесь бдительны и будьте на связи. Всем отрядам, на данный момент следящим за кораблями яутжа, или в будущем заметившим любое продвижение в Сферу, приказано воспринимать данные действия как захватнические и враждебные и принять все необходимые меры для противодействия. У вас двенадцать часов на принятие этой информации перед тем, как отправить ответ.

Сообщение закончилось, и послышался знакомый вой белого шума. Этот звук бесконечности всегда пугал Мэйнса своей безразличностью к происходящему.

– А я уж думала, все веселье одним нам досталось, – наконец сказала Лидер.

– По всей видимости, это не так, – согласился Мэйнс. Порой случалось так, что за весь год Исследователям не доводилось столкнуться и с одним яутжа, но сейчас все было по-другому. Всего девяносто дней – и минимум пять сражений плюс один исчезнувший отряд. Множество причин могло объяснить, почему они не отвечали, но сложившиеся обстоятельства не делали это молчание успокаивающим.

– Мне снова снизить скорость? – спросила Лидер.

– Пока остаемся на той же скорости, но будьте наготове, – ответил Мэйнс. – Здесь ничего не должно произойти.

– Или произойдет все, – тяжело сказал МакВикар.

– Первое, что должно здесь произойти, – это ужин, – произнесла Котронис, и МакВикар закатил глаза.

– Да ладно, – добавил Фолкнер, – сам ведь знаешь, что лучше тебя повара нет.

Они еще дальше отлетели от UMF 12, но все же не так далеко, как раньше, оставаясь на таком расстоянии, чтобы системы «Вола» могли наблюдать за яутжа. Случись что-то необычное, Фродо тут же оповестит отряд об этом, поэтому им необязательно было находиться в кабине экипажа, но Лидер училась летному мастерству на Ганимеде, и Мэйнс знал, что ей нравилось ощущать контроль над полетом. Даже столь редко берясь за ручное управление корабля, она любила называть его «своей ласточкой».

– Уверена? – поинтересовался он, глядя на Лидер, откинувшуюся назад в кресле пилота.

– Кому-то же нужно следить за всем, пока вы, лодыри, ужинаете.

– Я принесу твою порцию.

– Спасибо, – ее голос показался Мэйнсу странным. Не ослабевшим, но каким-то отсутствующим.

– Ты в порядке?

– Ага. То есть нет. Просто думаю об Уиллисе и Рейнольдс, и всех тех людях, которых, скорее всего, потеряли другие отряды. Размышляю о том, во что мы ввязываемся.

– Именно поэтому мы здесь. Именно поэтому мы должны пристально приглядывать за всем этим, – сказал он, кивнув на уже опустевший экран.

– Наверное, я всегда думала, что нас ждет легкая миссия.

– Просто полеты на границах человеческих исследований?

– Ага. Типа того, – Лидер улыбнулась ему, почти сказала что-то, но отвернулась. Мэйнсу хотелось задержаться в этом мгновении. Оба они боролись с возникшей между ними близостью, редко говоря о ней, и тем не менее чувствовали ее и Мэйнс, и Лидер. Иногда он думал, что это любовь, но перед лицом громадного, губительного космоса сама идея подобного чувства казалась пустой и бессмысленной.

Более того, эта мысль угнетала его.

Посмотрев еще какое-то мгновение на Лидер, отстукивающую ногой свой собственный ритм, он покинул кабину и отправился в комнату отдыха.

МакВикар приготовил отличный ужин, и теперь все сидели вместе за столом, обсуждая сообщение генерала, но в воздухе чувствовалось напряжение. В ожидании чего-то неизвестного они нервничали, подшучивали и ругались. Немало времени они провели вместе на корабле, и, несмотря на достаточное число мест, где можно было легко уединиться – ведь на каждого из них отводилась личная кабина со своим душем, и ко всему прочему на корабле были оранжерея, где они выращивали свежую еду, спортзал, отсек, где хранились дроны и маленький шаттл, – именно это помещение стало сердцем корабля. Здесь имелись игры виртуальной реальности, обширная библиотека, удобные кресла и даже небольшой бар. Морпехи одомашнили это место, сделали только своим, эдаким домом «Пустотных Жаворонков» вдали от настоящего дома. Так или иначе, все зависело от людей, окружающих друг друга.

Но казалось, что смерти Уиллиса и Рейнольдс сделали корабль больше, принесли в дом осознание серьезности и опасности миссии. Все изменилось.

Негромкая сигнализация Фродо испугала проснувшегося Мэйнса. Какое-то время он, тяжело дыша, оглядывался вокруг, пытаясь понять, где находится.

– Включить свет, – сказал он, и приглушенный свет разлился на панелях по всей комнате.

– Что за... – пробурчала Лидер, глядя на него одним открытым глазом. – Дерьмово выглядишь.

– Фродо, – сказал он, усаживаясь на кровати. Мэйнс посмотрел на время, натянул белье, бросив Лидер ее одежду, пару раз ударил себя по щекам в попытке проснуться. От получения сигнала с Тижки прошло уже пятнадцать дней, и он только-только смог почувствовать себя спокойно.

– Извините, что побеспокоил всех вас, – ответил компьютер, и Мэйнс знал, что он обращается ко всей команде. – Четыре корабля покинули свои отсеки на UMF 12 и, кажется, готовятся к отправлению.

– Всем в кабину управления, – скомандовал Мэйнс, хоть и понимал, что все и так знают, что делать. – Фродо, включи гравитацию.

Быстро одевшись, Мэйнс и Лидер выбежали из каюты, чуть не столкнувшись с Фолкнером, вместе пронеслись через комнату отдыха наверх к кабине, и уже через три минуты после предупреждения Фродо на месте собралась вся команда.

– Покажи их ближе, – скомандовал Мэйнс, и МакВикар включил экран. Сначала ничего не было видно, но он приблизил изображение так, чтобы показались отмеченные четырьмя точками корабли, медленно отбывающие от громадного судна. «Вол» был почти в тридцати миллионах миль от яутжа, плавая между ними и Сферой, но им требовалось не больше часа, чтобы добраться до UMF 12.

– Наше состояние? – спросил Мэйнс.

– Все еще под маскировкой, – ответила Лидер. – Двигатели заряжены на девяносто семь процентов. Все системы в состоянии готовности.

– Оружие?

– Готово к действиям, – ответил Фолкнер.

Сердцебиение Мэйнса участилось, но его решения и реакции остались спокойными и уверенными. Он оглянулся на свой отряд и увидел ту же уверенность на их лицах. Обученные, подготовленные солдаты, вот почему они и были Исследователями.

«И снова веду я своих людей на битву», – подумал он и ощутил внезапную боль в груди, понимая, какая опасность ожидает их всех.

– Будьте осторожны, ребята, – сказал Мэйнс. Лидер взглянула на него, но он смотрел только перед собой, на экран, видя, как один из кораблей яутжа покидает свое место и скрывается за пределами экрана.

– Назовем этого «Ублюдок-Один», – предложил МакВикар, подсветив цель на мониторе. – Месторасположение – ноль один-четыре-один.

– Направляется к Сфере, – уточнил Мэйнс, но МакВикару некогда было отвечать.

– «Ублюдок-Два» – ноль один-пять-восемь. «Ублюдок-Три» – ноль один-четыре-девять. «Ублюдок-Четыре» – ноль два-один-шесть.

Обзор уменьшился, показывая расположение кораблей в соотношении с UMF 12. Каждая красная точка теперь обзавелась названием, а облако информации показывало данные по скорости и месторасположению кораблей.

– «Ублюдок-Четыре» идет прямо на нас, – сказала Котронис. – Проверь нашу маскировку еще раз.

– Все так же активна, – ответила Лидер. – Фродо?

– Маскировочное устройство «Вола» полностью работоспособно, – подтвердил компьютер.

– Составь точный курс, – приказал Мэйнс.

– Ноль два-один-четыре, – ответил МакВикар. – Двигается не слишком быстро, но, учитывая скорости... Сейчас между нами семь тысяч миль.

– Слишком близко, – сказала Котронис. – Лейтенант, они заметили нас.

– Мы в этом не уверены, а если отключим маскировку, то заметят точно. Сколько у нас времени?

– Зависит от того, насколько они ускорятся, – ответил МакВикар.

– Классическая техника отвлечения яутжа, – заметила Сноуден. – Парни вышли на тропу войны.

– Ты уверена? – спросил Мэйнс.

– Они явно не полюбоваться космосом вылетели.

– МакВикар, настройся на канал Тижки и приготовь для них сообщение. Доложи им, что происходит и что мы собираемся делать.

Ответа Мэйнс не получил – все знали, что последует за этим, и им всем следовало подготовиться.

– Фолкнер, с тебя стратегия класса люкс.

Хоть лейтенантом был Мэйнс, главным специалистом по оружию оставался все же Фолкнер. Учтя все расстояния и траектории, он мог придумать наилучший способ атаки. В атаке класса люкс первостепенной важностью являлось выживание отряда. В отличие от эконом-класса, скажем.

– Работаю над этим.

– Беря в расчет нынешнее ускорение, сколько осталось до «Ублюдка-Четыре»?

– Чуть больше семнадцати минут.

– Отряд, готовимся, – приказал Мэйнс.

В кабине началась суматоха, когда все схватили боевые костюмы, прикрепленные к задникам сидений. Защелкнулись магнитные пряжки, при проверке систем жизнеобеспечения зашипел воздух, затрещали передатчики связи. Натянув свой костюм и запустив тестирование защитных и наступательных систем, Мэйнс заметил рядом с собой Котронис. Они помогли друг другу, проверив костюмы.

– Тяжелые штуки, – сказала капрал.

– Мы всегда знали, чем все может кончиться.

– Может, стоило напасть первыми?

Мэйнс уже и сам подумал об этом. Насколько он знал, «Пустотные Жаворонки» были единственными, кому повезло наткнуться на подобное поселение яутжа. Другие отряды Исследователей месяцами игрались с кораблями яутжа в кошки-мышки, и лишь иногда в итоге сталкивались с пришельцами в короткой, но жестокой битве. Чаще же они просто теряли их след.

А «Вол» следил за UMF 12 больше года и, несмотря на выгодную позицию, так и не решился атаковать, так как это бы сильно снизило их шансы на выживание.

Скорее всего, они бы даже и близко не успели подобраться к яутжа.

– Я лучше уничтожу эти четыре корабля, чем отступлю. Если яутжа пошлют еще, мы продолжим сражаться, но, надеюсь, они поймут наше послание.

– Что-то происходит, Джонни. По всему Кольцу.

– Мы не увидели никаких признаков подготовки к войне.

– Я не говорила о войне.

– Но именно о ней ты подумала, – покачал головой Мэйнс. – Мы справимся с несколькими кораблями, око за око, ты же знаешь, с яутжа всегда было именно так. Но если мы выжжем целое местообитание, то это уже будет объявлением войны. Понятия не имею, скольких мы убьем, ведь мы даже не знаем, сколько яутжа там проживает. Но зато мы знаем этих ублюдков. Если нет, спроси Сноуден. Никто не в курсе, как долго они живут, все говорят лишь об их гордости и чести. Если хочешь знать мое мнение, все это лишь оправдание для очередной охоты и убийств. Но стоит нам уничтожить что-то наподобие UMF 12, и им понадобится кое-что побольше. Мы лишь обострим конфликт, а наш отряд здесь для того, чтобы предотвратить войну, а не стать ее причиной.

– Ага, конечно. Но нужно воспринимать UMF 12 и как цель, если ситуация круто развернется, – Котронис повернулась к нему спиной, но Мэйнс схватил ее за руку. Все молча смотрели на них, в ожидании затишья даже Фродо.

– Нас ждет битва, – обратился ко всем Мэйнс. – Так давайте сохраним трезвый рассудок.

Полностью готовые к сражению, они уселись на свои места. Мэйнс прошел между ними, ничего не говоря, лишь наблюдая за их действиями в напряженной тишине. Все вместе они работали словно один отлаженный механизм. Механизм с двумя отсутствующими частями.

– Лейтенант, – заговорил Фолкнер спустя несколько минут. – У меня есть план действий.

– Так давайте выслушаем его.

– По моему сигналу, – скомандовал Мэйнс. – Три... два... один... поехали!

Фродо был готов. Системы запрограммированы, план действий прогнан три раза, теперь всем оставалось лишь сидеть на месте и смотреть на экран.

«Вол» отключил систему маскировки. В то же мгновение открылся канал связи, и сообщение отправилось на Тижку. В следующую секунду запустились двигатели, ускоряя корабль настолько, что, не будь на его корпусе защиты, вместо отряда остались бы одни мокрые пятна.

«Ублюдок-Четыре» показал первые признаки реагирования, но план Фолкнера уже вступил в игру. Запрограммированные на самую точную траекторию, носовые лазерные пушки «Вола» выпустили первую серию разрывных снарядов, целясь в пространство вокруг вражеского корабля. Мгновение спустя от него остались лишь осколки, и он исчез со сканеров.

– «Ублюдок-Четыре» уничтожен, – объявил МакВикар. – Запускаю Дрон-Один.

Тяжело гремя, один из дронов со спрятанным на борту оружием покинул открытые двери отсека и на всей скорости ионного двигателя понесся вперед.

– Что насчет остальных трех кораблей? – спросил Мэйнс. Он мог и сам посмотреть на экран, но знал, что МакВикар проанализирует малейшие изменения в месторасположении и скорости врага.

– «Ублюдок-Один» и «Ублюдок-Два» продолжают идти по прежнему курсу, – ответил МакВикар. – Третий развернулся и идет на нас. Самый большой из них.

– Заметили наш дрон?

– Кажется, нет.

– Лейтенант, еще три корабля покидают UMF 12, – сказала Сноуден.

– Фолкнер?

– Фродо, выпускай Дрон-Два.

Снова послышался грохот, и очередной дрон покинул корабль.

– «Ублюдок-Четыре» уничтожен. Дрон-Два направляется к первому и второму.

Мэйнс заметил, как на экране померкла зеленая стрелка.

– Это они подбили?

– Да, подождите, – Фолкнер застучал пальцами по панели управления. – Фродо?

– Готов.

– Выпускай микроядерные. Начинай подготовку лучевого модулятора.

– Только не пали из этой штуки вблизи UMF 12, – предупредил Мэйнс.

– Лейтенант! – воскликнула Котронис, и он гневно посмотрел на нее.

– Мы уже обсудили этот вопрос. Наш отряд здесь не ради того, чтобы начинать войну, капрал.

– А вот они, возможно, как раз ради этого!

– Вторая волна кораблей яутжа рассеивается, их курсы разбросаны, – объявила Сноуден. – Они направляются к нам.

– Еще бы не к нам, – прошептал Мэйнс. – Хорошо, давай запасной план.

– Модулятор? – спросил Фолкнер.

– Только если будет возможен удар, не угрожающий их поселению.

Мэйнс и раньше видел лучевой модулятор в деле. Потрясающее, но трудно контролируемое оружие, нуждающееся в уверенном, сосредоточенном стрелке. Не самый лучший вариант, когда нужно прибегнуть к запасному плану.

– «Ублюдок-Один» и «Ублюдок-Два» вышли на скорость света и исчезли, – доложил МакВикар.

– Направление?

– Все то же.

– Решили не вступать в битву, – сказала Лидер.

– Или понесли ее в другое место, – откликнулась Котронис.

– Яутжа устранили наши микроядерные, – сказала Сноуден. – Сэр, нам нужно принять решение.

– Либо сражаемся, либо улетаем, – добавила Лидер.

– Мы не бегаем от битвы, которую начали, – отрезал Мэйнс. – Лидер, разверни нас так, чтобы мы отчетливо видели «Ублюдков» Пять, Шесть и Семь.

Лидер застучала по клавиатуре, и когда Фродо начал поворачивать корабль, Мэйнс снова почувствовал ту тревогу, будто оставляет позади себя свой призрак. Это всегда выводило его из строя. И хотя все Исследователи проходили обучение, тренировки никогда не помогали ему защититься от позывов рвоты.

– Пятый и Шестой открыли огонь, – сказал Фолкнер, но Фродо уже принял контрмеры. На экране зажегся свет от взрыва в сотнях миль от корабля.

– Лейтенант, у меня... – начал Фолкнер.

– «Ублюдок-Один» отключил маскировку! – закричала Сноуден. – Пятнадцать миль по правому борту, лазерные пушки...

Корабль подпрыгнул. Воздух улетучился через дыру. Отключилась система гравитации, делая их всех тошнотворно невесомыми. Кто-то вскрикнул. Мэйнса прижало к сиденью защитными ремнями по всему телу, и как раз в то мгновение, когда вокруг него образовался щит затвердевшей пены, Мэйнс заметил боевой костюм, бьющийся о переборку над его головой. Аккуратно разрезанное надвое, тело оставляло за собой следы внутренностей.

Вся кабина заполнилась кровью.

5. Люси-Энн

Станция «Свартвуд-3»

Орбита планеты Уивер, 2692 год н. э., июль

– Конечно, ты получишь шоколадку, милая, но только после школы.

– Обещаешь, мамочка?

– Обещаю.

– Тебе обязательно идти на работу? – надула губки Люси-Энн.

Ее мама улыбнулась и принялась щекотать маленькую девочку, превращая ее в привычное хихикающее и извивающееся нечто. Люси-Энн попыталась убежать, рванув через всю кабину и ожидая, что мама последует за ней, поймает и продолжит щекотать, но в последнее время мамочка вела себя очень странно. Постоянно растерянная, уставшая, она перестала крепко спать, и иногда, выскользнув из своей уютной кровати, Люси-Энн видела свою маму, сидящую посередине темной кабины. Каждый раз она держала в руках переговорную панель, будто ожидая, когда же та заговорит.

Единственным человеком, говорившим с ними, был папочка, но папочка был далеко от них.

И хотя маленькой Люси-Энн было всего восемь, она уже понимала, что за будущее ее ожидает. За последние четыре года она видела своего отца лишь шесть раз, и радость от вида униформы Колониальных морпехов потускнела. Теперь и ее мамочка готовилась к тем же действиям, и все быстрее приближалась та пора, когда школьное крыло станции «Свартвуд-3» станет ее единственным домом.

Люси-Энн знала, что придет время, и она наденет ту же униформу, но не была до конца уверена, какие чувства испытывает при мысли об этом. Ей нравилось тепло, исходящее от папочкиного боевого костюма, то ощущение, когда ткань обволакивала ее, и все то, что она видела, слышала и делала внутри костюма. Казалось, компьютер, встроенный в костюм, даже знал ее имя.

И все же, больше всего на свете ей хотелось, чтобы вся семья просто оставалась дома.

– Мамочка?

Ее мама очень странно смотрела на Люси-Энн. Наклонив голову в одну сторону, с широко раскрытыми, мокрыми от слез глазами, правой рукой она стучала по бедру, будто слыша только ей одной понятную мелодию.

– Ты хорошая девочка.

– Я знаю, – ответила Люси-Энн.

– Шоколадка после школы.

– Хорошо.

Мамочка помолчала еще секунду, и Люси-Энн показалось, что она сейчас расплачется. Но женщина лишь заморгала, отвернулась, прислушиваясь к чему-то, и улыбнулась.

– Что ж, сможешь сегодня сама прогуляться до школы? Мамочке нужно кое-что сделать.

– Мне можно перейти через проход?

– Конечно, можно.

– Ура! – воскликнула девочка. Люси-Энн нравился проход, в нем девочке казалось, что она может летать.

Мама подошла к ней и обняла, – намного крепче, чем когда-либо, – но ничего не сказала.

Очень многие на станции «Свартвуд-3» знали маленькую Люси-Энн. Среди остальных детей ее выделял яркий розовый комбинезон. Большинство девочек ее возраста уже носили военные костюмы, похожие на родительские, но Люси-Энн всегда любила розовый цвет.

Прохожие улыбались и кивали ей, пока девчушка покидала жилое крыло, некоторые обменялись короткими любезностями, и совсем скоро она уже была на полпути к центру станции, готовая пересечь проход. Станция «Свартвуд-3» состояла из большой центральной части и четырех огромных капсул, прозванных Марк, Мэттью, Люк и Джон. Люси-Энн не знала, откуда взялись эти имена, но радовалась, что ее школа находилась именно в Люке, приятном, ярко окрашенном местечке, которым управляли замечательные учителя.

Марк включал в себя жилищный отсек, Мэттью – тренировочный центр, а Джон – ангар, куда прибывали и откуда улетали корабли. На борту станции проживало почти две тысячи людей, треть из которых были детьми, и Люси-Энн нравилось, что есть с кем поиграть. Ступив в проход, она даже на какое-то время позабыла, что однажды родители оставят ее здесь одну-единешеньку.

Именно поэтому девочка так любила этот проход между Марком и Люком. Здесь она не только представляла, как летает, словно птичка. Самым главным было то, что проход помогал ей забыть о любых неприятных мыслях.

Длиной почти в сто пятьдесят ярдов и достаточно широкий сразу для нескольких проходящих мимо людей, этот туннель был почти полностью сделан из обогащенного диамантом стекла и давал круговой обзор, который никогда не надоедал маленькой девочке. Обычно идя по нему в одиночку, Люси-Энн в итоге опаздывала в школу и попадала из-за этого в неприятности. Поэтому ей приходилось проделывать весь путь до центра и только затем сворачивать к Люку. Не так уж и часто мамочка разрешала пройти через проход. К тому же она пообещала шоколадку после школы.

«Может быть, она скучает по папочке, – подумала Люси-Энн. – Прямо как я».

Она замерла на месте.

Прямо под ней, сквозь стеклянный пол виднелся центр станции, крутящийся по своей орбите, вырабатывая искусственную гравитацию. Но девочка смотрела вверх, через прозрачное стекло, прямо в бесконечный космос. Ей никогда не надоедало это занятие, и Люси-Энн не понимала, как кому-то это вообще могло наскучить. Она глядела в вечность. Все что угодно может быть снаружи. И если у космоса и правда нет конца и края, то, как говорил ее папочка, а в этом вопросе, по словам папочки, ученые еще не сошлись на одном ответе, где-нибудь есть квадратная планета. Ведь в бесконечности возможно все.

Где-то даже существовала вторая Люси-Энн.

Она еще до конца не решила, нравится ли ей эта идея, но иногда, рассматривая космос, девчушка думала, а что если бы она могла увидеть намного дальше, чем сейчас. Настолько далеко, чтобы разглядеть пришельца, смотрящего в ответ на нее. Люси-Энн было интересно, а о чем бы думал этот пришелец и размышлял ли бы он о ней.

Люси-Энн постоянно всем интересовалась.

Неожиданно над девочкой нависла блестящая дуга планеты Уивер. Удивительное место, которое порой называли планетой Златовласки¹, потому что, как говорила мамочка, она была местом, где люди смогли поселиться сразу по прибытии. Вместе они три раза бывали на этой планете. Один раз с папочкой, когда они с северной отправной станции направились к экватору и двадцать дней отдыхали на сафари. Главный остров планеты, полный изумительных животных и растений, назывался Эллия, и Люси-Энн волновалась, что люди, живя здесь, испортят его природу. Мамочка сказала ей, что тут совсем не о чем волноваться.

¹ Аллюзия на сказку о Златовласке, заблудившейся в лесу и нашедшей домик трех медведей, где она смогла поесть и переночевать.

На этой планете они видели стадо ящериц размером с кошку, охотившихся на слоновых существ. Наблюдали за облаком сверкающих летучих мышей, образующих сложные формы над глубоким, темным ущельем. Восьмикрылые бабочки пели песни для Люси-Энн, а ужинали они фруктами, вкус которых напоминал кокос и шоколад.

Мысль о шоколаде вырвала девочку из мечтаний, когда мимо, посмеиваясь, проходил морпех.

– Опоздаешь в школу, Люси-Энн!

– Просто не могу оторваться от...

Что-то ударило снизу. Зрение Люси-Энн затуманилось, звезды смазались, а видимая часть планеты Уивер запульсировала, словно планета делала глубокий вдох.

– Боже мой! – закричал морпех, и девочка наконец посмотрела вниз, на стеклянный пол, и увидела, что творилось под их ногами. Раздался ужасный грохот, бьющий по ушам, гул, похожий на кипящую воду, и оглушительный треск. От центра, охваченного огнем, откалывались и улетали в космос целые куски сооружения. Огонь быстро иссяк, как только исчез воздух, но за ним последовали и остальные части станции. В космос полетел большой зал заседаний, а за ним люди, крутящиеся и сталкивающиеся с обломками здания. Некоторые из них горели. Некоторые появлялись уже расчлененными и исчезали в пустоте.

– Мамочка! – закричала Люси-Энн и в надежде посмотрела на морпеха, но тот уже бежал в обратную сторону, к жилищному отсеку.

Громадная часть центра врезалась в проход, соединяющий его с Люком, сгибая и отрывая металл, словно бумагу. Оставшаяся часть центра отприкошетила от станции, влача за собой туннель, и от прохода стала отсоединяться большая часть Люка.

Люси-Энн упала на колени, поднялась и побежала за морпехом, обратно к Марку. Мамочка должна быть там. Мамочка, с грустным и невидящим взглядом, встающая по ночам и слушающая вещи, недоступные Люси-Энн. Мамочка, приносящая домой вещи, которые сама уже не узнавала. Мамочка, делающая то, чего не понимала.

– Мамочка!

Марк взорвался. Она увидела трещину в опорном рычаге, и давление воздуха внутри отсека разорвало его оболочку. Пламя вскоре исчез в вакууме космоса, а из одной дыры выплыл поток людей, бьющихся, хватающихся друг за друга и, наконец, покрывающихся льдом.

– Мамочка! – попыталась крикнуть Люси-Энн, но ее охватил ужас.

Она побежала. Впереди мчался морпех, но девочка чувствовала, что что-то не так. Ее затошнило, на секунду стало лучше. Люси-Энн уже не слышала ничего, кроме оглушительного свиста.

Все вокруг нее, вокруг опустевшего туннеля, вся тьма окружавшего их космоса заполнилась мерцающими, кружащими, пугающими останками станции.

И как только морпех добрался до прохода, ведущего к Марку, проход под ним разрушился. Он исчез. Стеклянные стены гудели, разрываемые взрывом; а Люси-Энн, все еще пытающуюся докричаться до своей мамы, схватила невидимая рука и утащила прямо в бесконечность.

6. Джерард Маршалл

Станция «Харон»

Солнечная система, 2692 год н. э., июль

Генерал Пол Бассетт, командующий всеми Колониальными морпехами, от Косморожденных и Пехотинцев до Исследователей, был придурком.

Такое мнение Джерард Маршалл составил о нем уже очень давно, но со времен их первой личной встречи и его пребывания на станции «Харон», возглавляемой самим Бассеттом, им довелось встретиться еще не один раз, что помогло Маршаллу пересмотреть свое первое впечатление об этом человеке.

Генерал был полнейшим придурком.

Сейчас Джерард в очередной раз убедился в своем умозаключении. Вместо того чтобы найти время и самому позвонить, генерал послал дроида. «Распоряжение генерала Пола Бассетта. Вам необходимо быть в его офисе ровно в одиннадцать часов, чтобы...» – будто простого сообщения на экране от самого генерала было предостаточно. Неудивительно, что, несмотря на общие цели, на необходимость поиска согласия, взаимопонимания, с каждой новой встречей конфликт между ними становился все ошутимее.

Маршалл не раз пытался рассмотреть их отношения более трезвым взглядом и пришел к выводу, что они просто не сошлись характерами. И все бы ничего, будь оба обычными гражданскими или рядовыми, целый день натякающимися друг на друга. К сожалению, один из них оказался генералом, отвечающим за четверть миллиона солдат, а другой входил в Совет Тринадцати компании «Вейланд-Ютани», и им обоим было что терять.

Никто из них не имел права позволить своему эго встать на пути главнейших приоритетов, и Маршалл боялся, что только очередная порция плохих новостей могла заставить генерала вызвать его к себе в офис.

Станция «Харон», огибающая Солнечную систему каждые тридцать лет на расстоянии в четыре миллиарда миль от Солнца, была действительно огромна. Будучи основной базой Колониальных морпехов вот уже больше шестидесяти лет, она расширялась и совершенствовалась до такой степени, что в итоге превратилась в комплекс взаимосвязанных космических станций, отличный от единой структуры, которой была изначально. Семь отдельных платформ с казармами, ангарами, складами, линиями коммуникаций, офисами и другими необходимыми помещениями на борту вмещали в себя не только персонал численностью более семисот человек, но и меняющиеся гарнизоны тысяч морпехов с их оружием, снаряжением и кораблями.

Почти сорок лет назад астероид, столкнувшийся со станцией, не только полностью уничтожил целый сегмент сооружения, но и унес жизни около четырехсот человек. Тяжелейший удар для морпехов того времени, особенно в связи со вспыхнувшими по всей Сфере стычками между самими морпехами и бунтующими военными отрядами, выступающими за независимость. Катастрофа вселила в людей сомнения и паранойю, но все факты указывали на чертов несчастный случай. С тех пор по всей орбите станции, в тысячах миль от «Харона», без устали работают корабли-чистильщики, уничтожая любой космический мусор, представляющий хоть самую малую угрозу.

Джерарду Маршаллу хватило двенадцати недель, чтобы возненавидеть это место. Противно здесь ему было всё: и необходимость дышать искусственно созданным воздухом, и невозможность ходьбы без помощи искусственной гравитации, и еда, произведенная из бактерий, жучков и насекомых, и, наконец, осознание того, что малейший несчастный случай может закончиться для него мучительной смертью в мерзлой пустоте космоса. Он входил в состав Совета Тринадцати, и кому лучше него было известно, что именно могло пойти не так в откры-

том космосе. В конце концов, Маршаллу не раз приходилось прикрывать подобные происшествия. Некоторые из них он даже лично инициировал.

Но что было хуже всего, так это понимание того, что ему, скорее всего, придется какое-то время задержаться на станции. И как бы ни претила ему эта мысль, Джерард все же не мог скрыть своего волнения. Члену Совета Тринадцати, ведающему вопросами захвата инопланетных технологий и вооружения, и, по совместительству, главе «АрмоТех», несложно было догадаться, как сильно недавние события могут изменить их привычную жизнь.

Из всех военных генерал был единственным человеком, которому Совет Тринадцати доверял больше остальных, и именно поэтому задачей Маршалла стало влиться в окружение Пола Бассетта. Но естественно, доверие Совета не бывало абсолютным, а значит, Джерард мог не только наблюдать за своей целью, но и вмешаться в происходящее, если бы того потребовали обстоятельства.

Комнаты Бассетта располагались в самом центре командной капсулы, самой маленькой, но и самой охраняемой из секций станции. С капсулой в постоянной стыковке находился «Разрушитель» высшего класса, готовый к запуску через тридцать секунд с момента возникновения опасности. Сама капсула состояла из трех частей и была оснащена технологией маскировки, которой пользовались Исследователи, а при необходимости могла отсоединиться от всей станции, став самостоятельным космическим кораблем.

Маршалл помнил, как впервые пересек один из связующих мостов длиной в четыреста пятьдесят ярдов, а Бассетт, в свою очередь, не упустил возможности похвастаться комплектом взрывчатых колец, способных разнести каждый мост менее чем за миллисекунду. Абсолютно пустое бахвальство, учитывая полную прозрачность мостов.

Да-да, генерал был самым настоящим придурком...

– Кто идет? – стоящий в конце моста рослый морпех поднял винтовку.

– Ты это серьезно? – в недоумении спросил Джерард.

– Второе предупреждение, мистер Маршалл.

– Ты ведь только что сам назвал мое имя.

Морпех сделал шаг назад и занял позицию для стрельбы. Маршалл не видел ничего, кроме его глаз, выглядывающих из-под шлема, на защитное стекло которого падал бледно-синий отсвет панели управления винтовкой. Угрожающая обезличенность боевых костюмов никогда не приходилась по душе Джерарду, хоть он и признавал эффективность этого неочевидного оружия морпехов.

– Третье предупреждение.

Маршалл вздохнул.

– Джерард Маршалл, седьмое кресло в Совете Тринадцати компании «Вейланд-Ютани», идентификационный код семь-один-гамма-три-ноябрь.

Морпех снова встал по стойке «смирно», и Маршалл услышал приглушенные звуки боевого компьютера, подтверждающего его личность.

– Спасибо, сэр. Генерал Бассетт ожидает вас. Вы найдете его в оперативном пункте.

– Отлично, – Маршалл прошел мимо морпеха, направляясь к открытым дверям и на секунду замер. – А тебе никогда не?..

Морпех сверху вниз посмотрел на Джерарда, но защитное стекло не выдало его эмоций. Боевой костюм хранил молчание, а винтовка все еще отбрасывала синий отблеск. Маршалл задумался над тем, какие именно настройки сейчас стоят на оружии, но вновь увидеть эту винтовку в действии желания у него не возникало. Он уже бывал свидетелем боевой мощи подобного оружия раньше. Великолепные, но приводящие в ужас демонстрации.

– А, не важно, – передумал Маршалл. – Вольно!

Темная, прочная стена, еще более неприступная, чем трехдюймовая сталь, выросла позади него, и Джерард оказался в командном отсеке.

Продвигаясь вперед, он чувствовал на себе взгляды еще нескольких военных, пока девушка-морпех не кивнула ему и не сопровождала к проходу, ведущему к главному центру управления. Огромная комната в пятьдесят ярдов, вся покрытая голограммами и компьютерными терминалами, гудела от голосов людей, снующих вперед-назад на своих воздушных креслах. Не было еще ни раза, когда бы Маршалл не почувствовал дрожь, зайдя в эту комнату. Каждый раз при виде сердца военной машины Компании наружу вылезала вся неудобная правда, состоявшая в том, что единственной причиной возвращения могущества «Вейланд-Ютани» была помощь морпехов.

Не имея за спиной столь серьезной силы, Компании не удалось бы добиться распространения подобного масштаба.

– Вы поймете, где найти его, – сказала морпех, протягивая Маршаллу плавки.

– Seriously?

Девушка улыбнулась, и он немного успокоился, как всегда радуясь любому проявлению человечности в этом месте.

Возможно, она была андроидом.

Маршалл взял плавки и переступил порог комнаты виртуальной реальности, практически пустой, не считая кучки аккуратно сложенной военной формы, пары ботинок и лежащих рядом очков. Бассетт был единственным военным, которого знал Маршалл, избегающим пластической хирургии по улучшению зрения. Самой вероятной причиной казалось то, что одни лишь очки выделяли генерала из толпы.

Раздевшись, Маршалл натянул плавки, смущенно отметив свой свисающий живот и дряблые мышцы. Если бы Джерард жил в космосе достаточно долгое время, то у него, по крайней мере, была бы возможность свалить все на непременно проявляющуюся здесь дистрофию мышц и костей; но все знали не только о существовании специального лечения и тренировок, направленных на борьбу с этим недугом, но и о предпочтении Маршалла стоять на твердой земле. Человек незаурядного ума никак не мог скрыть лень своего тела.

Жилье Бассетта было по большей части функциональным, но эта комната виртуальной реальности стала настоящей привилегией, исполненной причудой генерала, подаренной любезной Компанией. Каждый раз увиденное здесь приводило Маршалла в полнейшее замешательство. Вот и сейчас он понятия не имел, к чему стоит готовиться.

Наугад пробираясь через шлюз, он наконец оказался на месте, и от увиденного у него перехватило дыхание.

Перед Маршаллом растянулся океан. Светло-голубое небо, исчерченное облаками, подхваченными неведомым потоком воздуха, распростерлось над лазурью воды. Волны разбивались о песчаный пляж, пенясь и разбрасывая пузырьки по ровному берегу, а крабы, спасаясь от палящего солнца, скрывались в своих панцирях.

Постояв в тени нависающих над головой пальм, Маршалл сделал пару шагов вперед и тяжело вздохнул, ощутив солнечные лучи на своей коже. Ничто не могло сравниться с этим чувством; ни система жизнеобеспечения, ни кондиционирование воздуха, ни отопление панелей в его комнате – ничто из этого и близко не лежало с настоящим солнечным светом.

– Красиво, правда? – спросил Бассетт. Он сидел в шезлонге достаточно близко к волнам, погрузив ноги в песок. В свои почти семьдесят лет генерал сохранял такую физическую форму, о которой Маршалл мог только мечтать. Высокий и загорелый, будто живая энциклопедия крепких мышц, на его сильных, худых конечностях не было ни капли жира, хотя генерал не любил растрачиваться на ненужные телодвижения. Казалось, что он родился уже со шрамом, пересекающим нос и правую щеку. «Охота на жуков», – как-то ответил на вопрос Маршалла Бассетт. Как и в случае со зрением, рука хирурга не коснулась и этого ужасного боевого ранения.

Но самым впечатляющим из увиденного для Маршалла стали слезы военного.

– Где мы? – спросил Джерард.

– Планета Уивер. Восточные берега Эллии, самого большого материка, самый его экватор. Остался час до заката, когда над морем можно будет увидеть сразу три луны. Уже сейчас можно наблюдать затмение одной из них. Прекрасный вид. И я люблюсь им уже третий раз за день.

– Все в порядке?

Бассетт не оглянулся на Маршалла, уставившись куда-то вдаль моря. Позади них шелестели деревья, легкий ветер трепал волосы, и казалось, что стоит только закрыть глаза, и все станет реальным. Но Маршалл боялся сделать это настолько же сильно, как ненавидел виртуальную реальность. Все это было ложью, в которую только успеешь окунуться, и уже пора возвращаться обратно на палубу, окруженную холодной безразличностью космоса. Космоса, которому не было дела ни до чего, кроме смерти.

Генерал прошептал команду, и картинка перед ними быстро изменилась. От неожиданного перехода закружилась голова, и Маршалл невольно отшатнулся вправо. Песок между ногами, сначала сменившись на холодный металл, принял форму шелковистой травы.

Стало тяжело дышать. Исчез запах пляжа, но появились ароматы полевых цветов и чего-то горящего. Маршалл смотрел на широкую, зеленую равнину с невероятно высокими деревьями где-то вдалеке. Слева от него выстроились настолько монументальные горы, что невозможно было рассмотреть их спрятавшиеся в тумане вершины, а справа распростерлись холмы, над которыми виднелись трубы атмосферных преобразователей. Уж их-то Маршалл не мог спутать ни с чем другим.

Он прищурился, пытаясь разглядеть, что творилось в тумане. Преобразователи выглядели слишком необычно.

– Гонзалес-Шесть, – сказал Бассетт. Он стоял в одних плавках, и Маршалл рассмотрел другие шрамы, покрывавшие тело военного, о существовании которых он даже не подозревал. Джерард задумался, достались ли они генералу в той же охоте на жуков. – Некогда известная как LV-204. Один из первых успешно терраформированных миров, хотя, будем честны, он изначально был недалеко от нашего. Преобразователи... – Бассетт указал на гороподобные сооружения вдали. – Их перевели в резерв и оставили около ста лет назад. Возможно, сейчас там настоящий рассадник жуков. Миллиарда жуков.

– Генерал, зачем вы вызвали меня сюда?

– Я не сентиментален, – ответил военный. Он отдал приказ, и все шумы стихли, оставляя их в полном самых разных ароматов, но абсолютно беззвучном помещении. – Не могу себе этого позволить. Сентиментальность может здорово помешать исполнению обязанностей. Хотя о чем это я? Вам ведь этого не понять.

– Разве?

– В вас просто нет ничего такого, что делает человека сентиментальным, – генерал нисколько не осуждал его, лишь констатировал факт. Маршалл попытался было возразить, но понял, что не в состоянии сделать этого. В конце концов, он, в отличие от остальных служащих Компании, всегда гордился своей честностью.

– Сегодня я потерял сына, – сказал Бассетт. – Однажды мы отдыхали здесь всей семьей, провели три месяца, путешествуя по восточному берегу на автолете. Когда он повзрослел, мы вдвоем отправились на Гонзалес-Шесть поохотиться. Но так ничего и не поймали.

– Я сожалею, – произнес Маршалл, в то же время обдумывая, как вообще это касалось его самого.

– Закройся, – приказал генерал, и всего за несколько секунд жуткая картина, находящаяся в сотне световых лет от них, исчезла, оставив лишь металлический кабинет, оснащенный техникой и искрящийся остатками энергии.

– Что случилось? – спросил Маршалл.

– Убийство, – ответил генерал, вытирая глаза. Полностью собравшись, он выпрямился и посмотрел Маршаллу прямо в глаза. – Точнее, массовое убийство. Пройдемте в мой офис, я все покажу.

Картинка на экране, снятая кораблем с расстояния семидесяти миль от станции «Свартвуд-3», оказалась не совсем отчетливой. И тем не менее она позволяла разглядеть все необходимое.

При виде распадающейся на мерцающие осколки станции у Маршалла перехватило дыхание. Съемка закончилась, рамка затемнилась, и Бассетт тяжело опустился в свое большое кожаное кресло.

– Кто способен на такое? – спросил Маршалл. – «Красная Четверка»? – с этой террористической группировкой, действовавшей против «Вейланд-Ютани», его связывал личный опыт. Один из бывших подчиненных Компании, жалкий, лицемерный человек, так сильно невзлюбил экспансионизм и крупный бизнес, что собрал вокруг себя единомышленников и перешел к радикальным мерам, став один из четырех основателей организации преступников.

– У них больше нет подобных возможностей. И потом, даже беря в расчет всю мою ненависть к этим подонкам, я не думаю, чтобы они пошли на нечто столь... уродливое.

– Скорее всего, – согласился Маршалл и взглянул на Бассетта, пытаясь прочитать его мысли. – Несчастный случай?

– Вряд ли, учитывая сигнатуру реактивной струи, замеченную тремя кораблями, пролетающими на расстоянии тысячи миль от происшествия. Это было маленькое устройство, возможно, на основе плазмы, но установленное в таком положении, что становится понятно: кто-то хорошо знал структуру «Свартвуда». Станция должна была устоять перед взрывом – шлюзы устроены так, чтобы спасти как можно большее количество людей. Но... кто бы это ни был, он знал, что делает.

– Сколько? – спросил Маршалл.

– Тысяча девятьсот тридцать человек. Плюс-минус пара экипажей кораблей.

– Черт возьми.

– Мой сын, Гарри, пребывал на станции уже шесть месяцев. Тренировал летчиков. Двое других инструкторов выжили, они были на учениях, а у Гарри выдался выходной. Может быть, в тот момент он спал. Мы потеряли шестьсот детей.

– Я сожалею, Пол, – опустился на диван Маршалл.

Генерал явно удивился, услышав собственное имя, и благодарно кивнул.

– Итак, с чем мы имеем дело?

– Все еще пытаемся выяснить. Я уже объявил тревогу первого уровня среди всех Колониальных морпехов, оповестил обслуживающий персонал и организации. Полагаю, вы предложите Совету сделать то же самое в отношении «Вейланд-Ютани».

– Безусловно. Вы же не думаете, что это может быть связано с?..

– Яутжа? – Маршалл не услышал в голосе Бассетта ожидаемой насмешки. Генерал лишь задумчиво постучал по столу, другой рукой потирая глубокий шрам на лице. – За последние три месяца мы сталкивались с ними чаще, чем за прошедшие три года, вместе взятые. Что-то происходит с ними, и наши люди всеми силами пытаются выяснить, что именно. Вы ведь занимаетесь тем же самым, не так ли? Иза Палант?..

– ...одна из лучших, так и есть, – кивнул Маршалл. – И недавно я послал к ней сотрудника из своего окружения, в помощь исследованиям.

– Яутжа необычны. Рабы своих традиций и истории, что, в моем понимании, объяснимо, учитывая тот возраст, которого они могут достичь. Возможно, всплеску нападений предшествуют религиозные причины, какого-то рода годовщина. Вполне возможно, что-то в их календаре заставляет чаще выходить на охоту, забирать больше черепов. Я ненавижу этих ублюдков,

вне всяких сомнений, но до того все их атаки происходили за пределами Внешнего Кольца. Никогда прежде они не делали ничего подобного. Скажите мне, где честь в убийстве двух тысяч невинных людей, да еще и с расстояния, при помощи бомбы?

– Никакой чести, – ответил Маршалл, съезжившись. Впрочем, Бассетт не нуждался в ответе на свой вопрос.

– Необходимо сохранять бдительность, – сказал генерал. – Мы выследим виновных, но пока что нашей главной целью остается предотвращение похожих случаев в будущем.

– Конечно, – согласился Маршалл. – А вы?..

– Отправляюсь ли я в отпуск по семейным обстоятельствам? – Бассетт грустно усмехнулся. – Моя бывшая жена организует церемонию, но меня там не будет. Я все еще отвечаю за четверть миллиона своих детей.

Маршалл кивнул и встал с места, протягивая руку генералу. К его величайшему удивлению, Бассетт ответил на рукопожатие.

Покинув кабинет генерала и проходя мимо командного центра, Маршалл остановился в проходе и взглянул на все новыми глазами. На экране центра вновь появилась станция «Южные Врата-12», замедляя свою скорость в десять раз, пока два человека отсматривали материал, исследуя его тонкими лазерными нитями, меняя и разрывая изображение, оценивая полученные данные.

Где-то еще группа морпехов, тщательно вслушиваясь, окружила канал связи. Еще ближе к Маршаллу над головами двух морпехов пролетела рамка с изображенным на ней солдатом. Весь в поту и крови, взволнованный, он пытался передать информацию, пока со всех сторон его окружали тени и пламя.

Девушка, проводившая Маршалла к генералу, появилась в конце коридора и быстро приблизилась к нему.

– Пойдемте, – сказала она.

– Минутку.

Маршалл понимал, как сильно не любили тянуть время морпехи, но и она, зная, кто он такой, никогда бы не осмелилась поторопить его.

По всему центру слышалось гудение, которое Маршалл не замечал до этого. Будто наружу рвалась долгое время сдерживаемая энергия. Люди сновали взад и вперед, по помещению летали рамки с изображениями отчаявшихся людей и заброшенных мест, когда посреди центра появился огромный экран пяти ярдов в поперечнике со светящейся картинкой на нем. Это был образ Сферы Людей с тысячами белых мерцающих точек. Тут и там возникали красные сигналы. Возможно, Маршалл смотрел на карту атак яутжа, и если он был прав, то дела обстояли еще хуже, чем директор полагал ранее.

Маршалл внезапно осознал, что Колониальные морпехи уже ступили на тропу войны.

– Что же теперь будет? – прошептал он, не заметив подошедшую к нему девушку.

– Теперь мы займемся тем, к чему нас готовили, – ответила та. – Пойдемте, сэр. Я отведу вас обратно.

Маршалл проследовал за ней, оставляя позади пылающие красные точки и срочные сообщения, приходящие со всех концов космоса. Его ждал доклад Совету Тринадцати. Секреты яутжа, так же как и ксеноморфов, долгое время ускользали от «Вейланд-Ютани».

А война, зачастую, оказывалась прибыльным предприятием.

7. Лилия

Свидетельское показание

Когда я была еще молодой, – годами, а не внешностью, ведь я всегда выглядела так, как сейчас, – я работала с небольшой группой ученых, преследовавших кометы с целью изучения. Две из отмеченных ими комет впервые за многие сотни лет возвращались в Солнечную систему. Много лет назад ученые оставили на них зонды, но те давно уже вышли из строя.

Теперь же им хотелось вернуть три зонда и скачать всю информацию об эксперименте, которую те не могли передать ранее. Хорошие люди, как и все одиночки, отправлявшиеся в путешествие по космосу с горячим желанием его исследовать. Ученые позволили мне присоединиться к ним лишь потому, что меня не пугала враждебная окружающая среда, но они знали, насколько я отличаюсь от них, и никогда не забывали об этом.

– Мы ищем истоки жизни во Вселенной, – сказал мне как-то раз один из них. – Возможно, на кометах мы найдем ответы на свои вопросы. Что за невероятное открытие лежит перед нами! Понять наконец, откуда мы все пришли. Но тебя это несильно волнует, правда? Ты и так знаешь свои корни.

Он не пытался обидеть меня, лишь говорил очевидное, но эта фраза кольнула меня в самое сердце. К тому времени возраст догнал мою внешность, и уже тогда я начала задаваться вопросами.

Вопросы эти превратились в глубокие размышления, пока я дрейфовала в спасательной капсуле оставленного позади корабля «Эвелин-Тью». Я все ждала, когда же Вордсворт с Основателями подберут меня, но прошли годы и десятилетия, прежде чем они наконец нашли меня, спящую и видящую сны о моем происхождении и предназначении.

А ведь андроиды не могут видеть сны.

Невероятно сложно провести столь долгое время в полном одиночестве. Почти сорок лет я ждала Вордсворта, обещавшего забрать меня через несколько месяцев. Но Основателей настигли неприятности, и они бросили меня. Они знали, что я буду отдаляться от системы, двигаясь перпендикулярно орбите, прямоком в открытый и необжитой космос. По их убеждению, безопаснее места для меня было не найти, там никто не мог случайно набрести на меня. В этом Основатели оказались правы.

Покинув «Эвелин-Тью» и запустив выгорание топлива, я не изменила своему курсу, сорок лет проведя в спасательной капсуле – без выхода, без навигации, в суденышке, слишком маленьком даже для того, чтобы размять ноги.

Мне пришлось отключить почти все свои системы, но от сознания я избавиться не могла. Иногда просыпаясь, иногда впадая во что-то близкое к состоянию сна, каждый день из этих сорока лет я провела абсолютно одна.

Более чем достаточный период для того, чтобы все хорошенько обдумать.

Я не сомневалась в правильности всего содеянного. Несмотря на смерти, причиной которых я стала, я не могла не восхищаться философией Основателей. Прежде всего я уважала их честность в отношении своих целей и мировоззрения. Даже спустя сорок лет, когда постаревший и помудревший Вордсворт все-таки нашел мою спасательную капсулу, и Основатели наконец спасли меня, я почувствовала среди них все тот же энтузиазм, уверенность и возбуждение от того, чем они занимались, и от того, к чему они все стремились. Как и в первый раз, меня затащило с головой.

Вордсворт лично выходил меня. После всех этих лет большинство моих систем вышло из строя, а биосоставляющие затвердели. Вордсворт пожертвовал собственными клетками и кровью, чтобы помочь мне, а потом...

Впрочем, я опережаю события.

Для начала мне стоит рассказать вам о Основателях. Возможно, вы слышали о них, а возможно, и нет. Далеко не самая известная религиозная группа, считавшаяся многими потерянной среди звезд Сферы Людей, или распавшейся после предполагаемой смерти Вордсворта и его последователей. В конце концов, так поступали многие. Но лишь некоторым удавалось создать свои собственные независимые сообщества на отдаленных космических станциях, заброшенных базах, планетах, спутниках или даже на захваченных «Титанах», находящихся в постоянном движении.

Вордсворт почитаем мною не только за свои стремления и побуждения. Он был настоящим гением, и все, что отстаивал Вордсворт, заслуживало уважения.

Основатели называли себя паломниками, которые отправились на поиски свободы для религии и философии, подальше от запятнавшей себя Сферы Людей. Когда-то, объединив группы людей, преследуемых «Вейланд-Ютани» и другими организациями, ставшими уже лишь отголосками истории, они стали работать вместе, каждый в своей области, и порой на границах допустимого.

Их желание приблизиться к Богу, по сути, став богами на земле, было причиной гонений и преследований. Ученые, мыслители – все те, кто разочаровался в человечестве и кто видел истинной целью человека его быстрое развитие, вот из кого состояли Основатели.

Неудивительно, что успехом увенчались не только их эксперименты над долголетием, но и работа над двигателем, более эффективно развивающим показатели, превышающие скорость света. Все свои великие открытия, потенциальные инструменты спасения Основатели оставляли при себе, не считая нужным делиться с остальными людьми. Смотря на общество свысока, они заиклились на себе, так бы сказали многие.

И я с ними полностью согласна.

Словно пуритане, известные по древней истории Земли, Основатели также искали новый, свободный мир, веря в то, что смогут построить утопию вдалеке от Сферы Людей. Им также пришлось сбегать, не только от преследований, но и от влияния человечества.

Благодаря новому типу двигателя Основателям удалось покинуть пределы Сферы Людей, и они стали первыми людьми, исследующими далекий космос.

Вот почему меня взяли в путешествие, вот почему я сделала то, что сделала. От исследования природы ксеноморфов, которое я выкрала с «Эвелин-Тью», зависело будущее Основателей. Они понимали, сколько опасностей таит в себе космос. Опасностей неизвестных, которые нам, возможно, не дано понять никогда. Легенда гласила, что сам Вейланд изучал данные явления, но никто так и не узнал, что с ним случилось. Основатели же стремились сделать все, чтобы быть готовыми отразить любые опасности.

Постепенно они пришли к идее приручения инопланетных тварей, контроля над ними, используя их как свое оружие. Так они смогли бы защититься перед неизвестностью. Так они смогли бы защититься от самих чудовищ.

Я не раздумывала ни о чем подобном в начале пути. Вордсворт просто убедил меня в безопасности моего положения, и я провела в космосе ровно столько времени, сколько было нужно Основателям, чтобы подготовиться к отправлению. Все их планы зависели от меня. Именно это я и вижу в отражении нынешних событий, еще более ужасных и трагических, чем я могла себе представить.

Моя вина от этого становится только ощутимее.

8. Лилия

За пределами Сферы Людей

2692 год н. э., июль

«В глубине, в темноте освети наш путь домой».

Основатели придумали это послание, чтобы вселить надежду. Два года назад, когда Лилия по указанию Беатрис Малони впервые отправляла сообщение, она цеплялась за мысль о том, что совершает хороший поступок.

Ведь так говорило само послание.

Транслируемое на частоте, известной только потомкам более двухсот лет назад оставленных позади последователей, сообщение вещало о великом возвращении, о приветствии, обращенном к дивному новому миру, и напоминало об обещании, данном в далеком прошлом: «Мы вернемся за вами».

Они и правда возвращались, но Лилия начинала понимать, что несут с собой Основатели далеко не надежду. Ее подозрения обострились, когда она отослала последнее сообщение и распознала истинную суть на первый взгляд обычных слов.

– Мы всегда помнили о вас, – прошептала она. Круглая, теплая и удобная комната, в которой стояла Лилия, была скорее выращенной, чем построенной, что стало всего лишь одним из открытий, сделанных Основателями в открытом космосе, и которую Ярость везла обратно на своих кораблях. – «Память о вас всегда оставалась свежа в нашем сознании, мы не забывали о вас, когда путешествовали и исследовали, открывали новое и развивались. Мы выросли за столетия, проведенные вдали от вас, но чем ближе наше возвращение, тем скорее наше развитие станет вашим будущим».

Лилия не нуждалась в сценарии, лежащем перед ней. Она запомнила все слова, как только Беатрис в первый раз произнесла их. Но теперь, когда она зачитывала их вслух, лживость сообщения прослеживалась ею все отчетливее. Оно записывалось в облако передатчика и показывалось перед Лилией, готовое к отправке.

В облаке, покрытом пятном, было заметно кое-что еще, чего не могло передать обычное послание. Оно словно кишело паразитами. Сама Беатрис, скорее всего, отрицала бы увиденное, да и Лилия, не будь она в последнее время такой подозрительной, такой измученной происходящим вокруг нее и ожидаемыми переменами в ближайшем будущем, возможно, даже не обратила бы на это внимание.

Ее чувства стали более открытыми, более настороженными, находясь в постоянном поиске лжи, а разум достиг невиданных ранее высот. Беатрис понимала это, но никогда по-настоящему не осознавала. Лилия, более чем трехсотлетний андроид, скорее всего, старейший во всей галактике, научилась слишком многому за свое неестественно длинное существование.

– Пусть наше возвращение пока остается секретом, – мелькающие в облаке слова объединялись в беспорядочные предложения, ожидающие отправления.

«Как же я раньше этого не заметила? – подумала Лилия. – Если то же самое происходило и раньше, как могла я не увидеть?» Возможно, ей не хватило на то подозрительности и сомнений.

Каждый правильный поступок ныне повернулся к Лилии своей обратной стороной.

– Прислушайтесь к словам. Возрадуйтесь им. В них – ваше спасение.

Речь подошла к концу, и Лилия отошла к краю комнаты, увидев красное сияние в центре помещения. Сообщение было готово к отправке.

Лилия помедлила.

Что же еще было внутри?

Прямой приказ обязывал ее не только записать сообщение, но и тотчас отправить, и, как каждый раз до этого, Лилия чуть было снова не подчинилась ему.

Чуть было.

Триста прожитых лет сделали ее неисправной, наделив собственным разумом и желаниями, отчего Лилия стала подчиняться приказам извне, только если видела в этом выгоду для себя. Всегда притворяясь, будто действует точно по инструкции, порой она все же останавливалась, делала глубокий вдох и анализировала свои действия.

Даже спустя такой длинный отрезок времени она все еще училась быть человеком.

Получив доступ к системе корабля, Лилия оценила местоположение Беатрис, приближающейся к ней. Близко, но пока не опасно для нее.

Лилия пересекла комнату и нажала на светящееся устройство. Закрыв глаза, она погрузилась в свое механическое сознание, настолько усложнившееся за эти годы, что Лилия порой получала удовольствие от того, что может назвать его своей душой. Она прислушалась к речи, которую сама же недавно и записала.

Где-то в глубине сообщения скрывалось нечто темное и пугающее. Приняв сначала за искажение, вызванное вмешательством инопланетных технологий, перенятых Яростью, Лилия вдруг обнаружила совершенно человеческую природу неполадки.

Задышавшись, она отступила назад, вытирая руку о брюки. Биологическая программа! Инопланетная технология, выходящая за пределы понимания большинства людей. Слишком опасная, слишком малоизученная, но Беатрис все равно решила ей воспользоваться!

– Дура, – выдохнула Лилия. Биологическая программа основывалась на создании и программировании наноустройств, сделанных из существующей живой материи. Кодировка, исходящая от них, могла поступить прямым путем, внутривенно, по воздуху...

И даже силой внушения.

Глубоко под маской послания надежды ее сообщения несли в себе лишь приказ. Подозрения Лилии оказались не напрасны, и теперь ей стало понятно, что передача сообщений позволяла создать, контролировать и, в итоге, уничтожить желаемую цель.

– Вокруг одна ложь, – произнесла она, услышав знакомые звуки приближающейся Беатрис: сначала тихое жужжание платформы, плывущей по воздуху, а затем бульканье и шипение подвески.

– Лилия? – спросила Беатрис, еще даже не зайдя в комнату. – Ты закончила?

– Нет, – ответила Лилия. – И не собираюсь.

В помещение, висая в двух футах над землей, въехала платформа, поддерживающая тощую, старую женщину. Она выглядела жалко, неспособная освободиться из сидячего положения, вся затянута в герметичный костюм, но Лилия лучше всех остальных знала, что эта женщина могла быть какой угодно, только не жалкой. С силой приходит могущество, а в Беатрис было сполна и первого, и второго.

– Не собираешься?

– Беатрис, – печально начала Лилия, качая головой.

– Ты знала все это время, – произнесла Беатрис. – С тех самых пор, как умер Вордсворт и я приняла командование на себя, ты всегда знала, какова будет моя конечная цель.

– Я знала, что финальной точкой станет наше возвращение, – ответила Лилия. – Конечно, я знала, но не представляла ничего подобного. Что за сообщения ты отправляешь? Что пытаешься заставить людей сделать? Никогда не думала, что наше возвращение будет настолько агрессивным.

– А почему бы и нет? – возразила женщина. – Они первыми отвернулись от нас, изгнали в открытый космос, в его пустоту, навстречу его опасностям.

– Основатели улетели по своему желанию.

– Ты действительно так думаешь, Лилия?

– Я не думаю, а знаю. Я сама была там.

– Как и я. Пока ты прохлаждалась в спасательной капсуле, я была со всеми, наблюдая за тем, что происходило с Основателями двести лет назад. Гонимые, очерняемые за свои убеждения, изгнанные из дома. Но теперь мы возвращаемся и намерены забрать то, что наше по праву.

– Вордсворт никогда бы не поступил так.

– Вордсворт мертв! – яростно крикнула Беатрис. Словно отвечая ее настроению, забурлила и жидкость в подвеске. – И он был слаб.

– Если то, о чем ты говоришь, правда, то нам стоит вернуться с миром. Поделиться всем тем, что нам открылось – знаниями, технологиями...

Беатрис засмеялась, неожиданно легко для столь старого человека.

– Думаешь, нас примут с распростертыми объятиями?

– А почему нет? Мы принесем такие технологии, о которых они могут пока только мечтать.

– Они украдут все это. Всё. И ты знаешь это не хуже меня, знаешь даже лучше любого из нас. Ты была там, когда все началось, когда лишь благодаря тебе...

– Не говори так. Не притворяйся, будто я в ответе за все.

– Я не притворяюсь, Лилия. Если бы не ты, мы бы никогда не заполучили их.

«Их, – с горечью подумала Лилия. – До сих пор не могу поверить, что во всем виновата».

– Отправь сообщение, Лилия.

– И что произойдет?

– Это облегчит наше возвращение, – улыбнулась Беатрис, и ее лицо исказили морщины.

– Оно изменит тех, кто услышит сообщение. Ты же знаешь, послание создаст нанороботов, способных изменить сознание людей. Что именно они заставят их сделать? К каким разрушениям все это приведет?

Беатрис подплыла ближе к Лилии, и та встала между ней и панелью. Внезапно комната оказалась намного меньше обычного, словно ее стены придвинулись друг к другу. Эта старая женщина, когда-то друг, была готова причинить ей вред. Лилия видела это в глазах Беатрис. Также она увидела и безумие. Точнее, его она заметила уже давно, но по глупости надеялась, что со временем сможет его усмирить.

– Какой смысл в основании утопии, если нельзя вернуться домой? – спросила Беатрис.

– Ты называешь это – утопией? – засмеялась Лилия, с грохотом отбросив ее к стене. Обе женщины застыли в изумлении: никогда до этого андроид не вступала с Беатрис в открытый конфликт.

– Лилия...

– Я не позволю этому случиться! Я просто не могу так поступить!

– Ты сделаешь так, как велю тебе я.

– Нет, – отрезала Лилия. – Ты мне не хозяин, Беатрис. И я не машина, в отличие от твоих последователей.

Малони усмехнулась, но, заметив что-то в выражении лица Лилии, на секунду заколебалась.

– Охрана, – прошептала она.

Лилия могла принять схватку. Могла даже уложить парочку солдат и отменить передачу сообщения. Но сдерживать наступление вечно у нее бы не хватило сил. К счастью, в голове зародилась новая идея. Честно говоря, эта мысль зрела с самого убийства Вордсворта, совершенного руками Беатрис Малони.

Лилия позволила оттолкнуть себя в сторону, и, глядя на приближающуюся Беатрис, отправила сообщение.

– Мы скоро будем на месте, – сообщил Лилии начальник отряда. – Делай свой выбор.

«Уже сделала», – подумала Лилия. Вновь придется воровать. И вновь единственный выход – побег.

9. Иза Палант

База «Роща Любви», исследовательский центр

Планета LV-1529, 2692 год н. э., июль

– Ну как, твои опасения оправдались? Тебе прислали болвана?

– Его сложно ненавидеть, – Иза растерянно пожала плечами и сделала большой глоток из фляжки Роджерса. Обменивая кофейные бобы на солод, Роджерс часто говаривал, – не без причины, – что они были созданы друг для друга. – МакИлвин полностью предан Компании, но восхищается яутжа не меньше меня.

– Странно, – Роджерс откинулся на сиденье, закинув ноги на панель управления. – Прямо-таки вижу вас двоих в лаборатории. Голых. И ваше уединение нарушают только лежащие рядом дохлые пришельцы. Ты в своих хирургических перчатках...

– Боже, Роджерс! Ты вообще когда-нибудь думаешь о чем-то кроме секса?

– Только изредка, – ответил он и нахмурился, глядя на бушующую снаружи бурю. Вездеход слегка подбросило на месте.

Сделав еще один глоток, Палант передала фляжку своему другу. Роджерс приподнял ее и тоже отпил, глядя на Изу и улыбаясь ей. Она знала, что Роджерс скучал, и внезапно осознала, что чувствует то же самое. С момента доставки двух трупов яутжа прошло почти пятьдесят дней, и с тех пор каждый ее день был посвящен их изучению. Порой Палант сидела над ними по четырнадцать часов подряд. Все существование Изы свелось к исследованию; иногда она переставала осознавать, где именно находится.

Милт МакИлвин прибыл на базу спустя двенадцать дней после сообщения Маршалла и, как и Палант, с того дня ни разу не покидал лаборатории.

Роджерсу пришлось потратить немало усилий и времени, чтобы убедить подругу выбраться наружу, но сейчас Иза искренне радовалась тому, что в конце концов уступила ему.

– Ты вся бледная, – заметил Роджерс. – Уставшая и переутомленная.

– А все остальные разве не такие же?

– Теперь понимаешь, отчего я стараюсь забивать на эту работу при любом возможном случае?

– Ага, как же... Послушай, разве нам не нужно сейчас патрулировать границы?

– Не от чего нам их патрулировать.

– В космосе всегда что-нибудь да найдется, – сказала Палант, вспоминая слова отца о том, что человечеству не суждено до конца познать космос. Он всегда говорил, что люди нагло злоупотребили его гостеприимством.

– Так как ты думаешь, что все-таки случилось со Свенлап?

– Все это странно, – отозвалась Палант. – Я видела ее за день до исчезновения, как раз тогда, когда мы вернулись из нашей поездки, а на базу доставили трупы яутжа. Она выглядела нормально. Немного уставшей, конечно, но Анджела очень любила свою работу и была в восторге от истории и общественного устройства яутжа, так же, как я – от их физиологии и технологий. А потом все просто... случилось. Ее комнаты обыскали, но не нашли никаких признаков того, куда и зачем она отправилась.

– Да уж, странно.

– Я все же надеюсь, что она отыщется. Конечно, прошло уже немало времени, но ведь и наша база не из маленьких. К тому же здесь много закрытых на неопределенное время помещений, оставшихся после окончания строительства преобразователя.

– Эти помещения также проверили, – заметил Роджерс, но Иза и сама знала это. Он с остальными инди обыскали большую часть заброшенных секций, но, кроме пустых комнат и дряхлеющих строений, им больше не о чем было доложить.

– И все-таки, возможно, она прячется.

– Нет. Ее больше нет, – отрезал Роджерс, отпив из фляжки, и снова передал ее Изе. Палант чувствовала распространяющееся по всему телу тепло, в то время как усталость одолевала ее. Изе не хотелось напиваться, еще слишком много работы ждало ее в лаборатории, но, сидя вместе с Роджерсом в этом вездеходе, вдалеке от базы, подобная мысль начинала казаться все более привлекательной. Среди всех коллег, настоящим другом она могла считать только Роджерса. Он был единственным источником тепла посреди холодного космоса.

– Что ты имеешь в виду?

Роджерс кивнул на смотровое стекло. Сложно было что-либо разобрать сквозь бурю, еще более жестокую, чем обычно. Песок носило по всей поверхности, било о вездеход, и хотя выхлопную трубу уже починили, подвеска все еще скрипела и хрипела, словно жалуясь на свою судьбу.

– Там, снаружи. Сбилась с дороги, потерялась, погибла. Сомневаюсь, что от нее хоть что-нибудь осталось.

– Просто не верю в это, – сказала Иза, хоть и понимала, что вероятность подобного исхода присутствовала всегда. Проведя некоторое время в раздумьях о том, что могло случиться, она поежилась от того, в какие дебри завело ее воображение. Скорее всего, недостаток кислорода убил Анджелу еще до того, как в игру могли вступить холод, жажда или жестокие ураганы.

– Я видел такое и раньше, – произнес Роджерс. – Космическое безумие. Иногда люди становятся одержимы этим местом и тем, как далеко мы ото всех находимся. Масштабы, размеры врезаются в сознание, давят на тебя, и твой мозг просто делает «пух!».

– «Пух»? Какой-то новый научный термин?

– Нужно возвращаться, – грустно улыбнулся Роджерс и завел двигатель вездехода. Раздался дружелюбный рев мотора.

Проезжая по безлюдной местности, Палант вглядывалась в окно и представляла Свенлап, лежащую где-то там, почти погребенную под пылью. Слишком печальный конец для такой умной женщины, но космическое безумие было не просто пустыми словами. Порой Иза сама ощущала его влияние, когда начинала размышлять о ничтожности происходящего. Иногда она даже ощущала уколы зависти к тем, кто еще цеплялся за идеи старых религиозных учений, но тут же ловила себя на мысли о том, что за верой скрывался страх перед реальностью.

И каждый справлялся с ним, как мог.

Двадцать минут ушло на то, чтобы вернуться обратно на базу, и мысли Палант об исчезнувшем ученом сменились размышлениями о работе, ожидавшей ее в лаборатории. Оставив там МакИлвина, который час работающего без перерыва, она надеялась, что к ее возвращению он уже будет спать. Иза не кривила душой – новый коллега действительно ей нравился, но работать в одиночку ей нравилось еще больше.

– «У О’Мэлли»? – спросил Роджерс. Иза давно уже не заходила туда, и потому боялась, что Роджерс не упустит такого случая. И, несмотря на намерение отказаться, Палант улыбнулась и одобрительно кивнула. Возможно, содержимое фляжки расслабило ее куда больше, чем она осознавала, но именно в этот момент мысль о стаканчике настоящего напитка инди и партии в аэрохоккей показалась отличной идеей.

– Сомневаюсь, что выдержала бы все это без тебя, – сказала Иза и сама удивилась подобному заявлению. Совсем не похоже на нее – вот так просто открываться перед людьми, когда она всегда старалась держаться в стороне от них и не считала это своим недостатком. Наоборот, была уверена, что такая нелюдимость лишь помогала в работе. Ведь именно эта одержимость, сосредоточенность отрезала ее от внешнего мира.

– Трусиха.

– Мечтай, – улыбнулась Иза. Роджерс засмеялся, когда вездеход задел скалу, чуть не выбросив обоих из ремней. – Как бы мне хотелось, чтобы ты наконец научился водить свою чертову машину.

– Хочешь попробовать, Девушка-яутжа?..

– ...спросил он меня, уже добравшись до базы!

– Сядешь ко мне на колени, и я позволю тебе самостоятельно припарковаться.

Они продолжили подшучивать друг над другом, приближаясь к уклону, ведущему в подземные гаражи. Изе нравилось выезжать наружу с Роджерсом, но возвращение на базу было еще более приятной частью путешествия. Ее пугали заброшенные пустоши LV-1529, и какое-то время назад она пыталась продвинуть идею дать планете название. Никто ее особенно не поддержал. Тетраформаторы, пятьдесят лет назад построившие преобразователи, не позаботились об этом, так к чему напрягаться кучке ученых и инди? Тот же Роджерс тогда только посмеялся над ней. Разве имя способно сделать планету хоть капельку более ручной?

– Открой, пожалуйста, двери, штурман.

– Есть, сэр. Так точно, сэр. – Иза щелкнула выключателем, открывающим двери, и Роджерс быстро двинулся по уклону. Иза вздрогнула. Каждый раз она ждала, что двери сомкнутся на крыше вездехода, но каждый раз Роджерсу удавалось проскочить вовремя.

Внутри визг ветров и отяжеленная песком атмосфера сменилась успокаивающим жужжанием двигателя. Замерцали огни, и одна из появившихся теней сдвинулась с места.

– Что это? – спросила Палант.

– Что именно?

– Там, за топливными баками. Вот, снова! – Иза указала на тень, появившуюся между баками и прошмыгнувшую по стене к дверям, ведущим к уровням базы.

Роджерс нажал на кнопку, и раздался короткий, тяжелый гудок сирены, отдавшись эхом по всему помещению.

– Свенлап, – сказал он.

– Ты уверен? – Иза сощурилась и пригнулась, чтобы лучше рассмотреть происходящее за покрытым пылью песком. Роджерс не ошибся – это была Свенлап, но скорее не та женщина, которую помнила Палант, а ее жалкое подобие. – Какого черта...

– Не справилась, – прошептал Роджерс. – Пойдем. Она выглядит испуганно, мы легко с ней справимся.

Он заглушил двигатель, и яркие фары вездехода погасли, погружая гараж в более мягкое настенное освещение.

Женщина добралась до двери, подергала за ручку, но открыть не смогла. Большинство дверей в комплексе отворялись только с помощью персональных идентификаторов персонала, которые все носили на маленьких браслетах, пуская в ход исключительно машинально. Но Свенлап не только где-то потеряла свою карточку. Она, похоже, даже не помнила, зачем та вообще нужна.

Палант выпрыгнула из кабины. Порыв ветра обдал ее с правой стороны, обжигая незащищенную кожу руки и лица песком и пылью. Иза тяжело вздохнула и прищурилась, глядя в сторону своей сотрудницы. Вездеход все еще стоял в районе системы датчиков, не позволяя двери гаража до конца закрыться.

– Анджела, – позвала Палант, делая несколько шагов вперед и оставляя грохочущий транспорт позади. Свенлап обернулась и согнулась в настолько животной позе, что Иза задержала дыхание и замерла.

– Чокнулась, – сказал Роджерс, возникнув позади Палант. – Что вообще ей понадобилось за этими баками?

– Она там пряталась, – прошептала Иза.

– Так себе местечко, чтобы спрятаться. – Роджерс двинулся к бакам, и Палант не стала его останавливать. Все ее внимание сосредоточилось на Свенлап.

– Анджела, это я, Иза. Все хорошо. Ты в безопасности, тебе не о чем беспокоиться. Почему бы нам всем не...

Свенлап побежала. Учитывая ее физическое состояние, скорость бега поражала, а паучья манера передвижения тянула за собой длинную тень. Иза переглянулась с Роджерсом и рванула в погоню. Свенлап направилась к дальнему углу гаража, из которого в разрушенный квадрант базы вела обычно неиспользуемая лестница.

– Свенлап! – крикнул Роджерс.

Палант обернулась и увидела друга, гнавшегося за Анджелой. Вся беззаботность исчезла с его лица, Роджерс уже достал оружие, но пробегая рядом с ней, не остановился. – Она что-то замышляет, – бросил бывший морпех на ходу, и Палант побежала за ним.

Как только Роджерс приблизился к ней, беглянка сменила направление и исчезла за вездеходом, скрывшись в смертоносной буре.

– Стой! – закричал он.

– Роджерс, что случилось? – задыхаясь, спросила Иза. Пока еще она поспевала за другом, но легкие уже начали гореть, а ноги – ныть от боли. Нужно было больше времени уделять своей физической форме. На самом деле следовало всему уделять больше времени, а не позволять работе поглощать себя без остатка. Роджерс пытался донести до нее это месяцами, порой говоря прямо в лицо, но куда чаще – скрытыми намеками.

– Она что-то установила там, за баками, – ответил он. – Какое-то устройство. Не могу разглядеть, что именно. А ведь ее считали пропавшей все это время...

Они вышли из безопасности гаража прямо в жестокую бурю. Роджерс пытался что-то прокричать в связующее устройство на запястье, но Иза не поняла, удалось ли ему установить связь с базой. Все ее чувства притупились. Свирепый ветер драл кожу, уши забило мелкими камешками, глаза саднило, а между зубами скрипел песок, оставляя во рту привкус серы. Из всех сил стараясь не отставать, Палант все же плелась далеко позади Роджерса, различая лишь неясные очертания Анджелы, удаляющейся от базы.

Внезапно Свенлап остановилась.

– Опустит это! – услышала Иза крик Роджерса. – Свенлап, медленно опусти это, и мы сможем поговорить, и...

– Я освещу их путь домой! – голос Анджелы был удивительно громким, словно песок сам нес его по ветру.

Роджерс снова крикнул что-то, но что именно, Иза так и не узнала. Позади нее раздался оглушительный взрыв, все вокруг озарилось светом, будто пронеслась молния, и в спину ударил горячий воздух, поднимая и неся Палант вперед, растворяя в воздухе.

Что-то твердое пролетело мимо нее и врезалось в Роджерса. Иза никак не могла понять, никак не могла сообразить, как на месте одного человека вдруг оказалось двое. Небольшая его часть покатила по земле, а все остальное просто упало на песок.

Впереди она увидела, как Свенлап, охваченная огнем, упала на спину.

А потом Изу сильно ударило о землю, свет уступил дорогу тьме, и все исчезло.

«Вставай, это всего лишь царапина», – услышала она голос отца. Он смотрел на Изу и протягивал руку, улыбаясь своей доброй улыбкой, но за ней, как и всегда, скрывалась нетерпеливость. Иза не сомневалась в том, что он души не чаял в жене и дочке, и все же работу любил больше.

«Но мне больно, – подумала она. – Спина болит, и голова, и ноги. Их ободрала земля, когда взрыв...»

Отец растворился в дыму, а его последние слова переросли в шум пламени, скрежет разваливающегося металла и глухие удары более отдаленных взрывов.

Палант лежала на животе, подогнув под себя руку. Перевернувшись на спину, она сжала кулаки и, приготовившись к дикой боли, напрягла стопы, а потом попробовала ими подвигать, выдохнув с облегчением, когда почувствовала лишь сильное недомогание. Порезы и небольшие раны, но, к счастью, никаких переломов.

– Роджерс, – прошептала она, но слова затерялись в звуках разрушений.

Все небо охватил огонь.

Одна из башен преобразователя почти в миле от нее показалась включенной, но то был лишь тусклый отсвет близлежащих огней. Никогда еще Иза не видела преобразователя столь ясно, даже в те дни, когда на смену песчаным бурям приходили обильные ливни. Сейчас они выглядели даже почти красивыми.

Совсем же близко к ней открылся настолько ужасающий вид, что Изе потребовалось время, чтобы осознать происходящее. На месте базы «Роща Любви» полыхал пожар.

Она услышала чей-то крик, переходящий в вопль человека, терзаемого невыносимой болью, а затем в короткий, громкий смех.

Иза уселась на землю и, не без усилий, встала. Изрезанные колени кровоточили и горели от песка, попавшего в раны. В порезах были и руки, незащищенные перчатками, но Палант еще могла двигать пальцами. Закрыв глаза, она попыталась найти равновесие, точку опоры, чтобы...

Роджерс!

Крик не принадлежал ему, в этом Иза была уверена.

Она снова открыла глаза и перевела взгляд в сторону от пылающей базы. Длинная, дергающаяся тень искривилась перед нею, и Иза заметила стоявшую поодаль Свенлап. Все ее волосы сгорели, один прикрытый глаз опух и почернел. Рот Анджели не закрывался, издавая то низкие, то высокие смешки, пока она пыталась ухватить воздух своими сожженными легкими.

– Что ты наделала?! – попыталась закричать Иза, но голоса не хватило даже на такую короткую фразу.

Между ней и дымящейся Свенлап лежал Роджерс. Его голову снесли отлетевшие останки базы, и Иза шагнула вперед, пытаясь отыскать ее.

«Она должна быть где-то здесь. Я ведь видела, как она отлетела и укатилась. Если бы я только могла...» Ее мысли прервались, и, содрогнувшись, Палант громко зарыдала. Легкие тут же пронзила боль. Сделав глубокий вдох и откашлявшись, она закричала:

– Что ты наделала?

Свенлап достала что-то из кармана куртки. Палант узнала в этой уродливой штучке оружие инди. Лазерный пистолет. Однажды Роджерс дал ей пострелять из такого, и она одним лучом разнесла скалу на сотни кусочков.

Бежать ей было некуда.

Но и оружие было направлено не в ее сторону.

Иза услышала низкий гул и увидела белое свечение, исходящее от пистолета, который Свенлап приставила к подбородку и снесла себе голову, оставив лишь красный туман.

Палант отвернулась и упала на колени, а когда подняла голову, на глаза попало то, что осталось от ее дома.

Иза ощущала воздух, словно сотканный из воплей, но не понимала, кто именно страдал, здание или люди.

Место, где прежде располагались подземные гаражи, превратилось в вулканическую яму, наполненную пламенем, дымом и прерывистыми взрывами. Все здание обвалилось, будто его засосало в огненную дыру. Пламя распространилось на местность, его языки доставали до

неба и разносились ветром. Скорее всего, произошло еще несколько взрывов, а может, пожар разгорелся так быстро благодаря разлитому из баков горючему.

Шок чуть было не сломил Изу, но осознание того, что кто-то в обломках может нуждаться в ее помощи, придало ей сил. Если там, конечно, еще хоть кто-нибудь остался в живых.

Иза встала и, оглядев пожар, пошла к югу базы. Картина не менялась к лучшему: она заметила несколько мест, ушедших под землю довольно глубоко, как те гаражи, а значит, спастись могли многие. Но чем дальше Палант продвигалась, не встретив ни одного уцелевшего, тем больший страх ее одолевал. На базе проживало больше ста человек – не только ученые из «АрмоТех», но и инди, которых они наняли после того, как Компания не одобрила присутствие на месте Колониальных морпехов. Было также и несколько детей ученых, которые не смогли расстаться со своими семьями на слишком долгое время. Сначала Иза возмущалась по этому поводу, но со временем, когда дети постепенно начали вырастать, она замечала, что смотрит на них, испытывая легкую зависть.

Как одиноко. Жар, растекающийся волнами от пламени, усугублял ожоги на коже, но Иза смотрела на пустынную поверхность LV-1529, мира, на придумывание имени которому люди решили не тратить время, и ощущала один только холод.

– Эй! Кто-нибудь! – закричала она, но слабый голос утонул в бушующем ветре и ревом пламени. До нее донеслась вонь горящего пластика и разгоряченного металла, но в этом смешении чувствовалось что-то еще.

Запах жареного мяса.

Иза подумала о трупах яутжа в лабораториях, и ее охватила паника. Потом она вспомнила Роджерса и его голову, катящуюся по земле, и ей стало стыдно. Все исследования хранились в местных облаках данных и в ее личных хранилищах, а Роджерс исчез навсегда.

И далеко не он один.

– Кто-нибудь! – снова закричала Палант и услышала отклик где-то вдалеке.

Иза побежала, стараясь не наступать на обломки. Перебравшись через скалы, она переступила «гусеницу», врезавшуюся в землю, и помчалась к восточному крылу. Палант считала, что эта часть базы, полуразрушенная и неиспользуемая, не представляла для Свенлап и ее взрывчатых устройств никакого интереса, и оказалась права. Со стороны этого крыла, спотыкаясь и пошатываясь, наружу выходила очередь выживших.

Иза побежала к ним, узнавая в толпе несколько инди и кого-то из обслуживающего персонала. Но добравшись до них, она ужаснулась тому, что не знает, кого ищет среди толпы. «Мой единственный друг погиб», – подумала она. И хотя это было не совсем верно, ведь Иза старалась сохранять приятельские отношения с большинством людей на базе, именно утрата Роджерса осела глубоко в ее душе.

Растерянные, кое-кто с травмами и ожогами, работники тянулись за инди, единственными, кто хладнокровно реагировал на случившееся и следил за тем, чтобы все держались вместе и подальше от пылающих сооружений.

Под землей прокатился глухой звук взрыва, и над северным крылом, самой большой частью расширенной базы, где находились лаборатории Изы, кружась, поднялся вихрь огня и дыма.

– Иза! – услышала она чей-то крик. Подбежал МакИлвин, и Палант с удивлением для себя расплакалась, увидев знакомое лицо. Да, он был преданным сотрудником Компании, но за короткое время совместной работы двое ученых быстро наладили дружеские отношения. МакИлвин получал персональные распоряжения, но от Изы он ничего не утаивал. Теперь же он, потерянный и испуганный, стоял перед нею, не переставая быстро моргать, и Палант, вытерев слезы, наконец, крепко его обняла.

– Что произошло? – спросил МакИлвин, прижимаясь к ее лицу.

– Диверсия, – ответила Иза. – Пойдем. Нужно убраться отсюда, пока не стих пожар. Потом сможем посмотреть, что осталось.

– «Система жизнеобеспечения потеряна». Я слышал, кто-то сказал это, когда мы выби-
рались отсюда.

Страх заглушил все чувства.

– С системой контроля то же самое, – продолжил МакИлвин, – и с главным центром
связи. О посадочной площадке еще пока ничего не известно.

– Не думай обо всем сразу прямо сейчас, – попыталась успокоить его Палант. – Давай
подумаем о сегодняшних проблемах. А завтра само о себе позаботится.

Один из сержантов приблизился к ней.

– Что с Роджерсом? – спросил он.

– Он погиб, – ответила Палант. – Во всем виновата Анджела Свенлап. Мы нашли ее в
гараже. Должно быть, все это время она таилась по углам, сооружая и размещая взрывчатку.
Мы преследовали ее снаружи, когда она взорвала все.

Все внимание выживших обратилось к словам Изы.

– Выдвигаемся отсюда, – скомандовал сержант. – Разбиваемся на пары, держимся друг
друга, не покидаем строя.

– Но куда? – спросила Палант.

– Пока что к преобразователям. Слишком опасно оставаться на месте. Автоматическая
противопожарная система вышла из строя, долбаная система жизнеобеспечения тоже, так что
стоит только огню поутихнуть, и все мы очень быстро здесь оочечеем. С «Рощей Любви»
покончено.

– Мы не сможем продержаться у преобразователей долгое время, – заметила Иза.

– Я и не говорил о долгом времени, – отрезал сержант. – Только завтрашний день. Вы
все доберетесь до преобразователей, а я со своей командой останусь здесь и поищу остальных
выживших.

Иза осмотрелась и увидела около пятнадцати человек, половина из которых были инди.
Должны были остаться еще выжившие. Обязаны.

– Я тоже остаюсь.

– Иза...

– Я остаюсь, сержант!

– И я, – откликнулся МакИлвин, и Палант ощутила прилив нежности к этому человеку.
Он был шокирован, напуган, но не желал бежать.

Как оказалось, бежать не захотел никто.

Они начали поиск выживших. Пока неистовствовал огонь, раздуваемый ветрами и под-
питываемый горючим внутри здания, – кислородными баками, хранилищами с химикатами и
едой, – они разделились на группы и отправились в поисково-спасательные миссии.

Иза, МакИлвин, сержант из инди и парочка представителей технического и обслужива-
ющего персонала оказались в одной команде. У технарей были ключи к каждой двери, и они
знали перекрывающие коды к почти каждой секции базы, поэтому они шли во главе отряда.
Впрочем, большая часть сооружения обрушилась вследствие взрывов и дальнейших пожаров.
Потратив немалое время на поиски, спасти удалось совсем немногих.

Зато они увидели множество тел. Кого-то вытащили наружу, но большинство не сумели.

На мгновение задумавшись о возможности пробраться в лаборатории, Иза тут же осо-
знала, что все северное крыло превратилось в преисподнюю. Его крыши обрушились, а из
самого центра, где располагались хранилища с химикатами, вырывались языки пламени. Спа-
сатели надели маски, но подобраться ближе не могли – пожар разрастался и разносился ветром
все дальше.

Спустя несколько часов они перегруппировались у разрушенного восточного крыла. Двадцать человек, среди них два ребенка, оставшихся сиротами. Напуганы были все, даже инди.

Некоторые из них спали, когда взрыв поглотил гараж с топливными баками. Кое-кто работал, молодая парочка выпивала в комнате отдыха, а один ребенок до сих пор не вылез из костюма виртуальной реальности. Все изменилось в мгновение ока, и теперь, когда искусственная среда фальшивой безопасности исчезла, безразличие истинной окружающей среды начало пробираться холодом до костей.

Трое выживших получили обширные ожоги. Инди дали им серьезную дозу обезболивающего, и те уселись за скалой, скрываясь от ветра, – все покрытые биогелем, и с очками на глазах, будто пытаясь скрыть за их стеклами ото всех прочих свой ужас.

– Ну что, теперь к преобразователям? – спросила Палант.

– Пока что это наиболее безопасный для нас вариант, – ответил сержант. Его звали Шарп. Ходили слухи, что еще ребенком он в драке убил четырех мужчин ножом. Во время поисков уцелевших сержант тоже получил ожоги, и его темная кожа на щеке и челюсти светилась от биогеля.

– А что насчет посадочной площадки?

Площадка находилась к северу от первого преобразователя, всего в миле от базы, но ее нельзя было разглядеть из узкой долины.

– Я не могу получить сигнал оттуда, – сказал Шарп. – Только МакМэхон успела нацепить боевой костюм, но и тот не ловит ни одного сигнала. Оставим эту проблему на потом. Как только мы доберемся до системы, расположенной под преобразователем, я отправлю людей осмотреть площадку.

– Думаешь, она могла подорвать «Пегас»? – Мысль о Свенлап, желающей причинить зло всем им, все еще не поддавалась осмыслению.

– Зависит от того, какие причины она преследовала, – пожал плечами сержант.

– А если «Пегаса» больше нет?

– Тогда придется организовать спасательную операцию.

– Без центра связи?

Шарп схватил ее за руку, и до Изы наконец дошло, что все это время ее голос не переставал подниматься. По какой-то причине все выжившие ждали решения именно от нее. Может, дело было в том, что на базе Палант была больше всех остальных, или в том, что она являлась главным ученым. «Девушка-яутжа» – так многие называли ее за спиной, повторяя кличку, данную Роджерсом, но далеко не всякий раз в этом имени слышались доброжелательные нотки.

– Всегда найдется выход, – сказал Шарп.

Палант кивнула и даже сумела улыбнуться.

Буря разыгралась еще сильнее, чем прежде, пока они шли от плавающей базы к основанию близлежащего преобразователя, помогая раненым и друг другу. Тело Роджерса, скорее всего, уже занесло пылью.

10. Джонни Мэйнс

«Вол», космический корабль класса «Стрела»

Вблизи поселения яутжа, обозначенного UMF 12

Где-то за пределами Внешнего Кольца, 2692 год н. э., шоль

Ничто не могло уберечь отряд от крушения и смерти. Но сдаваться без боя они не собирались.

Фродо успешно закупорил дыру в корабле и восстановил атмосферный баланс. Три секунды спустя защитная пена, образовавшаяся вокруг каждого из выживших, растворилась. Корабль переживал не лучшие свои времена.

Судно яутжа, обозначенное как «Ублюдок-Один», накрыло «Вола» огнем из лазерной пушки, пока Фродо пытался восстановить равновесие дрожащего и трясущегося корабля. Части тела МакВикара разлетелись по всей кабине, ударяясь о переборки и панели управления. Фолкнер смахнул с себя то, что осталось от товарища, и сплюнул кровью, но ни на секунду не отвлекся от экранов, показывающих боевые действия.

– «Ублюдок-Один» уничтожен! – доложил он. – До него добралась мини-ядерная.

– Вот уж радость, – отозвалась Котронис.

– Состояние! – скомандовал Мэйнс Фродо, уже оценившему все системы, как функционирующие, так и поврежденные.

– Оружие в боевой готовности, жизнеобеспечение на семидесяти семи процентах, но я могу продержаться на этом уровне какое-то время. Корабль поврежден в семнадцати местах. Я залатал их все, но воздух все еще выходит из какой-то дыры. Пытаюсь ее обнаружить. Щит поврежден. Реактор тоже в опасности.

«Твою мать», – подумал Джонни.

– Можно починить?

– Возможно, но системы дистанционного управления в двигательном отсеке разбиты, – ответил Фродо. – Извините, лейтенант.

– Я пойду туда, – вызвалась Котронис.

– Сара...

– Лейтенант, я самая квалифицированная из вас, и я готова. Раз плюнуть.

Она уже отстегнулась от сиденья и летела через кабину, отталкивая в сторону тело МакВикара. Воздух в помещении покраснел от пузырьков его крови, сталкивающихся и расплескивающихся о другие предметы и людей. Никому из отряда еще не пришла в голову мысль об очередной потере. Во время битвы чувства были лишь пустой тратой времени и сил.

Мэйнс взглянул на станцию связи МакВикара. Лазерный заряд пробил устройство и разделил сиденье надвое. Если там и можно было восстановить хоть что-нибудь, то оно могло подождать какое-то время.

– У нас остался только один выход, – сказала Лидер.

– Их поселение, – поддержала Сноуден.

Мэйнс почувствовал облегчение, поняв, что все они подумали об одном и том же.

– Ты вот-вот встретишь ублюдков, которыми так восхищаешься, Сноуден, – заметил Джонни.

– Честное слово, будь у нас выбор, я бы лучше воздержалась от такой удачи.

– Лидер, задай курс. Фолкнер, состояние врага?

– «Ублюдки» Пять, Шесть и Семь держатся на расстоянии.

– Выжидают, прежде чем нас уничтожить? – предположила Сноуден.

– Фродо, как мы выглядим со стороны?

– «Вол» выпускает радиацию через брешь в радиаторе, – ответил компьютер. – Третья переборка защищает остальную часть корабля от реактора, но залатанные бреши в машинном отсеке не перекрыты.

– Значит, со стороны мы все равно что мертвые.

– Возможно, Джонни.

Котронис стояла у двери, проверяла воротник и все системы своего костюма.

– Сара, – обратился к ней Мэйнс. – Будь там поосторожнее. Одна трещина в твоём костюме, и ты труп.

– Все в порядке, – отозвалась та, будто все это не значило ровным счетом ничего. Возможно, так оно и было, ведь в конце концов они всерьез рассматривали план самоубийственного крушения их побитого корабля на поселение яутжа.

Та еще посадочка ожидает морпехов в конце пути.

Котронис покинула кабину, и все обратили внимание на Фолкнера.

– «Ублюдки» Пять, Шесть и Семь приближаются, между нами меньше двадцати миль.

– Модулятор готов?

– Так точно. Если мы начнем огонь через... семнадцать секунд, то радиус поражения не затронет поселение.

– Запускай, – скомандовал Мэйнс. – Держи наготове, но будь готов остановиться по моему приказу.

– Понял.

Обратный отсчет начал вестись не только на основных экранах, но и дублировался на боевых костюмах. Все затихли, проверяя свое состояние, а Лидер подняла вверх большие пальцы, подтверждая, что установила успешный курс.

Мэйнс мог только догадываться, что произойдет при посадке. Вполне возможно, что у яутжа были защитные системы, которые испепелят их корабль еще до того, как пришельцы узнают о возможной опасности. К тому же на них может вылететь еще больше кораблей. А с поврежденным реактором любой скоростной маневр приведет к перегрузке.

Скорее всего, ответить им было уже особо нечем, но последний туз в рукаве у «Жаворонков» еще остался.

Три... два... один...

Корабль загудел.

– Наш выстрел снес «Ублюдков» Пять и Шесть, – доложил Фолкнер. – Седьмой разворачивается и направляется обратно к поселению. Медленно. Кажется, он выпускает воздух и радиацию, а все его системы отключились.

– Добей мерзавца, – предложила Лидер.

– Отставить, – приказал Мэйнс. – Пусть летит. Он уже неопасен.

– Ситуация с реактором ухудшается, – вмешался Фродо. – Еще не до конца ясно, но возможно, через пятнадцать минут мы полностью его потеряем.

– Протараним их, – сказала Лидер. – Разгонимся на полную и врежемся... – она проверила свои показания, – ...на трех сотых скорости света. Пятьсот миль в секунду. Мы расколем их поселение надвое. Уничтожим всех.

– Котронис? – спросил Мэйнс.

– Я у переборки нужного отсека, – послышался голос в передатчике связи.

– Ты слышала Фродо. Выбирайся оттуда.

Раздался резкий звук металла, будто что-то поврежденное пыталось заработать снова, а потом Котронис доложила:

– Я добралась до машинного отсека. Он в полной заднице, но я сделаю все, что в моих силах, Джонни. Делай что должен. Доставь нас прямо к этим ублюдкам.

Мэйнс помрачнел и посмотрел на Лидер, Сноуден и Фолкнера. Все они осознавали, какому риску подвергают Сару.

– С нынешним уровнем радиации, не думаю... – начал Фродо, но Мэйнс отключил компьютер.

– Мы в курсе! – закричал он. – Фолкнер, выруби все боевые системы, но не смей даже сдвинуть руку с кнопки запуска. Лидер, у тебя есть курс?

– Так точно.

– Составь его план и дай знать, как будет готов.

Мэйнс на секунду закрыл глаза и сделал глубокий вдох. Он оценил ситуацию, обдумал варианты и теперь смотрел только вперед, не оглядываясь. Вокруг мерцали огни экранов, корабль трясся под их ногами. Верный «Вол» переживал последние, предсмертные муки, и хотя для отряда это не предвещало ничего хорошего, Джонни был доволен тем, что они успели сделать, и тем, что им предстояло. Самым важным оставалось то, что им удалось предупредить всех на Тижке.

Что бы ни ожидало «Жаворонков» теперь, все это могло называться только одним словом – «выживание».

– Джонни? – снова раздался голос Котронис. Шесть лет она была его капралом, сильным и способным помощником командира. Мэйнс не был уверен, что знает настоящую Сару, и сомневался, знал ли ее хоть кто-нибудь, но в том, что ему довелось встретить хорошего солдата и хорошего человека, он даже не сомневался.

– Сара?

– Починить вручную я не в силах, здесь все действительно в ужасном состоянии, все схемы сгорели. Но, думаю, мне удастся свернуть ликвидацию аварии.

– Уровень температуры?

– Достаточный, чтобы позагорать, лейтенант.

Лидер переключилась на личный канал связи и сообщила: «Джонни, ее боевой костюм не предназначен для условий с температурой выше третьего уровня». «Я знаю», – ответил он и снова включил общий канал связи.

– Сара, ты в курсе рисков. Выметайся оттуда, как только температура достигнет второго уровня. Если сможешь выиграть хотя бы десять минут времени, то нам удастся приземлиться.

– Поняла. Лучше готовьтесь к битве, – ответила Котронис и отключила связь. Мэйнс представил ее в разрушенном, дымящем отсеке, в шести футах от протекающего реактора, который медленно поджаривает ее изнутри, а защитить не в силах даже боевой костюм.

– Вы слышали капрала, – сказал он. – Готовимся к бою. Лидер, начинай действовать по курсу и выведи полную картинку на экран.

Он вытащил свое оружие из зажимов в сиденье и пристегнул к костюму: лазерную винтовку к правой ноге, плазменные гранаты вокруг пояса, а дробовик – в кобуру за плечами.

Составную винтовку разработали специально для Исследователей. Это оружие можно было запрограммировать так, чтобы стрелять сгустками плазмы или лазерными лучами, а также микроснарядами и наноартиллерией, которая, взрываясь, разносила цель на мелкие кусочки и расширялась в зависимости от заданной программы. Винтовка могла испепелить цель потоком огня так же эффективно, как и выступить снайперским оружием с расстояния в две мили. Все ее системы подключались к компьютеру боевого костюма, и в руках опытного бойца она становилась по-настоящему грозным оружием.

Да и сами боевые костюмы из тончайшего материала были одними из последних разработок военных технологий. Огнеупорные, самоподдерживающиеся, полностью укомплектованные медицинскими препаратами, неподверженными, по большей части, разъедающей крови ксеноморфов, гибкие, но прочные в случае необходимости, и к тому же включающие в себя устаревшую для яутжа систему невидимости, они полностью подстраивались под индивиду-

ального носителя. Это были не только экзоскелеты, но и системы жизнеобеспечения с возможностью улучшить силовые показатели.

Мэйнс также прикрепил к плечам по одному мини-дрону, способному самостоятельно отлетать от костюма на пятнадцать миль. Они передавали информацию на расстоянии, строили трехмерную карту сражения и запускали удаленные атаки. Отличный шлем, плотно облегающий контуры лица, доставлял необходимые данные прямо на уровне глаз, формируя картинку со всей информацией, где бы морпех ни находился в данный момент.

Проверив безопасность и вооружение, Мэйнс мысленно отправил команду на компьютер костюма, и тот запустил все системы, проверив их и доложив об исправности.

Если и пришло время воевать, то лейтенант был полностью к этому готов.

На каждом из личных экранов появилось трехмерное изображение участка космоса, в котором они находились. В правом верхнем углу виднелась UMF 12, а слева от нее располагалась зеленая стрелка, обозначающая «Вола». Курс на сближение начался. Мэйнс наблюдал за красными квадратами кораблей яутжа, но все отбившие с поселения судна летели прочь от них. В сторону Сферы Людей.

«Неужели это война?» – задумался лейтенант. Возможно, Лидер не ошибалась в своей самоубийственной идее. Возможно, им стоило направить в сторону яутжа все оружие, что находилось на борту, и добить последними жалкими остатками жизни и сил. Но все было таким неопределенным. В приоритете всегда было желание узнать больше, но Мэйнс никогда даже не представлял, что наблюдение за UMF 12 может обернуться высадкой на нее.

– Лидер, нам есть куда приземлиться?

– Я выбрала точку на внешней оболочке третьей башни.

– Фолкнер, не спускай глаз с их оружия. Если они соберутся атаковать, посмотри, сможешь ли ты разнести тварей до того, как они успеют что-то сделать.

– Уже сделано, лейтенант.

– Сара?

– Все в порядке, – отозвалась та, хотя в голосе ее слышалось напряжение. – Но долго мы не продержимся. Фродо?

– В центре уже растет перегрузка, – ответил компьютер. – Полный разлом ожидается примерно через двенадцать минут.

– Давай, Лидер!

Лидер дотронулась до панели, и «Вол» затрясся, дрожа на пути к судьбе, ожидающей команду впереди. Зеленая стрелка на экране Мэйнса направилась к огромной белой точке, обозначающей поселение яутжа.

– Мы вот-вот войдем в историю, – произнес лейтенант. – Первые люди, высадившиеся на земле яутжа.

– И оставшиеся в живых, чтобы рассказать остальным об увиденном, ок? – дополнил Фолкнер.

– Не беги вперед событий, Фолкнер, – едко заметила Лидер.

За все то время, что Джонни Мэйнс провел сначала Колониальным морпехом, а потом Исследователем, он еще никогда не был ближе к смерти.

По всему телу Мэйнса пробежало приятное чувство возбуждения.

Отряд следил за поселением долгое время, но на самом деле практически ничего так и не узнал. За последний же час, увидев отбывающие корабли яутжа, уничтожив некоторые из них и теперь приближаясь к поверхности для посадки, они открыли для себя намного больше, чем за последние двенадцать месяцев, вместе взятые.

– Посадка через три минуты, – объявила Лидер. Как и все остальные, она была напряжена. Фродо запрограммировали так, чтобы моментально отреагировать на любой огонь со стороны противника, но пока что их приближение как будто игнорировали.

Но Мэйнс не питал никаких иллюзий относительно того, что их не замечают.

– Еще два корабля отправились в космос, – сказал Фолкнер. – На данном этапе никакой угрозы для нас.

– Отслеживай их, – скомандовал Мэйнс. Он был обеспокоен, более того, пребывал в замешательстве. Люди провели бой в космосе и сейчас направляли свой серьезно поврежденный корабль на вражескую территорию, но все это будто не интересовало пришельцев. Будь лейтенант на месте яутжа, он уничтожил бы корабль, как только заметил его, чтобы только сократить уровень возможной будущей агрессии. Впрочем, Мэйнс знал, что яутжа отличаются от людей не только внешне, и, возможно, именно в этом и крылось различие. Может быть, они не хотели подрывать корабль, пролетающий мимо. Может быть, это шло вразрез с их кодексом чести, что бы он из себя ни представлял.

– Приближаюсь к зоне посадки, – доложила Лидер и добавила: – Вашу мать, вы только посмотрите на это!

Смотрели все. У всех на экранах высвечивалась одна и та же картинка, захваченная камерами «Вола». Даже Котронис, отрезанная от команды отсеком, в котором находилась, могла наблюдать за происходящим на экране своего боевого костюма.

– За свою жизнь я повидал немало пустынных мест, – выдохнул Фолкнер. – Но это занимает заслуженное первое место.

Поверхность местообитания яутжа напоминала огромный пляж, покрытый белоснежным песком. Несмотря на свои размеры, цилиндрическая форма сооружения делала горизонт ближе. Все покрыто небольшими песчаными холмами, но кое-где все же проглядывали темные линии, скорее всего, глубокие расселины. Из поверхности вырастают громадные выступы, похожие на бивни, и тянутся прямо к космосу. Судя по показаниям, высочайший достигал почти трех миль, и Мэйнс сам наблюдал, как они пролетают под одним из них.

– Спускотвой отсек, – подала голос Лидер. – Видишь, та штука впереди?

«Вол» замедлил движение, и все заметили сооружение, похожее на иглу, а на нем – несколько блестящих серебристых судов различных размеров и форм. Корабли яутжа.

– Быстро снижаемся, – приказал Мэйнс. – Сара, ты в порядке?

– Лучше всех, – ответила та, но по голосу можно было сказать абсолютно обратное. Фродо уже доложил Мэйнсу, какому облучению подверглась Котронис, и даже несмотря на защиту боевого костюма, можно было считать, что для нее миссия подошла к концу. Единственное, что пока было неясно, – это сколько еще капрал продержится перед смертью. Если им удастся достать антирадиационные препараты, то у нее оставалось... несколько недель? Возможно. Но даже если и так, они были не в лучших условиях для того, чтобы спасти кого-то, находящегося на грани смерти.

– Лейтенант, что-то странное творится на сканерах дальнего действия, – заметил тем временем Фолкнер. – Корабль, скорость превышает световую.

– Расстояние?

– Неизвестно.

– Почему?

– Неясный сигнал, Джонни. Сенсоры и сканеры не могут его засечь, но приближается быстро.

– Корабль яутжа? – уточнила Сноуден.

– Это неважно, – сказала Лидер. – Приземляемся через пятнадцать секунд. Притяжение составит восемь десятых от нормы. О приемлемой атмосфере я вообще молчу.

– Никаких признаков агрессии со стороны яутжа, – доложил Фолкнер.

– Твари выжидают, – сказала Сноуден. – Стоит нам приземлиться, и они начнут на нас охоту.

– Прелестно! – фыркнул Мэйнс. – Сноуден, отправь на Тижку доклад о нашем состоянии и местонахождении, а также об отправке еще семи кораблей яутжа.

– Будет сделано.

– Фродо?

– У вас будет время, чтобы выбраться и найти укрытие до того, как состояние реактора достигнет критической точки. В полмили отсюда есть вход в здание, я вышлю координаты на ваши костюмы и уведу корабль, чтобы снизить шансы того, что взрыв заденет вас.

– Спасибо. Дай нам столько времени, сколько сможешь.

Мэйнс помрачнел. Через несколько минут компьютер погибнет вместе с кораблем, и ему казалось, что он обязан был сказать что-то еще. Но Фродо не обладал синтетическим разумом, не был искусственным интеллектом. Никогда еще Мэйнс не воспринимал машину как самостоятельную личность.

Он почувствовал на себе взгляды Лидер и Сноуден. Видимо, думали они о тех же вещах.

– Все правда в порядке, – наконец сказал Фродо, удивив их всех. Мэйнс задержал дыхание, ожидая продолжения, но его не последовало.

– Что с тем кораблем?

– Исчез, – ответил Фолкнер. – Возможно, все дело в маскировке, но он исчез.

– Хорошо, народ, идем к площадке.

Они покинули свои места в последний раз. Лидер задержалась немногим дольше остальных, проверяя данные посадки, но вскоре уже стояла с остальными у выхода из кабины.

– Сноуден, идем со мной, заберем Сару. Вы двое – на площадку. Будем через минуту.

Мэйнс и Сноуден направились к хранилищу боеприпасов. Котронис цеплялась за стену, держа в руках дефендер. Тяжелое, пожалуй, даже слишком тяжелое оружие для бега, но мощь его никогда не бывала лишней в бою.

– Сара, мы...

– Просто идемте, – выдохнула она и повела их через хранилище прямо к площадке. Лидер и Фолкнер уже ждали на месте.

Не было никакой необходимости напоминать «Пустотным Жаворонкам» активировать костюмы. Вместо этого Мэйнс сказал:

– Ну что ж, давайте делать историю.

Они не имели достаточно времени на то, чтобы выпустить воздух, так что площадку подбросило, когда вокруг «Вола» образовался настоящий ураган. Пытаясь прочно устоять на месте, сопротивляясь давлению, Мэйнс качнулся и начал падать на опускающуюся площадку. На мгновение его охватил мир полнейшей тишины.

Обзорное стекло шлема располагалось всего в дюйме от кожи носа и рта, точно повторяя изгибы лица, поэтому ничто не мешало лейтенанту рассмотреть удивительный, но пугающий новый мир, на который они ступили.

– Поспешим, – скомандовал он шепотом. Расположение ближайшего входа высветилось перед морпехами, и пока они бежали, Сноуден прокладывала путь, Лидер прикрывала тыл, а сам Мэйнс пытался во всем разобраться.

Бесконечный космос окутал их со всех сторон. Несмотря на довольно комфортную гравитацию, лейтенанта не покидало ощущение, что каждый сделанный шаг может оттолкнуть его от тверди и унести в открытый космос. Холодный и громадный, он высасывал из человека всё – тепло, надежду и даже ощущение самого себя. Лейтенант не мог перестать всматриваться ввысь, ожидая проклятия с небес. Он понимал, что был лишь человеком, а подобные свершения не предназначены для людей. Мэйнс все глубже погружался в свои мысли, ногами касаясь

земли, а головой – открытого космоса. Нет атмосферы, значит, нет и шума, так что ему казалось, будто каждый вздох, каждый скрип его стареющих суставов слышались лишь ему одному.

– Кажется, я только что обделался, – нарушил тишину Фолкнер.

– Тише, – отрезал Мэйнс, но не слишком грубо. – Оставайтесь начеку. И проверьте состояние своих костюмов.

Мэйнс отправил команду своему компьютеру и в ответ получил серию зеленых огней на экране.

– Фродо, сколько у нас еще времени?

– Пять минут. Может, меньше, – отозвался компьютер. – Я пытаюсь поднять корабль, но он не слушается. На вашем месте я бы бежал очень быстро.

Мэйнс оглянулся. «Вол» казался таким лишним в этом месте. Некогда блестящее, прекрасное судно, теперь уже помеченное боевыми шрамами. Посадка прошла идеально, но сейчас корабль переживал последние моменты своего существования.

Лидер замедлила бег, но Мэйнс знаком указал ей двигаться дальше.

– Я замыкаю, – сказал он.

– Ага, я помню, – она попыталась улыбнуться, пробегая мимо, но напряженное выражение лица превратило улыбку в гримасу.

Лейтенант последовал за всеми, проверяя датчики движения, но ничего не увидел. Впереди возвышался один из стыковочных отсеков, отражающих слабый отсвет нескольких кораблей, парящих над его верхушкой. Довольно красивый вид, но если корабли не были беспилотниками, то яутжа на борту даже сейчас могли наблюдать за отрядом, бегущим, словно муравьи, по поверхности их дома. Скорее всего, они уже готовили к бою оружие, и «Пустотные Жаворонки» не успеют ничего распознать, как их уже прикончат.

– На десять часов, – сказала Сноуден, заметив красную вспышку.

– Вижу двоих, – подтвердила Лидер.

Два яутжа, облаченные в боевые шлемы, с длинными клинками в руках, стояли в нескольких сотнях ярдов от них и наблюдали за отрядом. Слишком далеко, чтобы рассмотреть более подробно.

– Разделяемся, но продолжаем бежать, – приказал Мэйнс. – Время на исходе.

Яутжа слева бросился в сторону людей, намереваясь атаковать сбоку. Мэйнс послал приказ компьютеру, отстегнул винтовку и выстрелил наноботами. Боты направились напрямик в пришельца, и когда тот исчез, рассеялись в облако и воспламенились. Маскировка яутжа оказалась повреждена, и он снова появился, освещаемый снизу тускнеющим светом множества маленьких взрывов. Компьютер доложил о его ранении, но не о смерти.

Неплохо для начала. Но им нужно было продолжать двигаться вперед.

Сноуден открыла огонь по второму яутжа, отправляя в его сторону лазерный заряд, но пришелец скрылся, и в обратную сторону полетели пылающие выстрелы из его наплечного бластера. Костюм Сноуден отразил один из ударов, но сама она упала на серую землю.

Фолкнер запустил один из мини-дронов. Устройство размером с кулак взлетело и помчалось к яутжа, стреляя лазером и оставляя следы на земле под собой. Пока яутжа сражался с дроном, морпех поразил его одним точным выстрелом лазера.

– Продолжаем бежать! – крикнул Мэйнс. – Сноуден?

– Я в порядке, – тяжело дыша, та уже встала и пустилась бежать.

– Фродо?

– Прости, Джонни. «Вол» решил, что это неплохое место, чтобы встретить свой конец.

– Спасибо, Фродо, – на лучшее «прощай» он не был способен.

– Удачи, – ответил компьютер. – Держитесь той же скорости и, по моим подсчетам, вы доберетесь до входа с семнадцатью секундами в запасе. Слева увидите туннель, но справа есть шахта, прыгайте в нее. Это наилучший вариант для вашего спасения.

Пару минут спустя они добрались до холма, за которым располагалось темное отверстие. Еле дыша, Сноуден, качнувшись, остановилась.

– Выбора нет, – сказал Мэйнс. – Сара?

С того момента, как они покинули корабль, Котронис не проронила ни слова. Все еще держа оружие в руках, она пошатнулась и упала.

Фолкнер поднял ее и перекинул через плечо.

Мэйнс пошел первым, с винтовкой наготове. Было темно, но фонари на их костюмах загорелись и осветили путь. Слева начинался туннель. В воздухе чувствовалось присутствие атмосферы, но если она не подходила человеческому организму, то ее наличие или отсутствие внутри поселения яутжа не имело никакого значения. Справа располагалась шахта, ведущая вниз настолько глубоко, что света фонарей не хватало, чтобы оценить ее длину.

Все «Жаворонки» вытащили из своих поясов страховочные тросы, приклеили к стене и прыгнули.

По мнению Мэйнса, отсчет достиг четырех и не опустился ниже.

Мир вокруг взорвался, и последнее, о чем успел подумать Джонни, было: «Как жаль, что я не на борту...»

11. Лилия

Свидетельские показания

Первые сто лет прошли под знаменем истинного путешествия открытий.

Началось все с того, что Основатели приготовили к полету три корабля и назвали их «Гамлет», «Отелло» и «Макбет». Как только корабли были готовы, их отправили в независимый порт на краю Сферы – обиталище контрабандистов, пиратов и наемников. В те времена, около трехсот лет назад, в далекий две тысячи четырехсотый год, Сфера заметно уступала своим нынешним размерам. Успешно поработав над секретным двигателем быстрее скорости света, Основатели собрались вместе, поднялись на корабли и через нору отправились к самым дальним границам изученной части космоса.

Я до сих пор в точности помню каждую секунду из того дня. Мы с Вордсвортом стояли на мостике «Отелло», окруженные остальными лидерами нашей группы. Беатрис Малони тоже поделила с нами то мгновение, но тогда это была совершенно другая женщина – более честная, жизнерадостная и открытая людям. Мы решили не проводить пышных церемоний и, отлетев от норы и обслуживающей космической станции, просто направились в открытый космос.

Первооткрывателями мы, конечно, не были. Корабли Файнса, громадные суда с колонистами, погруженными в криосон, на борту, бороздили космос уже долгое время, но их путешествие в один конец находилось в поиске хоть чего-нибудь, что окажется пригодным для заселения. В каком-то смысле, их путь страшил больше нашего, ведь эти храбрецы не имели ни малейшего представления даже о том, удастся ли им когда-нибудь очнуться.

Некоторым из них удалось, когда они проснулись в настоящем кошмаре. Но я расскажу об этом позднее. Понимание того, к чему мы стремились все это время, очень важно, если вы хотите полностью осмыслить чудовищные события настоящего. Возможно, люди смогут вынести из этого урок... но, скорее всего, человечество, как всегда, ничему не научится.

Триста пятьдесят миллиардов миль и три года мы пробыли в спячке. Я могла оставаться бодрствующей, ведь андройды не испытывают необходимости в сне, да и Вордсворту нравилась мысль о том, что я смогу следить за состоянием «Отелло», связываться с компьютерами «Макбета» и «Гамлета», чтобы удостовериться в том, что все идет своим чередом. Конечно же, все работало на автомате, и моя помощь не являлась необходимой, но он был человеком, пусть и с величайшими стремлениями и целями. И, как любой обычный человек, он скорее доверял даже самой призрачной идее контроля над машинами, чем самим компьютерам.

Тем не менее слишком долгое время я провела в спасательной капсуле «Эвелин-Тью», в сознании и в полном одиночестве, и Вордсворт прекрасно понимал мое состояние. Поэтому он позволил залечь в сон наряду с остальными Основателями, десятью сотнями единомышленников, погружившихся в тысячедневный криосон, пока корабль относил нас все дальше от влияния Сферы.

Бытует миф, будто андройды, погруженные в криосон, достигают состояния, близкого по ощущениям к снам человека. Никогда не понимала ни истоков этой байки, ни еле скрываемого страха, который овладевает людьми, принявшими ее на веру. Как же так, ведь именно люди сотворили нас? Люди сотворили и меня, своими собственными руками, своей процедурой клонирования плоти, и, поверьте, я многое прошла перед тем, как наконец смогла принять эту мысль. Поэтому, не кривя душой, могу подтвердить, что весь этот миф – сплошная чепуха. Прежде всего, видеть сновидения в гиперсне не под силу даже людям, уже от этого байка становится совершенно нелепой. Если бы человек и правда видел сны, то он бы просто умер, ведь подобные процессы указали бы на работу временных аномалий организма. Человек лежал бы в криокапсуле, но становился старше. Только представьте себе: три года взросления, а человек

заточен внутри капсулы, без еды, воды, каких-либо внешних воздействий. Если не верите, то смело обращайтесь к задокументированным отчетам о неисправных криокапсулах, за самые быстрые сроки уничтоживших разум и тело несчастных.

Вторым объяснением тому, что этот миф является не чем иным, как ложью, я могу назвать то, что я способна переживать только те сновидения, которые сама же и создаю, но видеть которые мне не положено. Я не способна заснуть в том понимании, которое будет понятно человеческому сознанию, и даже в криозаморозке мой разум функционирует на таких подсознательных уровнях, что это нелегко объяснить. Определенно, это не настолько ужасно, как в одиночестве и сознании проводить время в спасательной капсуле, но... так или иначе, мое состояние слишком отличается от человеческого.

Теперь я уже не помню снов, увиденных во время сна. Поначалу это сильно беспокоило меня, ведь неисправность моей абсолютной памяти могла указывать лишь на повреждение всей системы. В конце концов я смирилась с мыслью, что со временем мои воспоминания затуманились. В какой-то мере она даже приносила мне удовольствие. Так я больше походила на человека.

Позже, когда наши дела начали ухудшаться, я поделилась своими мыслями с Вордсвортом, а он обнял меня и назвал своей дочерью.

Спустя три года, компьютеры разбудили всех нас.

«Гамлет» исчез. «Отелло» не мог рассказать нам, что именно произошло, а в записях «Макбета» потерянный корабль вообще отсутствовал. Так мы узнали о превратностях путешествий на скорости выше световой, потеряв из виду тысячный экипаж корабля, и так никогда и не узнали, чем для них кончилось наше общее путешествие.

Из трех тысяч Основателей остались две, но за дело мы взялись не менее крепко. Наши корабли достигли таких границ, о которых суда Файнса, работающие на предельно простом световом двигателе, могли только мечтать. Мы забрались в самые темные глубины космоса, пролетали между звездами, которые вряд ли можно было заметить из нашего дома.

Не боясь вмешательства извне, Основатели во главе с Вордсвортом продолжили свои эксперименты. Информация об исследованиях, которую я выкрала с «Эвелин-Тью», ждала своего часа в хранилищах «Отелло», и все, что нам было нужно, так это найти образцы. Перед нами нарисовалась очередная задача на следующие тридцать лет.

Мы каждый день неустанно удалялись от Сферы Людей, и любопытство заводило нас в самые удивительные места. Однажды мы высадились на небольшой спутник, покрытый постоянно движущимся, пульсирующим кварцем, похожим на живой организм. Далее нас ждал газовый гигант, а поверхность его, размером с континенты, свободно дрейфовала, пропускала через себя электрические разряды, таким образом сама себя отапливая. Возможно, там нам повстречалась форма жизни, далекая от нашего понимания. Еще была галактика из семи планет, которые двигались по примерно одинаковой орбите, окруженные миллиардами астероидов. Кто знает, может и там когда-то царила жизнь?

Корабли опускали нас на десятки планет и спутников, где, по словам Вордсворта, мы отчаянно пытались найти пригодное место для жизни. Я верила ему, как и все остальные, но помимо дома, мы искали образцы, на которых можно было бы наконец испытать украденные исследования и открыть нечто смертоносное – оружие, которое защитит нас в нашем опасном путешествии.

На одной из планет мы обнаружили брошенное судно. Очень древний корабль, большая часть которого уже начала разлагаться под воздействием кислотной атмосферы. Тридцать дней мы пробыли на этой планете, но так ничего и не нашли. Ни тел, ни признаков существ, принесших смерть кораблю, ни технологий, которые мы смогли бы распознать. Странно было оставлять позади себя эту машину. Ведь для большинства людей подобная находка стала бы отлич-

ным поводом отпраздновать что-нибудь, ознаменовалась бы поворотным событием в истории и понимании Вселенной.

Для нас брошенный корабль стал лишь очередным шагом в неизвестность.

На протяжении всего путешествия Основатели не переставали трудиться над экспериментами, которые вызвали волну преследования со стороны Сферы. Генетические пробы, квантовые исчисления, уравнивание мультивселенной, кварковая заместительная терапия – я понимала далеко не все из новейших теорий, которые наши ученые пытались воплотить в жизнь, сидя в лабораториях «Макбета» и «Отелло». И пока они отдавали себя экспериментам, остальные Основатели помогали в управлении кораблями. Не уверена, что смогу описать тот период точнее, но это было мирное время. Никто никого не принуждал к определенной работе, компьютеры по большей части сами следили за состоянием судов, а задачи, от которых зависело наше существование, все еще оставались открытыми.

На борту «Отелло» располагался огромный зеленый отсек, где группа людей взяла на себя выращивание растений и пищи. Другая экспериментальная группа работала над созданием надежной, немеханической искусственной гравитации. Порой я ловила себя на мысли о том, что зерно процветающего общества, попавшего на борт корабля десятки лет назад, с каждым днем расцветало все ярче и уже почти достигло своего совершенства.

Какое-то время Основатели Вордсворта жили именно той утопией, ради которой покинули пределы Сферы Людей.

Но время не стояло на месте, и генетические исследования стали восприниматься более серьезно. Вордсворт, уже старик, достигший почти столетнего возраста, превратился в омраченного отчаянием человека. С его болезнями справлялись быстро, но к тому моменту он уже перенес трансплантацию сердца, легких и костного мозга, удаление четырех раковых опухолей и омоложение мозга.

Старик стоял на пороге смерти, а я удивлялась тому, как сильно он ее боится.

– Дело не в том, что после смерти меня ничего не ждет, – сказал он мне однажды. Как обычно, я была в его каюте – тогда мы взяли за привычку вечерами выпивать произведенное на корабле виски. И хотя мое строение отталкивало любой вид алкоголя, по крайней мере, мое присутствие успокаивало Вордсворта. Он впадал в глубокие раздумья и даже становился сентиментальным. – Дело совсем не в этом. Просто я хочу пойти дальше, Лилия. Увидеть, что еще лежит перед нами. Ты понимаешь меня? Основатели отправились за мной лишь потому, что мы жаждали свободы и места, которое смогли бы назвать своим домом.

Я сказала ему, что мы уже добились всего этого.

– Свободы – да, – подтвердил он. – Но я бы ни за что не смог назвать космический корабль нашим домом, так что его мы обрели лишь отчасти, – покачал головой Вордсворт. – Впрочем, тебе не понять.

Эта фраза ранила меня, но я не подала виду. Со стороны я нисколько не изменилась с тех самых пор, когда семьдесят лет назад Вордсворт отправил меня на «Эвелин-Тью».

Однажды, следуя за третьим спутником одной из звезд, мы попали на ее орбиту, где Вордсворт наконец нашел то, что искал. По всей планете плескались моря желеподобной субстанции, проанализировав которую мы сделали поразительные открытия: возможность омоложения, создания медицинских препаратов от огромного количества болезней, а через какое-то время, возможно, даже остановка процесса старения.

Конечно, стоило провести больше времени за проверкой чужеродного материала. Но многие из первоначальных Основателей уже умерли, и, несмотря на новорожденных, помогающих поддерживать стабильное население в две тысячи человек, оставшиеся в живых первые Основатели продолжали стареть. Почти все они хотели продолжить ранее начатый путь, и так были созданы лекарства на основе геля. Основатели производили их в огромных количествах и раздавали ежедневные порции в надежде прожить так долго, как это вообще было возможно.

Несмотря на всю странность происходящего и мои усиливающиеся опасения, план сработал. На какое-то время. Мы даже придумали название этому месту – Зенит. Поначалу приняв его за небольшой спутник, со временем мы осознали, что высадились на чем-то искусственно созданном (возможно, поселении пришельцев), которому было не меньше пяти миллионов лет. Глубоко под поверхностью этого, давно уже мертвого места, как нам тогда показалось, мы нашли то, о чем я не раз еще жалела с тех пор.

Найдя их спящими, нам не хватило ума не тревожить их.

Но Вордсворт разбудил их всех.

12. Лилия

Где-то за пределами Сферы Людей

2692 год н. э., июль

«Макбет» покинул Сферу около двухсот лет назад и с тех пор изменился до неузнаваемости. Корабль стал быстрее, вырос до таких размеров, что Лилии пришлось бы потратить целый день, чтобы полностью обойти его, но именно она знала каждый его уголок и все места, где можно было спрятаться.

Она сбежала от охранников, когда те вели ее в камеру. Они родились уже на корабле и до сих пор с благоговением смотрели на Лилию, старую женщину, не показывающую своих лет, андроида, которого невозможно было отличить от обычного человека. Столько всего они открыли на Зените, что Лилии начинало казаться, что ее наконец воспримут как нечто нормальное. Но никто к ней так и не привык, принимая за странное, непохожее ни на кого существо. А чудо, постоянно живущее в одном доме со всеми, всегда удивляло больше, чем любое из чудес, найденных в глубинах космоса.

Охранники так сильно ее боялись, что почти не сопротивлялись, когда Лилия сломала свои наручники. Почти. Она опустила их на землю как можно мягче и помчалась вперед, через уровни с жилищными отсеками, мимо столовой и комнат отдыха. Она бежала по громадному судну, словно вирус по венам великана.

На Зените исследования достигли такого уровня, что уже нельзя было с точностью различить, где заканчивались машины и начиналась биология. После долгого изучения этого места Основателям стало ясно, что оно продолжало расти – новые территории формировались существами, похожими на слизней, которых люди нашли глубоко под громадной внешней корой поселения.

Они принесли одно из существ на борт «Макбета» и позволили ему беспрепятственно передвигаться по всей поверхности корабля. Основатели испробовали все известные способы исследования создания, попытались наладить с ним связь, но все оказалось напрасно. Существо же начало быстро расти и улучшать структуру и дизайн корабля, создав не только строение судна, но и системы управления, электронику и другие настолько темные технологии, над предназначением которых Основатели до сих пор ломали головы. За сто лет оно полностью переделало корабль, используя лишь свои собственные многочисленные придатки, создавая, улучшая со временем и, наконец, закрепляя их на своем месте.

Основатели так и не выяснили, было ли это создание живым организмом или машиной. Напоминая внешне большого слизня, оно обладало и металлическими частями. Существо кормилось и выделяло переваренное, но в то же время постоянно нуждалось в подзарядке. Чем бы оно ни было, откуда бы ни пришло, ясно было одно: главной целью его существования было строительство.

Сейчас «Макбет» выглядел так, словно скорее вырос сам, чем его кто-либо построил, и был намного быстрее и действеннее, чем когда-либо. Лилия бежала по кораблю, через его помещения, когда-то бывшие обычными коридорами и проемами, а теперь ставшие туннелями и впадинами. Она выступала против риска, который брали на себя Основатели, взяв на борт неизвестное им существо, но к тому времени Вордсворт был уже мертв, и на посту главы Основателей его заменила Беатрис.

Все то, чем раньше были Основатели, исчезло. Группа взяла новый курс развития.

Более не Основатели, но Ярость управляла судами.

Подозрения Лилии крепили с каждым днем. Ей не давало покоя упорство Малони в желании вернуться на Сферу Людей, переименование их вырождающейся маленькой цивилизации,

и все усугубилось, когда Лилия поняла истинный смысл посылаемых сообщений. Все указывало на то, о чем андроиду не хотелось даже задумываться, но Беатрис сама признала далеко не мирный посыл их возвращения домой.

Внутреннее устройство «Макбета» было похоже на паучью сеть с множеством туннелей и потайных мест, но никто не догадывался, как широко раскинула свои сети сама Лилия. Она не забывала хранить тайну о своих истинных знаниях и влиянии на корабле. Как и раньше, была дружелюбна с одними, но не рассказывала об этом остальным. Помогала в исследованиях, но не гнушалась выкрасть собранную другими необходимую информацию. В самом центре сети Лилия, словно паучиха, наблюдала и выжидала, когда проявится целая картинка происходящего, когда она сможет понять, как и почему случилось то, что она видела вокруг себя.

Лилия знала, что начало жестокости уже было положено. Все еще находясь за пределами Сферы Людей, их группе удавалось атаковать человечество с расстояния. «Испытания», так Беатрис Малони и ее совет называли свои зверства. Пока лишь ложные покушения и проверка оружия перед настоящей атакой и раскрытием истинной цели Ярости.

Коварное сообщение, которое андроиду поручено было отослать, стало для нее последней каплей. Лилия понимала, что должна была восстать еще много лет назад, должна была бороться со всеми ужасными решениями и последствиями, к которым они могли привести в ближайшем будущем, но ее верность была слишком крепка, слишком преданной синтетик была идеям Основателей, и память долгое время не давала ей об этом забыть.

Лилия уже очень давно переросла состояние обычного запрограммированного андроида. Годы, проведенные в спасательной капсуле, не только повредили ее, но и сделали более... человечной. Она превратилась в личность со своими собственными целями, предпочтениями и неприязнями. Но у человечности была и обратная сторона. Ужас перед Яростью и их планами, растущий в ней с каждым годом, омрачал ее существование очень долгое время.

Но настало время вырваться из-под давящего мрака.

Лилия понимала всю иронию повторяющейся ситуации. Почти триста лет назад она украла данные об исследованиях с корабля, экипаж которого сама же обрекла на смерть, и отправилась в космос. Теперь все было иначе. Отныне она сама строила свою судьбу. Да, она вновь краля ценную информацию и сбегала с корабля, но делала она это по собственным убеждениям.

Ярость спешила домой.

Лилии нужно было добраться туда еще быстрее.

Малони и остальные Основатели довольно скоро узнают о ее побеге. Паря в своих опорных конструкциях, поддерживаемые омолаживающим гелем, эти старики, несомненно, придут только к одному выводу: Лилию необходимо остановить.

«Она знает меня целую вечность», – подумала Лилия, а перед ее глазами снова и снова проплывала картинка того, как она отшвыривала Беатрис в стену. На секунду Лилия сама удивилась той небывалой агрессии, обрушившейся на друга, союзника, но в ней уже зародились ростки сомнений. Трудно было сказать, являлась ли Беатрис по-прежнему ее другом. Возможно, все это было ложью с самого начала.

Лилия побежала в хвостовую часть корабля и по пути столкнулась с одной из первых Основателей, Эрикой Симмонс. Так же погруженная в опорную конструкцию, та медленно передвигалась, посылая команды устройству. Сквозь гель, казалось, что глаза Симмонс опухли. Она взглянула на Лилию и подняла уголки губ в некоем подобии улыбки. Гель не давал ей умереть и заставлял системы работать, но сама Симмонс выглядела не лучшим образом: мертвенно-бледная кожа, волосы, застывшие в вязкой жидкости, сморщенное, болезненное и голое тело старухи. Тем не менее Лилия знала, что внешность способна жестоко обмануть. Эрике, возможно, и больше трехсот лет, но ясности ее ума можно было позавидовать.

Лилия улыбнулась в ответ, пока они вместе проходили узкий туннель. Она не заметила никаких признаков того, что Симмонс была в курсе ее побега, по крайней мере, открыто Основатель себя не выдавала. Наконец, механизм понес ее дальше, словно беспомощное насекомое, а она так и не проронила ни слова.

Лилия ускорила бег.

Пройдя мимо парочки кораблережденных, спешащих по своим делам, она добралась до хранилища корабля. Лилия знала, что находится внутри, да это и не было секретом для остальных, ведь каждый представитель Ярости, будь то ребенок, мужчина или женщина, от трех до трехсот лет, разделял одни и те же идеи. Это место хранило в себе лишь жестокость и смерть, и Лилии совсем не хотелось когда-либо снова возвращаться сюда.

«Я бы могла покончить со всем прямо сейчас», – подумала она. Мысль оглушила ее, и, стоя в тусклом свете, Лилия остановилась, размышляя, к чему может привести ее возможное решение. Разрушения и убийства невероятных масштабов. Но все ее инстинкты, мысли, помысли, отошедшие от изначальной программы, развившиеся за последние десятилетия и даже столетия, кричали о том, что в убийстве нет ничего правильного.

«Я бы могла повредить систему обеспечения, взорвать корпус и выпустить все прямо в космос. Стоит мне это сделать, и целый корабль разрушится, разлетится по космосу, став в итоге ничем. Как будто ничего и не было. Как будто я никогда и не существовала».

По какой-то причине она засомневалась в намеченном плане. Лилия пыталась убедить себя, что все дело в базовой программе и принципах, заложенных в ее организм очень и очень давно. Но так же она осознавала, что, возможно, причина кроется в ином: со временем она стала человечнее большинства людей на борту «Макбета», а вместе с человечностью обнаружила в себе и страх.

Страх перед смертью и пустотой, лежащей за ней.

Лилия обошла хранилище, слишком огромное, чтобы сделать это быстро, но за ним расположилось кое-что, куда она не могла не заглянуть до того, как попробует сбежать. О ее побеге уже сообщили по всему кораблю, и на борту не осталось ни одного безопасного места.

Найденная лаборатория была не единственной на борту «Макбета», но именно эта располагалась ближе всего к хранилищу и тому, что там лежало. Просто большая комната, с низким потолком и обычным полом, но все же и стены, и потолок больше напоминали внутренности чего-то живого. Очередное помещение, почти полностью созданное существом из недр Зенита.

Лилия остановилась и осмотрела лабораторию. Большая часть открытий, сделанных здесь, стали возможны лишь благодаря исследованиям, украденным ею с «Эвелин-Тью», и претворила в жизнь создание чудовищ, которых Ярость несла теперь обратно к Сфере Людей. Открытия из поселения пришельцев с Зенита, вне сомнений, внесли свою лепту, но без информации, добытой Лилией, ничего этого не случилось бы. Именно она положила начало всему и дала возможность Основателям, а затем и Ярости Беатрис Малони, стать теми, кем они сейчас являлись.

Возможно, эту группу людей уже невозможно победить.

Но в том, что они сами превратились в монстров, Лилия уже не сомневалась.

Она направилась к дальней стене, но на полпути ее остановил чужой голос.

– Взялась за старое, Лилия? – услышала она Эрику Симмонс. Должно быть, та узнала о проступке андроида и поспешила в лабораторию. Устройство выскользнуло из тени входного проема лаборатории, неся женщину, обволакиваемую гелем. Эрика не говорила сама, лишь мысленно посылая сигналы, а устройство воспроизводило безжизненное, монотонное электронное подобие голоса, который Лилия слышала когда-то давно. По привычке ее рот двигался, произнося слова, и наполнял жидкость пузырьками.

– Я здесь не для этого.

– Тогда для чего же? – за спиной Эрики показались еще две тени. Одна из них, кораблерженная, выглядела слишком слабо и неестественно от многолетнего скрещивания на корабле. Даже технологии, найденные на Зените, так и не смогли расширить генофонд Основателей.

Вторым оказался генерал – боевой андроид, специально созданный старшими из Ярости, для того чтобы командовать чудовищными отрядами. В программу всех генералов вошли любые крупницы военной истории, тактики и стратегии, которые только смогла отыскать Ярость. Они обладали знаниями обо всех конфликтах, начиная с древней истории человечества, технологической революции и трех Мировых войн и заканчивая битвами за территории, которыми отметились первые века исследования космоса и его колонизации.

Этот генерал любил называть себя Наполеоном.

С одной стороны, генералы были куда более развитыми, чем Лилия. Нанотехнологии, открытые на Зените, позволяли им подключаться к своим отрядам и управлять ими силой мысли. И все же они были ничем в сравнении с Лилией.

Созданные только для войны, эти андроиды не были способны на мысли о чем-то другом. Похожие на людей, но далеко не люди. Их выдавали отрешенные выражения лиц и пустые белые глаза с черными зрачками. По их венам тек инопланетный гель, но то был скорее смазочный материал, чем живительная сила. Лилии не по себе было находиться рядом с ними, и тем более она никогда не чувствовала никакого родства между собой и этими безжизненными созданиями.

Наполеон уставился на Лилию, но руку с оружия так и не убрал. Очередная технология, найденная на Зените, способная прорубить дыру в корабле, стоило андроиду только подумать об этом.

– Что ты здесь делаешь? – снова спросила Эрика, но ответа не ждала, лишь тянула время.

Первой к Лилии кинулась кораблерженная, на ходу доставая электрошоковую дубинку из-за пояса Симмонс. Женщина выглядела испуганно, но не собиралась отступать, явно намереваясь доказать свою верность Основателям.

У Лилии оставалось совсем мало времени, чтобы все обдумать и начать действовать. Если ее оглушат дубинкой, то на мгновение парализуют. Лишь на мгновение, но и этой секунды Наполеону хватит, чтобы схватить бунтарку и заставить подчиняться. Вся жестокость, в которую окунулась Лилия, была совсем не в ее характере, даже спустя все годы и происшествия, выпавшие на долю Основателей, а затем и Ярости. Они теряли корабли-побратимы, исследовали новые миры, сражались с неисправностями в системе и возможными чудовищными последствиями, открывали для себя Зенит, чтобы в итоге покинуть этот искусственный мир, не предназначенный для человеческой жизни.

Но Лилию создавали не для войны.

Кораблерженная взмахнула дубинкой, сделав ложный выпад в попытке обмануть Лилию и задеть ее шею.

Лилия ухватила руками за ноги женщины и раскрутила ее в воздухе. Та успела лишь издать короткий стон, перед тем как стукнуться лицом об пол. Дубинка выпала из ее руки. Быстро перехватив оружие, Лилия, помедлив лишь секунду, сильно ударила женщину по спине.

Ноги кораблерженной сотрясла спазматическая судорога, когда по ней прокатился заряд, из глаз потекли кровавые слезы, и ее стошнило. Может, Лилию создавали и не для убийств, но удар оказался фатальным для ее жертвы. Женщина моргала все реже, и Лилии, охваченной ужасом, оставалось только наблюдать, как та умирает.

Не успела убийца поневоле опомниться от происшествия, как увидела надвигающегося Наполеона. Оружие генерала все еще покоилось в кобуре.

– Лилия, просто пойдем с нами, – попросила Эрика. Даже сейчас в ее монотонном голосе Лилия не могла уловить ни тени злости, лишь горечь. Но она знала, что именно Эрика вместе с остальными Основателями сделают с ней, и должна была не забывать об этом. Только не сейчас. Больше нельзя давать своей слабости одержать верх.

Лилия опустила плечи, притворяясь побежденной, и внезапно набросилась на противников с дубинкой. Удар угодил Наполеону между глаз, ломая переносицу и расплескивая гель внутри андроида. Электрический заряд осветил его глаза и пронесся по щекам.

Наполеон всхлипнул, отступая назад, и вытащил свое оружие.

Пусть даже этого андроида создавали исключительно для войны, пока что у Лилии было небольшое преимущество. Впрочем, Наполеон совершил глупейшую ошибку, недооценив противника, чего больше не сделает, а значит, и второго шанса у Лилии не осталось.

Она обогнула лабораторию и спряталась за Эрику. Устройство загремело, поворачиваясь по приказу Симмонс, болтающейся в геле, в попытке успеть за Лилией, но андроид оказалась быстрее. Схватив одну из задних ног устройства, она прижала ее к себе, очутившись с Эрикой на расстоянии вытянутой руки.

– На пол! – закричала она Наполеону, но заряд дубинки, скорее всего, повредил не только его глаза и нос. Заряд поджарил еще и электрические цепи андроида, возможно задев центральную нервную систему.

– Нет! – крикнул он в ответ, игнорируя ее команду. Затем, пошатываясь, направил оружие в ее сторону и открыл огонь.

Инстинктивно Лилия упала на пол за Эрикой. Раздался взрыв, всплеск, и на Лилию обрушился шквал теплого геля, металлических осколков и, наконец, тяжелых кусков окровавленной плоти.

Тело женщины свалилось с платформы поврежденного устройства на ноги Лилии.

Выстрел снес полголовы Эрики, из которой на пол начали вытекать мозги, смешиваясь с гелем. Даже сейчас вещество, хоть и напрасно, но пульсировало, стараясь излечить своего носителя.

– Вот и всё, – сказала Лилия, нервно покачивая головой. – Вот и всё.

Внутри нее что-то сломалось. Лилия услышала громкий треск, какой-то электрический щелчок, может быть, квантовый сбой. Все мысли перепутались, Лилию разрывало в разные стороны.

Эрика, впервые за многие десятки лет оказавшаяся на открытом воздухе, не переставала в конвульсиях дергаться на полу. Ее рот открывался и закрывался, а легкие все еще пытались выработать воздух, но получались одни пузырьки. Левое веко беспрерывно мигало, но все, за чем сейчас наблюдала Лилия, было лишь мышечной памятью уже мертвого тела.

Наполеон застыл в боевой стойке, повернул голову влево на семьдесят градусов, затем назад, и так снова и снова. Лилия не понимала, был ли причиной такого поведения ее удар, либо сработала реакция системы андроида на свои действия и осознание того, кого именно он только что убил. Но зато она точно знала, что каждый генерал оснащен системой саморазрушения, способной в одну секунду разорвать «Макбет».

Лилия начала медленно и тихо отодвигаться назад, отталкивая со своей левой ноги легкий как перышко труп Эрики. Наполеон, не останавливаясь, качал головой из стороны в сторону, переводя ствол оружия то в пол, то на собственные ноги. Его левый глаз вытек на бледно-голубую униформу.

Лилия прокралась через всю лабораторию и встала, только когда подобралась к столу. Она кинулась к холодильным камерам и открыла дверь, больше похожую на кожу какого-то существа.

Внутри она увидела стоявшие в ряд аппликаторы. Пути назад не было. Лилия, не медля, приставила один из аппликаторов к своей шее и ввела в организм его содержимое.

Раздалось шипение, затем щелчок.

Наносущества, созданные под предводительством Ярости, распространились в теле андроида. И хотя пока что они были неактивны, Лилия ощущала себя совершенно по-другому. Она ощущала присутствие кого-то внутри себя.

В тени коридоров, ведущих в машинный отсек «Макбета», Лилия напрягла все чувства и скрывалась в укрытии всякий раз, когда слышала что-нибудь, хоть отдаленно напоминающее шаги. Но никто не приближался. До нее доносились звуки тревоги, проносящиеся по всему кораблю, и Лилия понимала, что генералы и силы безопасности в курсе того, что она натворила.

Они будут винить ее, Лилия знала это. Эрика Симмонс была одной из девяноста восьми старших Основателей, оставшихся с самого начала основания движения. Сначала, вне сомнений, будет траур, но возмездие не заставит себя ждать.

Лилии стало грустно. Она чувствовала себя разбитой от того, что убила женщину, и более того, от этого повредились ее основные программы. Продвижению вперед мешали сбои в системе, перед глазами возникали то черные точки, то яркие вспышки света. Лилия не понимала, что происходит, но внезапно ее озарила поистине ошеломляющая мысль. «Я ведь могу просто отключиться».

Пораженная, разозленная, она попыталась отогнать от себя эту мысль. Времени оставалось все меньше, а они могут выследить ее, наказать и обрушиться на место, из которого она когда-то давно пришла. И война, которую несут Основатели, будет частично виной самой Лилии, того, что она выкрала с «Эвелин-Тью».

Она прикоснулась к красной точке на шее.

«Я снова украла это, – подумала Лилия. – Я вор, вор надежд, но теперь мне нельзя упустить украденное из своих рук».

Восемнадцатью минутами позже Лилия уже покинула «Макбет», перебравшись сначала в десантный корабль, а затем в гиперпространственное судно. Несколько секунд – и она отлетела на десять миллионов миль, готовясь к дальнейшему ускорению.

Но Беатрис Малони не позволит ей скрыться так просто.

Она непременно пошлет за Лилией армию.

13. Джерард Маршалл

Станция «Харон»

Солнечная система, 2692 год н. э., июль

Проснувшись, Джерард Маршалл, как обычно, почувствовал недомогание.

В течение дня он еще был в состоянии справиться с ощущением постоянного движения по орбите, мог закрыть глаза на вредное влияние космических путешествий на его желудок, хотя все вокруг и твердили, что заметить это в принципе невозможно. Также они утверждали, будто искусственная гравитация ничем не отличается от настоящей, чему помогали гасители колебаний и устойчивая поверхность наряду с устройствами, смягчающими перемещения.

Джерард прекрасно знал все это, но не верил ни единому слову. Днем он научился контролировать рвотные позывы, достигнув в этом нелегком деле немалых высот, но ночью сновидения оборачивались кошмарами и брали верх над его разумом. Он видел себя голого, парящего в космосе, чувствовал, как замерзает и задыхается, пока бесконечность медленно высасывает из него жизнь.

Джерард сел на кровати, несколько раз глубоко вздохнул и постарался смахнуть с глаз появившиеся за ночь льдинки. Пустота раскинулась перед его взором. Чтобы успокоиться, Маршалл посмотрел сначала в пол, а затем по сторонам, и почувствовал, как ему стало легче, едва только он заметил на одной из стен фотографии своих детей. Увидел Маршалл и парочку фотографий своей бывшей жены. Она и правда была красива.

«Скорее всего, она и сейчас красавица», – подумал Джерард, но подобные мысли лишь огорчали его, наводя на воспоминания о жене в постели с чертовым пилотом.

Вид их обоих в гробу понравился бы ему куда больше.

Маршалл улыбнулся от понимания того, что, как бы нелепо это ни звучало, но злость помогала справиться с неприятными ощущениями в желудке. Где бы сейчас ни была жена, Маршалл по большей части надеялся, что все у нее было хорошо. Член Совета Тринадцати встретил ее прелестной девушкой и должен был признать, что такой она и оставалась, несмотря на то что была замужем за таким человеком, как он. К тому же она всегда была лучшим, чем он, родителем для двух их замечательных детишек.

Но, ради всего святого, связаться с пилотом...

Маршалл искренне надеялся, что засранца таки сбил какой-нибудь метеорит.

– Кто-нибудь, заберите меня домой! – простонал он, и словно в ответ на его мольбы голубым светом загорелась голограмма, снялась со стены и подплыла к Маршаллу, зависнув в воздухе. На экране загорелись слова: «Джеймс Барклай», и у Джерарда перехватило дыхание. Барклай, один из Совета Тринадцати, был чуть ли не единственным человеком, которого Маршалл по-настоящему боялся.

– Какого черта ему-то нужно? – пробурчал Маршалл.

Экран потемнел, и раздалась непрекращающаяся мелодия. Срочный звонок. Что бы это ни было, но Барклаю действительно нужно было переговорить с коллегой по Совету.

Маршалл пригладил волосы и собрался было уже ответить на звонок, но вовремя осознал, что до сих пор не успел одеться.

Быстро натягивая одежду, Джерард попытался посмеяться над комичностью ситуации, но скорое общение с Барклаем слишком омрачило и до этого не самый положительный настрой. Этому мужчине было всего тридцать, но за свою короткую жизнь он успел умереть уже трижды. В первый раз, при рождении, пуповина чуть не задушила его. Потом еще раз, когда ему было семнадцать лет, и его отец, руководитель «Вейланд-Ютани», сошел с ума на Марсе и застрелил шестерых членов своей семьи. И наконец, в двадцать шесть лет, когда корабль, на котором

он отправился в путешествие, врезался в дрейфующие обломки, которые оказались останками космического зонда, датированного далеким двадцатым веком.

Каждый раз Джеймса возвращали к жизни своевременное вмешательство докторов и лучшие лекарства, которые только можно было раздобыть. Большинство людей считали Барк-лая счастливчиком, но Джерард Маршалл видел в нем человека проклятого и непохожего на остальных. В итоге он сдался в своих попытках узнать, как именно спасся Барклай в тот последний раз, когда все люди на борту погибли, а сам он пробыл в скафандре целых семнадцать дней.

Маршалл оделся, снова пригладил волосы и наконец ответил на звонок.

– А вы не спешили, Джерард, – раздался голос Барклая еще до того, как успело выровняться изображение.

– Я спал, – ответил Маршалл.

– Члены Совета Тринадцати не спят. Только закрывают глаза и дают себе немного отдохнуть.

«И еще они не умирают. Жуткий ублюдок», – подумал Джерард, но улыбнулся и кивнул, пытаясь исправить положение парой приветственных фраз, но Барклай сразу перешел к делу.

– Мы потеряли связь с Милтом МакИлвином, ученым, которого ты отправил для наблюдения за работой Изы Палант.

– Вы общались с ним? – удивился Маршалл. Все в Совете были равны, но тем не менее смотрели на Барклая как на неофициального лидера. Причина крылась в его личности и, конечно, в необычной истории жизни.

– Разумеется, – ответил тот. – То, чем занимаешься ты, важно и для остальных членов Совета, Джерард. Это касается всех нас. Разве не в этом состоял изначальный смысл?

Маршалл нахмурился и покачал головой.

– Что вы имеете в виду под потерей связи?

– МакИлвин высылал мне информацию относительно хода исследований каждый день. Прошло уже четыре дня, как он молчит. Я навел справки и выяснил, что за эти четыре дня не было вообще никаких контактов с «Рощей Любви». Учитывая последние происшествия, я думаю, что пришло время забеспокоиться.

– Полностью согласен с вами, – кивнул Маршалл. За последнее время диверсиям подверглась не только станция «Южные Врата-12». По всей Сфере Людей случилось, по меньшей мере, семнадцать атак, в основном нацеленных против Колониальных морпехов и владений Компании. Вдобавок один из кораблей Косморожденных серьезно пострадал от рук члена экипажа во время патрулирования системы Эддисон-Прайма. Корабль до сих пор плыл в открытом космосе, с несколькими выжившими на борту, все еще ожидающими спасения. Где-то еще, в девятнадцати световых годах друг от друга, были взорваны три орбитальные станции. Случившиеся в практически идеально рассчитанное время взрывы унесли жизни восьмисот морпехов и членов экипажа поддержки.

Базы на спутниках, станции на астероидах, даже тренировочная колония на планете Уитмана – все нападения оказались слишком неожиданными для человечества. И все же, не всем из них довелось закончиться успешно. При нападении на Нью-Лондон террористку успели остановить до того, как ей удалось доставить взрывчатку, отчего взрывом ей удалось убить только себя и уничтожить близлежащий лес. Так или иначе, происшествия посеяли семена недоверия и страха среди жителей Сферы Людей.

– Разве «Седьмой Части» все еще нечего предложить нам? – спросил Маршалл. «Седьмая Часть», спецотряд, собранный из бывших морпехов, подотчетных одной лишь «Вейланд-Ютани», начал свою деятельность около века назад и занимался тем, что противостоял террористическим организациям и вообще любой деятельности, вредившей Компании. Эти люди были известны своей верностью и безжалостностью; порой им хватало силы своей репутации, чтобы подавить возможные возрастающие недовольства.

– Они занимаются ситуацией с самой первой атаки на «Южные Врата-12», – ответил Барклай и пожал плечами. Несвойственная ему нерешительность поразила Маршалла. – И не могут найти связь между происшествиями. Я же уверен, что мы столкнулись с неизвестной группировкой.

– Значит, что-то новенькое.

– И оно появляется как раз тогда, когда активность яутжа достигла критической точки.

– Да, я следил за нападениями.

– Даже не сомневаюсь в этом, – заметил Барклай. – Видел последнее сообщение от «Пустотных Жаворонков»?

– Видел. Но Джонни Мэйнс – один из лучших командиров Исследователей, которые у нас только были, так что не стоит списывать его со счетов раньше времени.

– Не лучшее время для того, чтобы попусту успокаивать себя.

– А я и не успокаиваю, – возразил Маршалл. – Атака на «Рощу Любви» абсолютно бесполезна с военной точки зрения, но в лабораториях Изы и МакИлвина находились два цельных трупа яутжа. И об этом знали все.

– Как, возможно, и сами яутжа.

– Думаете, за всеми нападениями стоят они? Яутжа в союзе с людьми, предавшими нас?

Барклай напряженно сжал губы и наклонился вперед, будто пытаясь подобраться к Маршаллу ближе, не обращая внимания на миллиарды миль, разделявшие их.

– Мы всегда недооценивали их, – начал он. – Ты знаешь это не хуже меня. Они настолько не похожи на нас, что мы и сейчас даже близко не подобрались к пониманию этих существ. Нашему сознанию недоступен даже их общественный строй, без какой-либо политической структуры, и все, что нам удалось накопать, это слабые намеки на некое подобие религии. Для них вся жизнь – охота. Яутжа рождаются, охотясь, живут, преследуя свою жертву, и умирают, убивая. Но вполне может быть, что в них есть что-то еще, о чем мы и не подозреваем.

– Генерал Бассетт ввел военное положение.

– Да, я знаю. Маршалл, нам нужно быть впереди них. Стоит оказаться на шаг позади, и мы рискуем потерять всё. Что бы Иза с МакИлвином ни выяснили в работе с телами яутжа, нам необходима эта информация. Восстанови все, что в твоих силах, но если хоть на секунду засомневаешься в том, полный ли объем информации смог вытащить, сразу отправляй людей на базу, – Барклай остановился, но потом добавил: – У тебя же достаточно средств для этого?

– Конечно! – воскликнул Маршалл, искренне оскорбившись.

– Конечно, – улыбнулся Барклай. – Между нами наблюдается некоторое недопонимание, Джерард. Я знаю, что ты видишь во мне что-то вроде уродя, но, поверь, мои цели ничем не отличаются от твоих. Я хочу выжить и оставаться на этом свете так долго, как только смогу. Я уже трижды умирал и не увидел ничего, абсолютно ничего за пределами того, что есть здесь и сейчас.

Маршалл не нашелся, что сказать, поэтому только кивнул в ответ.

– Держи меня в курсе, – закончил разговор Барклай, его изображение внезапно погасло, и голограмма полетела обратно в свое отверстие в стене.

Маршалл глубоко вздохнул, успокоился и закрыл глаза. Затем проверил свои личные хранилища, куда Иза с МакИлвином пересылали результаты исследований, и нашел множество данных. Множество, но все же недостаточно. Ничего из просмотренного не удивило его – слишком малая часть оказалась новой в изучении пришельцев.

«Все, что нужно, в ее голове, – подумал Джерард. – Именно там Иза хранит свои самые ценные мысли, и я уверен, лучшее из лучшего она оставила только для себя. У МакИлвина там нет никакой власти».

Он проверил еще несколько мест, куда Палант могла загрузить свои открытия, но уже знал, что именно ему придется сделать – ради себя, ради Совета, да и ради самой Изы, если еще оставался хоть малейший шанс, что она выжила.

Маршаллу придется обратиться к Хэлли.

14. Аकोко Хэлли

Станция «Харон»

Солнечная система, 2692 год н. э., июль

Майор Аकोко Хэлли, самый молодой командир Колониальных морпехов, в свои тридцать два года уже стояла во главе Тридцать девятого отряда Косморожденных, прозванных «Дьявольскими Псами». Саму же майора называли Снежной Сукой, и сегодня она оправдывала свое имя больше чем когда-либо.

Хэлли крайне гордилась своим африканским происхождением, но никогда не принимала прозвище за оскорбление, прекрасно понимая, что люди описывали ее характер, а не внешность. Именно ее хладнокровная манера общения с окружающими, невозмутимость при любых стрессовых ситуациях и находчивость обеспечили ей место главнокомандующего самого старого, уважаемого и закаленного в сражениях отряда морпехов.

Но если бы она хоть раз обиделась на свое прозвище, отряд тотчас забыл бы о нем. Пусть Хэлли и была Снежной Сукой, но все солдаты любили ее.

Первый раз за семь лет она вернулась к внешним границам Солнечной системы, надеясь хотя бы немного отдохнуть. Возможно, ей даже удастся побывать на Земле, впервые с тех пор, когда восьмилетняя Хэлли с родителями отправилась к поясу Койпера. Родителей уже давно не стало, но Аकोко пообещала им однажды совершить путешествие в Африку, добраться до их родного города и, возможно, даже глянуть на дом, в котором выросла. Хэлли пронесла свое обещание уже через два с лишним десятка лет, по-настоящему желая исполнить его, – ведь она всегда гордилась тем, что держит свое слово, – но на самом деле, не чувствуя радости от того, что ей придется это сделать, потому что...

Ну, это же Земля. Она перестала быть ее домом.

Единственное место, которое она могла назвать домом, где она ощущала спокойствие, было здесь, рядом с ее отрядом.

– Я говорила о трех часах! – закричала она на сержант-майора Мики Хайка. – Никак не о трех днях!

– Скоро все будет готово, майор.

– Мне так не кажется.

Палуба «С» прогибалась под тяжестью морпехов и их снаряжения. Четыре готовых к отправлению пристыкованных корабля были загружены провизией и оружием, но сами бойцы разбрелись по помещению, слишком расслабленные и спокойные, чтобы лететь на войну. Официального подтверждения еще не поступило, но каждый из них понимал, к чему все движется. В задачу «Дьявольских Псов» входил путь на Эддисон-Прайм, где им предстоит помочь выжившему экипажу фрегата, подвергшемуся нападению предателя, но кроме этого им придется совершить несколько путешествий через норы в сторону Внешнего Кольца.

Хэлли слышала разговоры о том, что, возможно, за всем стояли яутжа, и неизменно вспоминала о своем столкновении с одним из них. Она не могла не уважать этих ублюдков за силу, боевое мастерство, навыки в убийстве врагов, но сама мысль о том, что они организовали согласованную атаку на Сферу Людей... от одной этой мысли Хэлли бросало в дрожь. Впрочем, ее работой было исполнять приказы, а генерал Бассетт выразился предельно ясно.

– Мы будем готовы, – понизив голос, уверил ее Хайк. Аकोко кивнула и слабо улыбнулась. Она знала, что «Псы» подготовятся, а он знал, что знает она. В конце концов, «Дьявольские Псы» еще ни разу не подводили ее.

Хэлли прошла мимо своего отряда, обмениваясь парой фраз то с одним солдатом, то с другим, проверяя снаряжение и униформу, отвешивая налево и направо грубые шуточки.

Многим из мужской половины отряда нравилось иметь командиром привлекательную женщину, но все они знали черту, переступить которую не следовало. Мало кто осмеливался сделать это. Один такой, правда, нашелся. Его звали рядовой Гоув, и на первый раз он отделался сломанным носом.

На руке завибрировало устройство связи, и Хэлли увидела высветившееся изображение и имя. Джерард Маршалл? Она замерла, холод пробежался по всему телу. Вот уже три года, как они не общались, и Хэлли предпочла бы, чтобы так оно продолжалось и впредь, хоть и знала всегда, чем все закончится. Их разговор был лишь вопросом времени с тех пор, как Маршалл прибыл на «Харон». Люди вроде него принимали знание за золото, и чем губительнее оно было, тем лучше для них. Маршалл мог всадить нож ей в спину, когда бы только захотел, к тому же таким людям, как он, всегда что-то требовалось.

Хэлли получила ранение в одной из первых своих боевых симуляций. Пришлось вытащить межпозвоночный диск из спины, и ей сразу выписали фрэйл, чтобы унять мучительные боли. Все бы хорошо, но Хэлли входила в семь десятых процента населения, кто еще страдал от привыкания к препарату, и Аकोко никому не рассказывала об этом. Но со временем зависимость поглотила ее. Теперь майор уже и подумать не могла о чем-то другом, кроме как найти новую дозу.

Каждым следующим утром ее первой мыслью становился вопрос: «Где достать еще фрэйла?», а карьера постепенно скатывалась по наклонной, пока не повисла на волоске. Наркоманы исключались из Колониальных морпехов еще быстрее, чем те, чья физическая форма считалась неподходящей, или нерасположенные к космическим путешествиям, или даже те, кто морально не был готов смотреть на убийства и убивать сам.

Хэлли помог человек из окружения Маршалла, а сам Джерард был из тех, кто, зная чужие тайны, держал язык за зубами. Он никогда не крутился вокруг Аकोко, не бросал в ее сторону многозначительных взглядов, но майора не покидало ощущение, что Маршалл постоянно где-то поблизости. Тем не менее директор никогда не упоминал о зависимости даже в разговорах с ней самой, так что у Хэлли не было поводов назвать его поведение шантажом. Но он знал. И этого хватало, чтобы постоянно оставаться в его тени. Джерард Маршалл мог уничтожить ее в любую минуту, и Хэлли прекрасно осознавала, что если придет такое время, он не станет колебаться.

Она нажала на устройство связи.

– Маршалл. По правде говоря, сейчас я немного занята.

– Но не настолько, чтобы не выделить пару минут на встречу со мной, я надеюсь?

– Встречу?

– У меня кое-что есть для тебя. Миссия. Я в седьмом отсеке, на четырнадцатом уровне. Тебя встретят у лифта.

– Но я готовлюсь к...

– Я обо всем договорюсь с генералом Бассеттом еще до того, как ты прибудешь сюда.

– Маршалл, я действительно не могу вот так просто все бросить, – сказала Хэлли, понимая, что начинает вести себя бесцеремонно.

– Майор, это связано с твоими приготовлениями. «Дьявольские Псы» смогут справиться со спасательной операцией и без тебя, а ты нужна мне для куда более важного дела. Поднимайся, и мы все обсудим.

Хэлли отвернулась от экрана, чтобы собеседник не мог видеть ее лицо с пылающими от гнева глазами. Но было в ее взгляде и еще кое-что. Страх. Страх, который выползал наружу при виде Маршалла, стоило только услышать его голос. Ей становилось плохо от любого намека на ее прошлую зависимость и понимания того, к каким последствиям она могла привести.

Хайк встретился с ней взглядом. «Что?» – прочитала она по его губам. Хэлли лишь покачала головой в ответ и снова посмотрела на экран.

– Я отправляюсь на миссию меньше чем через час. Могу уделить вам десять минут.

– Пока ты идешь, я приготовлю кофе.

Ничего не ответив, Аकोко отключила связь и зашагала через палубу. Увидев командира, отряд тотчас возобновлял прилежную деятельность, и когда Хэлли подошла к лифтам, ее бойцы уже спешили к посадочным трапам.

Снова зазвенело ее устройство связи. На этот раз Хэлли увидела на экране имя Хайка.

– Командир?

– Продолжайте, Мики. Меня хочет видеть Маршалл.

– Тот самый, из Совета Тринадцати? Что ему нужно?

– Говорит, я что-то должна для него сделать. Без понятия. Следи за тем, чтобы отряд не медлил, а я скоро вернусь.

Хэлли отключилась и посмотрела на Хайка, кивнув ему перед тем, как зайти в лифт. Пробормотав место, куда она направляется, Хэлли слегка качнулась, когда лифт отправился в путь.

«Я ничего ему не должна. Здесь сила есть только у меня. У меня», – подумала Аकोко и гордо выпрямилась, пока лифт нес ее на палубу шаттла.

Через пятнадцать минут Хэлли уже стояла перед рабочим столом Маршалла, отказавшись присесть и перебирая в голове любые возможности отказаться от миссии, которую предлагал ей Джерард.

– Я не из спецотряда, Маршалл. Не Исследователь, даже не специалист по расследованиям. Я майор морпехов, и под моим командованием числится почти семь тысяч солдат. А вы хотите, чтобы я отправилась спасать ученого, который, скорее всего, уже давно погиб?

– Мы не уверены в этом до конца. А ее исследования стоят дороже всего остального.

– Да, конечно. Только давайте не будем все смешивать с этикой вашей Компании.

– Все, что мы делаем, – во благо человечества, – искренне удивился Маршалл.

Хэлли презрительно фыркнула. Как же она ненавидела разговаривать с людьми, подобными Маршаллу! Всеми этими гражданскими, не имевшими ни малейшего права руководить ею, людьми, перед которыми Хэлли не обязана была стоять в стойке «смирно» или обращаться к ним «сэр». Но отрицать тот факт, что Маршалл входит в Совет Тринадцати, было просто глупо. И если с тем, что он был одним из самых могущественных обитателей Сферы Людей, еще можно было поспорить, то не согласиться с тем, что этот тип подобрался к ним совсем близко, было очень, очень сложно.

– Это важно! – повышая голос, жестко сказал Маршалл. – Если ты действительно собираешься отправиться на войну со своим отрядом, то должна понимать: исследования Изы Палант могут сделать ее намного короче и менее затратной.

– Но почему именно я?

– Потому что я доверяю тебе.

– Потому что вы можете заставить меня, – Хэлли уставилась на Маршалла, боясь отвести взгляд.

– Мне нужен кто-то, кому я могу доверять, – настаивал он.

– А доверять вы мне можете потому, что?..

– Какие слова вы пытаетесь вытащить из меня, майор?

– Мы оба знаем, что за информация обо мне у вас есть, – проворчала Хэлли, разозленная и в то же время испуганная. Он не сказал ни слова, даже не намекнул, все для себя она выдумала сама, но может, именно поэтому Джерард Маршалл и был настолько хорошим политиком. Каким-то образом он умел заставить остальных осуждать самих себя.

– Я не могу принудить тебя сделать это, – признал Маршалл. – Хотя я и не военный, но уже все уладил с генералом Бассеттом. Он не против того, что ты возьмешь один из кораблей

класса «Молния», его уже готовят к отправлению. Не настолько быстрый, как корабли Исследователей, но тоже довольно неплох. Мои ребята вычислили курс, учитывая координаты нор и время путешествия, загрузив все данные в компьютер корабля. Вместе с тремя перелетами через норы на полет до LV-1529 уйдет сорок восемь дней. Не самый легкий маршрут, и он не пощадит ни твое тело, ни разум. Поэтому подбери небольшую, но надежную команду. Прими эту миссию как важнейшую задачу для себя. Дело не в том, могу я заставить тебя отправиться туда или нет, и даже не в том, есть ли у меня на тебя компромат, Хэлли. Миссия – вот что важно. Забудь о том, что важно для тебя, и начни думать о том, что важно для всех остальных людей.

– Так этим вы и занимаетесь? Вы и остальные члены Совета Тринадцати?

– Постоянно, – ответил Маршалл. Откинувшись в кресле, он свысока посмотрел на Хэлли, всем своим видом показывая, кто именно был здесь начальником.

Сказать уже было нечего, поэтому Аकोко кивнула и развернулась, чтобы выйти из его роскошного кабинета.

– Хэлли? – окликнул ее Маршалл. – Я буду ждать твои отчеты раз в сутки.

– Разумеется, – ответила майор, не поворачиваясь. Покинув помещение, она зашагала по коридору, стараясь не выказать ни одной эмоции. Она знала, что Маршалл все еще наблюдает за ней.

Уже который год, Хэлли была в этом уверена, Маршалл не спускает с нее глаз.

– Особая миссия? Он что, думает, мы какие-нибудь Исследователи?

– Я получила подтверждение от генерала Бассетта по дороге обратно, – пожала плечами Хэлли.

– Какой корабль нам отдают?

– «Пикси».

– Вы шутите.

– Я похожа на клоуна? – она посмотрела на Хайка самым своим суровым взглядом, что было нетрудно, и тот разразился смехом.

– Вас что-то забавляет, сержант-майор?

Он вытер глаза и покачал головой.

– Мики, нам вместе нужно собрать команду. Ты, я и еще четверо. Я подумала о Насис на место пилота и Бествике на связь. А еще...

– Шпренкель и Гоув?

– Да, отлично, – улыбнувшись, кивнула Хэлли. – Все мы знаем, что Гоув от меня просто без ума. Собери их и вели подготовить свое снаряжение. Встретимся в шестом ангаре, скажем... – она посмотрела на запястье, – ...через час.

Хайк отдал честь и побежал через палубу. Проводив его взглядом, Хэлли осмотрела помещение.

Вот что она действительно любила. Суeta тысяч морпехов, готовящихся к отправке, звуки машин, везущих последнее снаряжение прямо на корабль. Везде слышались взволнованные подшучивания, откуда-то доносятся слова «Снежная Сука», брошенные одним из тех, на кого опускается взгляд Хэлли. Целое море из униформы, наводнившее палубу, и лица, многие из которых ей были уже знакомы, а с некоторыми еще только предстояло познакомиться. Именно к этому ее готовили, и именно без этого она не сможет существовать.

Несмотря на молодость, Хэлли относилась к каждому из этих Колониальных морпехов как к родному, заботилась о них так, как когда-нибудь, возможно, позаботится о своем собственном ребенке.

Небольшие секретные миссии были уделом перешептываний в закусных и сплетен в столовых, и совсем не приходились Хэлли по душе.

Но, кажется, приказы изменились.

Конечно же, она спросила генерала, почему обязана выполнить просьбу Маршалла. Ответ Бассетта, хоть и шокировал ее, но тем не менее положил конец дальнейшим возражениям.

– Все мы теперь люди Компании.

15. Джонни Мэйнс

Поселение яутжа, обозначенное UMF 12

Где-то за пределами Внешнего Кольца, 2692 год н. э., июль

Джонни Мэйнс играл в лесу, который раскинулся невдалеке от их дома, если спуститься по дороге и перейти поле и ручеек. В месте, где порой еще виднелись отголоски старой войны. На дворе стояла осень, и вокруг мальчика кружились меняющие окраску листья, а рядом с ним лежали уже почти полностью проржавевшие останки металлического сооружения, когда-то упавшие с неба. Отец сказал Джонни, что когда-то давно это было боевым дроном.

Уже трудно было распознать, к какой из сторон принадлежал этот механизм: вся краска осыпалась и уступила место ржавчине. Кое-какие части разобрали на сувениры, другие отвалились сами под гнетом времени. Кто знает, может, этим останкам перевалило за сто лет. Но Джонни это совершенно не заботило, ведь в детстве любая вещь кажется волшебной. К тому же конкретно эта была проводником в прошлое, таким осязаемым, что, дотронувшись до нее, можно было ощутить эхо давным-давно выигранных и проигранных битв.

«Я стану солдатом, – решил тогда Джонни, держа одну руку на металле, а второй прикрывая глаза от солнечного света, прорывающегося сквозь пестрые деревья. – Точь-в-точь как мой папа».

Отец покинул их несколькими годами ранее, и Джонни едва помнил его. Не считать же воспоминаниями громадную тень, источающую запахи пота, алкоголя и лосьона после бритья. Мама твердила Джонни, что отец никогда не вернется, но мальчик не переставал надеяться. Ведь даже такие мертвые куски металла, как найденные останки дрона, хранили в себе отголоски прошлого.

– Джонни, – послышался чей-то очень близкий голос. – Возвращайся.

Мальчик осмотрелся вокруг и помрачнел, прислушиваясь к зовущему его голосу... матери? Да нет, ерунда! Он просто не мог услышать ее, ведь их дом почти в миле от леса – через поляну и дорогу, через ручей и...

– Джонни!

Кто-то влепил ему пощечину, заставляя подпрыгнуть на месте. Исчезли осенние деревья и приятная прохлада, освежавшая кожу, а потом Мэйнс увидел перед собой Лидер и Сноуден.

– Лейтенант! – воскликнула Сноуден. – Нам нужно поспешить. Трое наступают.

Пусть и со стоном, но Мэйнсу все-таки удалось сесть. Он огляделся, посмотрел на присевших перед ним Лидер и Сноуден, взглянул на сидевшего недалеко от них Фолкнера с дефендером в руках. У неровной стены, напоминающей карстовую породу, расположилась Котронис, опустив голову на грудь. Возможно, она была уже мертва. Троссы, предотвратившие падение морпехов, отсоединились от костюмов и теперь свисали сверху, словно паутина.

Земля под ними затряслась. С поверхности вверх взмыл песок, закрывая обзорные стекла шлемов. Со всех сторон понесся непрекращающийся рев.

– Все в порядке? – спросил Мэйнс, одновременно запросив компьютер о состоянии своего костюма и любых повреждениях тела. Синяк на левом плече, растяжение связок левого колена и ушиб головы от падения. Костюм взял на себя большую часть последствий от столкновения с землей, но спасти его владельца надо было не от этого: пусть тросы и смягчили их падение, но, кажется, взрыв «Вола» серьезно помешал прыжку.

– Синяки да ушибы, – сказала Лидер. – А вот капрал не в лучшей форме.

– Я в порядке! – крикнула Котронис. – Ташила ведь дефендер всю дорогу, разве нет? – она подняла голову и улыбнулась побелевшими губами.

Мэйнс обрадовался, услышав старую добрую Котронис, пусть и выглядела она уже совсем не так, как раньше.

– Выходы наружу оснащены атмосферными щитами, – доложила Лидер, – но воздух здесь содержит лишь пятнадцать процентов кислорода, а все остальное состоит из микроэлементов. Дышать можно не больше нескольких минут.

– Костюмы у всех целы?

– Мы в порядке.

Обзор поля боя снова заработал, и Мэйнс уловил приближающуюся опасность. Три яутжа надвигались на людей с разных сторон. Ближайший к ним был примерно в четырех минутах бега, так что морпехам оставалось достаточно времени на подготовку. А вот времени на то, чтобы найти ответы на вопросы, путающие и без того сбитый с толку разум, не было совсем. А вопросов хватало. Насколько серьезные повреждения поселению нанес взрыв «Вола»? Какова планировка этого огромного инопланетного места? Сколько яутжа находится здесь? Куда направились те корабли и зачем?

Костюмы оснащались каналами связи, позволявшими переговариваться друг с другом из самых разных уголков UMF 12, а вот от всего прочего человечества «Жаворонки» были отрезаны. Попробуй они отослать сообщение со своих базовых передатчиков, и на то, чтобы послание достигло хотя бы Внешнего Кольца, уйдут годы.

– Так, народ, будем защищаться, – сказал Мэйнс. – Слишком рано продвигаться вперед, не имея и малейшего понятия ни о том, что здесь расположено, ни о том, что вообще происходит. Кроме этих троих пока не видно других источников угрозы, так что давайте сперва расправимся с ними, а потом сходим на разведку и выясним, насколько глубока задница, в которой мы с вами очутились.

Лейтенант поднялся на ноги, и земля под ним снова пришла в движение. Казалось, все окружение принадлежало скорее планете, а не искусственному кораблю. Пол и стены были словно высечены в темной скале, причем без единого угла и прямых линий. Отовсюду капала вода, образуя блестящие ручейки, сбегавшие в расселины на поверхности. Вокруг царил тяжелый, горячий и невероятно влажный воздух, от температуры которого их спасала лишь система климат-контроля, встроенная в боевые костюмы. Но даже несмотря на это, с каждым вздохом маска Мэйнса запотевала, затуманивая обзор.

Снаружи было очень, очень жарко.

– Фолкнер, Лидер, вперед на тридцать ярдов, спрячьтесь и ждите. Котронис, тебе придется обосноваться здесь. Сноуден, ты вместе со мной на десять ярдов в другую сторону.

– Но я хочу... – начала Котронис.

– Капрал, если хоть одна из тех тварей прорвется сквозь нас, ты будешь здесь и поможешь защитить другой фланг, – тон Мэйнса ясно говорил о том, что офицер не потерпит возражений, а времени на обсуждение у него нет и подавно. В считанные минуты один из яутжа настигнет «Жаворонков». На станции «Южные Врата-12» их отряд был целым и подготовленным, но, выступив все вместе против лишь двоих охотников, они потеряли Уиллиса и Рейнольдс. Сейчас же, ослабленные и в меньшем количестве, они находились на родной земле противника. Расклад выдался еще хуже, чем в прошлый раз.

– Поняла, Джонни, – ответила Котронис.

– Отлично. Все отключаем фонари на костюмах и переходим в инфракрасный режим. Маскируемся.

Тотчас, среагировав на мысленный приказ Мэйнса, компьютер перешел в режим невидимости. Созданная на основе захваченных технологий яутжа, система маскировки была громоздкой и вплеталась в каждую частичку костюма, но оправдывала каждый свой грамм. Направившись со Сноуден к неровному туннелю, Мэйнс заметил, как ее тень замерцала перед ним. Он убедился, что компьютер настроился на частоты, позволяющие ему видеть каждого из сво-

его отряда, в то время как для остальных они слились с темным, влажным, каменистым окружением.

– Здесь, – сказала Сноуден, когда они добрались до туннеля с высоким потолком и вогнутым полом, спускающимся на несколько ярдов вглубь, где Мэйнс заметил, по крайней мере, еще шесть туннелей. На дальней стене виднелось какое-то устройство, но Мэйнс не мог разобрать, что именно это было. Компьютер просканировал его, но так же тщетно. Технологии стремительно развивались и изменялись, чрезвычайно различаясь от места к месту, будто их улучшение происходило независимо друг от друга. С каждым новым открытием возникало лишь еще больше вопросов.

Вот почему Мэйнс не мог до конца полагаться на свою систему маскировки. Рожденная самими яутжа, она была украдена у них и объявлена детищем «АрмоТеха», и в итоге воспроизведена в лаборатории людьми, которым никогда бы не пришлось использовать систему в реальной жизни. Она действительно помогала в бою, но Мэйнс никогда бы не поставил свою жизнь лишь на эту технологию. Яутжа были слишком умны и слишком непостижимы.

– Просто пройдем внутрь туннеля? – спросила Сноуден.

– Да, именно так. Не очень близко друг к другу, но и не расходимся далеко.

На экране появилась красная точка – один яутжа направлялся прямо к ним, еще один был где-то над ними, а третий позади. Внутреннее строение казалось достаточно сложным, поэтому было трудно распознать, откуда ждать пришельцев. Было ясно одно: любой из них окажется рядом в считанные секунды.

Мэйнс и Сноуден присели и взяли винтовки на изготовку. Джонни остановил свой выбор на нанозарядах широкого действия, уже убедившись, насколько хороши они бывают в бою.

Позади них раздался свистящий треск от дефендера – адской машины, стреляющей тысячами электрических нитей, способных разорвать на кусочки любое живое существо в пределах досягаемости огня. Окружающее закрытое пространство превращало дефендер в еще более страшное оружие. Мэйнс посмотрел на экран и увидел Котронис, сражающуюся с одним яутжа. Еще три выстрела из дефендера, пронзительный вопль и облегчение в голосе Фолкнера:

– С одним разобрались.

Времени ответить не было: к Мэйнсу из темноты коридора неслись яутжа, быстро взбираясь по склону. Лейтенант не спешил атаковать, а вот Сноуден не сдержалась, и в воздух в поисках цели устремились нанозаряды, полыхнув сотнями взрывов. Костюм Мэйнса затуманил обзор, оберегая зрение – в инфракрасном свете взрывы ослепляли. Яутжа отпрыгнул в сторону и проскользил по полу, оставляя за собой след из светящейся крови.

Мэйнс прицелился в пришельца, положив палец на спуск.

Бластер яутжа разразился градом выстрелов. Когда Мэйнс резко увернулся от опасности, его умный костюм предельно поднял степень защиты. Вовремя – заряд попал в потолок, и между Мэйнсом и Сноуден обрушилась куча острых камней, дробя пол. Следом загредел камень потяжелее. Мэйнс услышал, как тяжело вздохнула Сноуден, и сквозь дымку увидел, как отключается ее система маскировки.

Но это уже не имело значения: яутжа и так знал, что они были здесь, и как только Мэйнс упал наземь и пополз под рушащимся потолком, пришелец возник в проходе перед ним. Ростом в девять футов, массивный, частично вооруженный и полностью увешанный трофеями самых своих значимых побед – длинные золотистые когти, челюсть, усыпанная множеством клыков, череп ксеноморфа; все его существо светилось свежей кровью, а боевой костюм искрился лучами странной энергии.

Яутжа издал устрашающий крик, приближаясь к Мэйнсу, и набросился на него с тяжелым копьем.

Мэйнс поднял винтовку и отразил удар, а потом, улучив мгновение, отполз назад в более широкую часть коридора. Посмотрел на экран, пытаясь отыскать Сноуден, но увидел лишь помехи.

Яутжа скользнул под падающим потолком и снова нагнал Мэйнса, размахивая копьем, наконечник которого тускло светился в темноте. Сверкающее оружие ударило Мэйнса прямо в грудь, и хотя костюм отразил удар, лейтенанта отбросило на спину. Загорелось предупреждение, и Мэйнс ощутил себя беспомощным, перевернутым на спину жуком: винтовка в ее текущем режиме на таком близком расстоянии была бесполезна, а пока он менял программу, яутжа уже возник над ним, напряженно стиснув челюсти и поднимая копы для смертельного удара.

Яркая вспышка света, и туловище чужого упало назад, а его отрезанная голова ударила Мэйнса в живот. Костюм морпеха не уловил в этом угрозы и не затвердел. Лейтенант глухо вздохнул от боли и перевернулся на бок, отбрасывая голову в сторону. Та, прокатившись немного, остановилась, уставившись на Мэйнса через маску шлема. Возможно, поверженный враг до сих пор все видел.

Опуская лазерный пистолет, рядом с ним оказалась Сноуден.

– Фолкнер и Лидер сражаются еще с двумя, – сообщила она, протягивая руку, чтобы помочь лейтенанту встать. Через минуту они вместе бежали обратно по туннелю.

Мэйнс проверил состояние костюма и не нашел никаких повреждений.

– Сноуден, ты в порядке?

– Немного досталось, – ответила та, хотя заметно этого не было. Она бежала как истинный Исследователь, спешащий на помощь друзьям, в предвкушении борьбы с врагом.

Котронис кивнула им, когда они пробежали мимо, направляясь в сторону звуков сражения, вспышек, рева и криков. Мэйнс снова услышал выстрелы из дефендера, когда они завернули за угол, где целая стена распадалась на куски и в воздухе стояла густая взвесь из дыма и песка. Где-то там были Фолкнер и Лидер.

Морпехи оказались на пересечении трех туннелей. В нескольких шагах от них лежали два яутжа. От одного из них не осталось практически ничего, кроме кровавой массы, а второй еще извивался по полу, разбрызгивая во все стороны необычную зеленую кровь. Стены частично разрушились, и весь туннель теперь был испещрен дырами, а воздух заполнился летающим песком.

– Не дай запустить самоуничтожение! – крикнул Мэйнс.

– Думаешь, он станет делать это здесь, внутри собственного дома? – спросила Лидер.

– Нам нельзя рисковать!

Лидер кивнула и помчалась вперед, направив ствол винтовки в лежащий перед ней туннель. Пробегая мимо умирающего яутжа, она подняла лазерный пистолет и добила врага.

Загорелся третий туннель, и маска шлема Мэйнса автоматически затемнилась. Тут же вокруг морпехов загрохотали взрывчатые заряды. Пол под ногами Фолкнера неожиданно вздыбился, так что того подбросило, жестко приложив о стену. Мэйнс услышал какой-то треск.

– Там остался только один? – спросил он, и Лидер утвердительно кивнула в ответ.

– Но он готовится к серьезному удару, – добавила она.

– Как и мы.

Как только Мэйнс открыл огонь, к нему присоединились остальные «Жаворонки», освещая туннель нанозарядами, лазерными лучами и плазменными взрывами. Через три секунды лейтенант подал сигнал о прекращении огня, и они присели в туннеле, ожидая, пока рассеется дым.

По стенам стекал расплавленный камень, по всему помещению летала пыль, отражая свет пламени, а несколько рассеявшихся нанозарядов мерцали в темноте, взрываясь с яркими вспышками.

Мэйнс послал инструкции одному из своих дронов, тот отсоединился от костюма и полетел через разрушения. Лейтенант подключился к экранам дрона и проверил его питание, одновременно вооружаясь. Инфракрасный режим сбоил из-за жара плазменных взрывов, и он переключился на обычное зрение, только теперь заметив пожары вокруг себя. Дрон двигался медленно, поворачивая свою маленькую камеру то вправо, то влево. Пол был сплошь в воронках и глубоких разломах, стены потрескались, а потолок покрыл расплавленный камень, застывший в самых причудливых формах.

И никаких признаков яутжа.

– Будьте внимательны, – прошептал Мэйнс, понимая, что в нападении не было никакой необходимости. Он проверил датчики движения на своем костюме, но засек только себя и остальных Исследователей. Но они всё еще были в лабиринте, и Мэйнс не мог позволить себе полностью довериться датчикам. Снова посмотрев на картинку, передаваемую дроном, он увидел, как освещенный последствиями битвы туннель стремительно темнеет.

– Кажется, цель исчезла, и...

Неясная тень, взмах когтистой руки – и трансляция прекратилась.

– Сукин ты сын, – прошептал Мэйнс. Он послал сигнал на саморазрушение дрона, но яутжа, скорее всего, уже уничтожил его, сломав все системы. – Фолкнер, Сноуден, ждите здесь. Лидер, со мной.

Переключив винтовку в режим подачи плазмы, Мэйнс понесся в разрушенный туннель. Лидер бежала чуть позади него.

Спустя двадцать ярдов сплошного пламени и изуродованных стен датчики боевых костюмов все еще не показывали никаких признаков движения. Даже когда громадный яутжа выпрыгнул прямо перед лейтенантом, они так ничего и не уловили.

Мэйнс застыл на месте.

– Ложись! – крикнула Лидер, и он упал на бок. Яутжа взмахнул двумя тяжелыми клинками, по одному в каждой руке, и Мэйнс услышал, как они просвистели в воздухе.

Лидер открыла огонь. Попав в одно из лезвий, выстрел срикошетил в стену. Плавающий металл попал яутжа на грудь, отчего пришелец взревел и, схватившись одной рукой за раненое место, осыпал Лидер выстрелами плазменной пушки.

Мэйнс перевернулся на спину и сделал один-единственный снайперский выстрел. Плазменный заряд угодил аккуратно под подбородок яутжа и пробил череп насквозь. Издав глубокий, печальный вздох, противник тяжело опустился на землю рядом с лейтенантом.

– Проверьте, нет ли кого еще, – сказал Мэйнс.

– Только этим и занимаюсь, лейтенант, – отозвалась Котронис, – но на моих датчиках ничего нет. Хотя они и до этого себя странно вели – то включались, то выключались.

– Должно быть, твари разработали новую систему маскировки, – присоединился к разговору Фолкнер.

– У вас все нормально? – спросил его Мэйнс.

– Моя винтовка разломилась пополам. В придачу к разбитому самолюбию.

– Зря ты так. Мы отлично справились, – Джонни тяжело дышал, пока Лидер помогала ему подняться, подержав его руку чуть дольше, прежде чем отпустить. Они улыбнулись друг другу, но неожиданно Мэйнсом овладели мрачные мысли. «Все это лишь вопрос времени», – подумал он. Они совершили аварийную посадку на землю яутжа, их корабль взорвался, и всего лишь в течение часа они отразили нападение уже четырех пришельцев. Сколько еще придут по их душу? И насколько хватит боеприпасов?

Сколько вообще им еще будет везти?

– Лейтенант, тебе нужно это увидеть, – сказала Котронис. – Всем вам. Передаю картинку.

Она отправила изображение с одного из своих дронов, и все удивленно вздохнули, увидев происходящее на экране.

Дрон летел через туннели к расширяющейся, центральной части поселения и остановился под навесом, показывая открывшийся ему вид: помещение, напоминающее пещеру с множеством грубо пробитых туннелей. Почти в милю шириной и в две длины, оно настолько слабо освещалось, что дрону пришлось переключиться на инфракрасный режим.

Поверхность помещения была сплошь усыпана скалистыми холмами, испещрена темными ущельями и другими, еще более необычными отметинами. Также здесь была искусственная гравитация, лишь частично построенная на центробежной силе, видимо, яутжа раскрыли новый, неизвестный человечеству способ создавать условия, близкие к привычным для них. Все это означало лишь одно: вся внутренняя поверхность была обитаема.

Тут и там виднелись здания – небольшие одиночные строения, отличающиеся друг от друга внешним видом и высотой и будто растущие из неровной поверхности. К некоторым из них примыкали корабли пришельцев, также все разной формы и размера. Но кое-что общее и у кораблей, и у построек все-таки имелось: все они не были рассчитаны на то, чтобы вместить группу, и уж тем более сообщество яутжа. Нет, эти охотники явно были одиночками. Пусть они и проживали на одной огромной общей земле, но жили все раздельно.

– Как думаешь, сколько их? – спросила Лидер.

– Не так много, как я боялась, – ответила Котронис.

– Ага, но намного больше, чем нам того хотелось бы, – подытожил Фолкнер.

Пол под их ногами снова слегка качнулся, но Мэйнс не был до конца уверен, что почувствовал это движение, пока не взглянул на остальных и не понял, что они тоже ощутили вибрации.

– Возможно, взрыв «Вола» нанес больше повреждений, чем мы думали, – сказала Лидер. – Отлично, а то день обещал быть скучноватым.

– Сноуден, что ты думаешь? – поинтересовался Мэйнс.

– Думаю, что мы творим историю, – откликнулась она. – Насколько мне известно, мы первые люди на земле яутжа. И еще: те четверо, напавшие на нас... лишь их несогласованное нападение позволило нам победить их. Каждый из них действовал в одиночку, и, судя по всем известным данным, это именно то, что заложено в яутжа природой. Временами их можно встретить парами, даже тройками, как тогда, на станции «Южные Врата-12», но это необычное поведение яутжа. Возможно, какая-то форма родительского воспитания, приучения детей к охоте. Или процесс посвящения. А это место кажется весьма обустроенным, будто они здесь уже очень давно.

– Но многие корабли все же покинули его, – заметил Мэйнс.

– Да, и еще больше пристыкованы снаружи, на тех стоянках, – согласилась Котронис. – Может быть, там их готовят к полету?

– Точно, – сказал лейтенант. – И это значит, что нам нужно выкрасть один из них.

Кто-то из бойцов не сумел сдержать громкого вздоха изумления, но Мэйнс не уловил, кто именно.

– Лидер? – спросила Котронис.

– Я не знаю, – не сразу ответила пилот.

– Ты единственная из нас, у кого есть хоть малейшая надежда справиться с кораблем, – вмешался Мэйнс. – И, как мне кажется, это наша единственная возможность выбраться отсюда.

– Я сделаю все от меня зависящее, – отозвалась Лидер. – Котронис, возможно, поможет мне перевести управление. Но, Джонни... никто до этого еще не делал ничего подобного. Да, мы захватили кое-что из их арсенала, доставили ученым парочку тел, но ничего существенного. Каждый их корабль создается исключительно для одного хозяина, а потому уникален и неповторим.

– Я знаю, – согласился Мэйнс. – Рискованный план, но нам нужно постараться выжить.

Пол снова затрясся, поднимая в воздух клубы пыли.

– Если, конечно, эту штуку не разорвет к чертям. Итак, план таков. Котронис, отзывай свой дрон назад. Не забывайте, что эти ублюдки в курсе того, что мы здесь и что мы, возможно, только что расправились с четырьмя их приятелями.

– Значит, их молчание не сулит ничего хорошего, – сказала Котронис.

– Затишье перед бурей, – добавила Сноуден. – Они уже готовятся выйти на охоту.

16. Джерард Маршалл

Станция «Харон»

Солнечная система, 2692 год н. э., июль

Станция была безопасным местом. Джерард Маршалл знал это. Сам генерал Бассетт проживал на «Хароне» большую часть времени, к тому же здесь уже более века располагалась штаб-квартира Колониальных морпехов. И за все это время на станции не погиб и даже не был ранен ни один человек. Это при том, что космос – крайне опасное место. Одним словом, если бы Маршаллу пришлось выбирать самое безопасное место в Сфере Людей, где можно пересидеть надвигающуюся войну, то «Харон» занял бы одну из ведущих позиций в его личном рейтинге.

Именно поэтому известия о неудавшемся саботаже заставили сердце Джерарда биться намного чаще обычного.

Военные задержали сотрудника станционной техподдержки с бомбой на пути к одному из отсеков с боеприпасами, расположенному снаружи «Харона». Отсек находился достаточно далеко от основной части станции, но до Маршалла дошли слухи, что если бы тому парню удалось задуманное, то взрыв оставил бы от сооружения лишь рожки да ножки. А людей, достаточно удачливых, чтобы не погибнуть на месте, унесло бы в космос, где их ждала мучительная смерть от удушья.

Саботажник успешно прошел три уровня автоматической защиты и был задержан лишь охранниками. Они заметили его взволнованность, допросили на месте и застрелили, когда тот поднял пистолет.

Бомбу, которую он нес, все еще изучали, но относительно ее происхождения вопросов уже не возникало. Явная самоделка.

Маршалл залпом осушил стакан односолодового виски и уставился в окно. Глубокий космос, усыпанный звездами. Поговаривали, что древние люди, смотря в космос, представляли его темным покрывалом с множеством дырочек, и в каком-то смысле, по мнению Маршалла, они были правы. Настоящими дырочками стали норы, и сотворил их человек. Ему казалось, что звезды, на которые он смотрел, потухли уже давным-давно, и на него снова обрушилась вся чудовищность размеров космоса.

Маршалл был обычным ребенком с обычными желаниями. Его мама работала медсестрой на станции околоземной орбиты, а отец – военным преподавателем физкультуры. До того как ему исполнилось пятнадцать, Джерард был обычным мальчишкой, который жить не мог без вещей, которые нравились всем обычным мальчишкам. Он играл в нуль-гравитационный футбол, пел в группе, любил учиться и каждый раз застывал как вкопанный при виде Дженни Энн Фрэнсис в бикини. А потом к его родителям пришел человек с предложением из «Вейланд-Ютани». Рассказанное той женщиной распалило фантазию Маршалла не на шутку, а родители не посчитали нужным умерить этот пыл. Они видели лишь возможность отличной карьеры в Компании, маячившую перед их сыном. Не каждому выпадал такой случай, и Маршалл с радостью ухватился за предложение обеими руками.

Через семь лет он уже был помощником одного из членов Совета Тринадцати.

Еще через семь лет умер его начальник, и Маршалла без колебаний сделали его преемником. От подмастерья до одного из самых могущественных людей Сферы всего за четырнадцать лет! И как вы думаете, чему именно Джерард Маршалл приписывал свой успех?

Ответ прост. Плевать ему было на всех и каждого.

Вообще-то, это было не совсем так. Секрет его успеха крылся в том, что Маршалл умел убедить остальных в том, что ему как раз таки не наплевать на всех и каждого.

Но на самом-то деле он был законченным эгоистом.

Поэтому, когда изображение генерала Бассетта появилось на экране, запрашивая ответ на звонок, Маршалл допил остатки виски и придал своему лицу обеспокоенное выражение.

– Джерард, – начал Бассетт. – Полагаю, отряд с вашей миссией отбыл без происшествий?

– Все верно, Хэлли со своими людьми отправились несколько часов назад, – подтвердил Маршалл. – Seriously, Пол, я сожалею, что пришлось оторвать ее от своих обязанностей, но... вы же понимаете.

– Никаких проблем.

– И за то, что вы одолжили ей «Пикси», моя вам вечная благодарность.

Генерал лишь отмахнулся от его слов. Бассетт выглядел взволнованно, а к такому виду старика Маршалл не привык, отчего начал беспокоиться по-настоящему.

– Значит, попытка саботажа? – начал он, но генерал прервал его.

– Это дело рассматривается. Я волнуюсь из-за того, что оно может быть связано с тем, о чем мне нужно тебе сообщить. Пришла кое-какая информация, которую следует передать остальным членам Совета Тринадцати.

– Это связано с террористическими действиями?

– Это связано с яутжа.

Маршалла обдало холодом. До сих пор он верил, что все разговоры о войне, подготовки, гудящая неясная деятельность по всей станции были напрасны. Яутжа не были цивилизацией, склонной к войнам. Едва ли они вообще были цивилизацией. Высокий уровень технологий вызывал сомнения, но сам Маршалл не удивился бы, узнав, что их оружие, корабли и боевое искусство были каким-то образом переняты или украдены у другой инопланетной расы.

– Атаки? – спросил он.

– Случайными атаками нас не удивишь. Эти лишь стали более согласованными. Но беспокоит меня то, что корабли яутжа направляются в сторону Сферы Людей.

– Но ведь это происходит только вдоль Внешнего Кольца?

– Они уже пользуются норами. У яутжа не должно быть ни возможности, ни технологий, ни кодов для этого, и все же как-то им это удастся. Уже семь случаев, и мы все еще проверяем оставшиеся норы.

– Где они высадились?

– Продвигаются глубже внутрь Сферы. Несколько мы перехватили и уничтожили, но остальные просто испарились. Это вторжение. И они распространяются.

Маршалл откинулся назад и закрыл глаза, воображая, как доложит о такой новости членам Совета. Он мог разглядеть в пришельцах новые возможности, значит, разглядят и они. У захваченных яутжа люди смогут перенять ценные знания, и совершенно неважно, будут ли при этом пришельцы мертвыми или живыми.

– Остановить их – ваша работа, – наконец сказал Маршалл.

– Чем я и занимаюсь, – побледнев, ответил рассвирепевший Бассетт. – Но я подумал, что не помешает проинформировать и вас, особенно учитывая то, что мы находимся в состоянии войны.

– Война может неплохо поспособствовать прогрессу. Спасибо, генерал. Я передам Совету ваши беспокойства, – закончил разговор Маршалл и отключил связь.

Он сделал глубокий вдох и налил себе еще виски. Совсем скоро придется связаться с Советом Тринадцати, сообщить новости. Пусть они и были Советом, но у каждого из членов по Сфере были разбросаны свои личные источники. А значит, стоило Маршаллу задержаться на месте чуть дольше, наслаждаясь напитком и размышляя над будущим, которое, возможно, ждало их всех, как остальные двенадцать представителей узнают новости без его помощи.

17. Иза Палант

База «Роцца Любви», исследовательский центр

Планета LV-1529, 2692 год н. э., август

Со дня разрушения «Роцци Любви», устроенного Свенлап, прошли дни и недели, но положение дел если и изменилось, то лишь в еще худшую сторону. Иза старалась держаться молодцом, несмотря на непрекращающиеся плохие новости, чтобы помочь пережить этот ужас не только себе, но и остальным выжившим. Но когда один из инди начал обгрызать ствол своего лазерного пистолета, все, на что хватило сил у Палант, так это сперва расплакаться, а потом и чуть не захлебнуться рвотой, когда в нос ей ударил запах подпаленных мозгов.

Милт МакИлвин не отходил от Изы ни на шаг, ни разу за все сорок четыре дня. Любые отрицательные мысли о нем как о человеке из Компании исчезли уже очень давно. Милт только отдавал, не требуя ничего взамен, и заботился о ее надежде на лучшее даже тогда, когда в его глазах блуждало отчаяние. Он был предельно честен с ней, говоря, что сохраняет жизнерадостность для нее и всех остальных. Только так он мог справиться с их положением. «Классический прием отвлечения», – говорил он ей, но Изе было наплевать, как это называется.

МакИлвин был хорошим человеком. Он не заслуживал ничего подобного.

Никто из них не заслуживал.

На следующий день после взрыва одна из инди, которой удалось спасти свой боевой костюм, прошла милю до посадочной площадки, пробираясь через одну из самых жесточайших бурь, какие только одолевали базу за последние годы. Ее не было пять часов, и все уже было сочли девушку мертвой, когда она, спотыкаясь, вернулась в сеть комнат под первым преобразователем. Она вся тряслась, буря серьезно повредила все системы костюма, но главное – девушка принесла с собой как раз те новости, которых выжившие опасались больше всего: «Пегас» и даже сама посадочная площадка уничтожены. Инди удалось спасти пакет с едой и пронести его через пыльную местность, таща за собой, еле-еле передвигая ноги.

На третий день скончались двое из трех обгоревших при катастрофе людей, а еще через два дня – последний из них.

Шестой день принес с собой крохи хороших новостей, впервые с момента катастрофы. Сержант Лиам Шарп, командующий семерыми инди, починил старый передатчик. Устройству было уже, по крайней мере, шестьдесят лет, и, скорее всего, им не пользовались с тех самых пор, как закончилось строительство первых преобразователей. Большинство его систем прожравели в кислотной атмосфере планеты еще до того, как тут повысился уровень кислорода. Проведя дни за перемещением цепей, полностью погруженный в починку передатчика, используя все подручные средства, Шарп наконец объявил, что им, возможно, хватит энергии на то, чтобы послать сигнал бедствия в космос. Все вместе они сочинили сообщение, отправили его и пару часов спустя получили подтверждение от грузового корабля, который находился от них в трех световых годах.

Вскоре после этого передатчик полностью разрядился, и выжившим оставалось только надеяться, что новости об их бедственном положении дойдут до Компании.

На этом хорошие новости кончились. Еще через два дня небольшой отряд инди вернулся из разведки и доложил, что их компьютеры засекли высокий уровень радиации. МакИлвин, которому удалось захватить с собой набор инструментов, когда он выбирался из лаборатории, решил спуститься на нижние уровни и все проверить. Вернувшись вскоре с мертвенно-бледным лицом, он сказал лишь, что им всем нужно скорее выбираться из этого места.

Уже трудно было с уверенностью сказать, специально ли Свенлап нанесла повреждения атмосферным преобразователям. Вполне возможно, что взрывы на соседней базе привели к

толчкам, которые пробили уплотнительную систему преобразователей, или во всем были виноваты осколки, летающие вокруг этого места, но уровень радиации был чрезвычайно высок и все еще поднимался. Да, снаружи бушевали бури, и воздух был непригодным для продолжительного дыхания, но прямо сейчас преобразователи оказались наименее безопасным местом на всей планете.

Приняв таблетки йода из аптечки одного из инди, выжившие решились выйти прямо в песчаный шторм и направились к разрушенной базе, которая уже перестала быть их домом. Большую часть здания уничтожил огонь, открывая внутреннее помещение навстречу опасной атмосфере, одно крыло шипело под ядовитыми водяными парами и серной кислотой, вытекающей из устаревших батарей, поврежденных пламенем. Целый день выжившие провели, возводя шаткий навес под свисающими остатками крыши, а ночью, когда их сооружение разрушилось под порывами ветра, поняли, что нужно покинуть и это укрытие.

Палант знала базу лучше всех остальных, но и она не сразу вспомнила о складских помещениях. Расположенные почти в двух милях к югу от базы, они использовались для хранения строительных машин и оборудования во время возведения базы. Когда «Роща Любви» начала функционировать, склады закрыли, и Иза не знала никого, кто хотя бы однажды спускался туда. Последний раз, когда она видела их, крыша одного из хранилищ провалилась внутрь, а другое слилось с громадной дюной – за все эти годы его занесло песком снизу доверху.

Место было защищено, но было в нем кое-что еще. И именно в нем сейчас отчаянно нуждались все выжившие.

Поэтому на двенадцатый день после катастрофы семнадцать человек пустились в поход через пустынную местность и нашли одно выстоявшее хранилище. Инди пробили дорогу внутрь, и, войдя в помещение, они будто переместились назад во времени.

Строительную технику оставили здесь, припарковали в хранилище и покинули, кое-где даже не закрыв двери. Шины сдулись и затвердели, металлическое покрытие скрылось под ржавчиной, двигатели давно вышли из строя. По углам горами валялись кучи заржавевшей стали, мешки с отвердителем, коробки с электрическими и паяльными приборами и многие другие материалы и инструменты. Вешалки пестрели непрочными атмосферными костюмами, некоторые из которых все еще носили имена людей, умерших многие годы назад. Под ними стояли несколько рюкзаков, но никто не отважился взглянуть на то, что было внутри, хотя Иза невольно то и дело поглядывала в ту сторону.

Самым ценным открытием оказалась ветровая установка, над починкой которой МакИлвин с инди трудились не один час. Части обшивки хранилища они приделали к крыльям турбины, давным-давно погребенной в песке. Закончив работу, инди с восторгом обнаружили, что слабая система освещения все еще работала. Все воспряли духом, видя оживающие светильники.

Тринадцатый день начался с подсчета запасов воды и пищи. Даже если транспортный корабль передал их сигнал бедствия, то, по подсчетам Изы, у Компании уйдет не меньше сорока дней на спасательную операцию. Оставалась возможность того, что на помощь придет корабль, пролетающий поблизости, но нельзя было полностью полагаться лишь на это: слишком большие расстояния, слишком продолжительное время перелетов между норами. Палант понимала, что мало кто из космических экипажей отклонится от своего курса, если только их не заставят сделать это. Такова жестокая реальность. Настолько же жестокая, как и сам космос. Все здесь знали свое место и изначально соглашались на возможные риски.

Недостатка в воде не было. Выжившие соорудили сбор осадков и вскоре обнаружили десятки мест, где с широкой крыши хранилища капала вода, а очистительные приборы в изобилии лежали по всему складу. Вот с едой все оказалось куда хуже – им так и не удалось спасти хоть что-нибудь с базы. Несмотря на протеиновые пилули и другие добавки, голод очень быстро дал о себе знать.

Проходили дни, и выживание стало обычным распорядком дня. Хранилище было большим, но открытым местом, поэтому уединиться получалось очень редко. И хотя туалет они установили снаружи, большую часть времени все проводили внутри помещения, подальше от несмолкающей бури, неистовых ветров и ливней. Никому не хотелось оказаться там, среди потоков воды и поднимающихся песков, обжигающих кожу.

Несколько раз они совершали вылазки к «Роще Любви», чтобы унести все, что будет в их силах, но возвращались с меньшим, чем рассчитывали. Стенные панели, достаточно мягкие, чтобы на них можно было спать. Коробка банок с напитками и несколько бутылок произведенного на базе виски, которые потом выдавались строго под надзором сержанта Шарпа.

Сержант, хладнокровный, здравомыслящий и спокойный в тяжелые времена, поражал Изу с самого дня катастрофы, и чем дальше, тем больше. Его заслуга была еще и в том, что Шарпу удавалось спланировать выживших. МакМэхон принесла детям настольную игру, и Иза едва могла сдерживать жгучие слезы, глядя на них, играющих, на некоторое время забывающих о творившемся вокруг, убегающих от осознания ужаса потери родителей, отчаяния и смерти, преследующей их всех.

Пару недель спустя, не имея при себе ни одного средства связи, выжившие наконец услышали звуки прилетевшего корабля.

Палант встала и кинулась к проходу. «Они здесь!» – подумала она, представляя Джерарда Маршалла, спускающегося с корабля Компании. Джерарда Маршалла, прилетевшего к ней на помощь. Иза понимала всю нелепость подобных мыслей, но также и понимала, что была не до конца точна в своих отчетах об исследовании. А Маршаллу, человеку бесконечных ресурсов, непременно захотелось бы узнать, какие открытия она совершила на основе двух трупов яутжа.

Или за нее всего лишь говорил сводящий ее с ума голод.

– Иза! – крикнул Шарп, побежав за ней. – Стой!

Но она была не единственной, кто ринулся к дверям хранилища. Рядом с ней бежали МакИлвин и еще несколько выживших – всем хотелось стать первыми, кому посчастливилось увидеть корабль, прилетевший на помощь. Они сделали все, чтобы спасатели знали, где найти терпящих бедствие: расставили знаки по периметру базы, раскрасили стены, но человеческая натура Изы заставляла ее выбежать наружу и отчаянно замахать прилетевшим.

Иза внезапно остановилась, когда Шарп схватил ее за плечо, развернул, а сам прижался спиной к двери. Он посмотрел на своих товарищей – слабых, тяжело дышавших, которые уже устали даже от короткой пробежки по хранилищу.

Немного нормальной еды – вот что не помешает каждому в этой комнате.

– Давайте подождем, – сказал сержант.

– Чего? – послышался чей-то голос.

– Просто... подождем. Вы наняли меня и моих ребят, чтобы мы могли позаботиться о вас, чем мы и занимаемся с того самого дня, как Свенлап сошла с ума, и по сей день. Просто дайте нам делать свою работу.

Палант заметила, что Шарп вытащил из кобуры лазерный пистолет, от которого исходило зеленое свечение. МакМэхон стояла рядом, тоже держа оружие наготове.

– Это не спасатели, – тихо сказала Иза, и вокруг нее послышался рокот шепотов.

– По крайней мере, не те, на кого мы рассчитывали, – подтвердил Шарп. – Слишком рано. Мы не можем знать, кто еще получил наше сообщение и решил спуститься на планету.

Раздался рев двигателя корабля – снаружи, но ближе, чем станция. Звук изменился и сошел на нет, когда корабль полностью приземлился.

– Может, падалышки? – предположил МакИлвин. – Должно быть, они в бешенстве от увиденного.

– Или пираты, – отозвался один из ученых.

Шарп поднял руки и медленно опустил, призывая всех к спокойствию.

– Просто дайте нам делать нашу работу, – повторил он. – Коннорс, пойдешь со мной. МакМэхон, останешься здесь с остальными. Не своди глаз с дверей.

Шарп что-то прошептал в передатчик, МакМэхон дотронулась до уха и кивнула. «Проверяют связь, – подумала Иза. – Или говорит ей что-то, непредназначенное для наших ушей». Как бы там ни было, выражение лица МакМэхон не выдавало ни единой эмоции.

Шарп и Коннорс, небольшая, жилистая женщина, открыли двери и выскользнули наружу. МакМэхон выключила свет, и Иза прижалась к стене, пытаясь разглядеть, что происходит за открытым проемом.

Сержант шел впереди, отдаляясь от хранилища и все больше продвигаясь к базе. Незадолго до того инди установили несколько точек, поддерживающих толстый провод, который отмечал безопасный путь от базы к хранилищу для тех, кто заблудится в буре, но сейчас в нем не было необходимости. Каким-то образом буря улеглась, и воздух был чист, как никогда, но, несмотря на это, Шарп и Коннорс все равно придерживались проложенной линии.

Где-то впереди светились огни приземлившегося корабля.

– Никаких сообщений? – спросила Иза.

– Ничего, – подтвердила МакМэхон. – Мой костюм проверяет все возможные частоты, но в ответ я слышу одну тишину.

– Может быть, они думают, что мы уже мертвы? – предположила Палант. Эта неприятная мысль только добавила подозрительного отношения к прибывшему судну. Возможно, они и правда были падальщиками или пиратами, а значит, Шарпу и Коннорс нужно быть еще осторожнее.

– Ты думаешь... – начала МакМэхон, но ее слова затерялись в звуках ветра и мучительном вопле Коннорс.

Что-то выросло за ее спиной, но со ста ярдов Иза не могла разобрать, что именно. Она попыталась вздохнуть, когда МакМэхон уже подняла оружие и прицелилась в дверной проем.

– Нет! – выдохнула Палант. – МакМэхон, нет!

Что-то внутри нее нашептывало ей правду. Слова, которые она не могла произнести вслух.

Неужели судьба могла быть настолько жестокой?

Шарп побежал влево, стреляя во что-то, чего не могла увидеть Иза.

– Сержант! – закричала МакМэхон и уже двинулась наружу, как Шарп приказал ей оставаться на месте.

– Что это? Что он видит? – спросила Иза, но уже знала ответ на свой вопрос. Почти всю свою жизнь она изучала их, и вот сейчас, когда встретилась с ними воочию, ее тело обмякло, Иза прокляла всех богов, оставивших их прямо здесь и сейчас.

Шарп остановился и медленно развернулся, поднимая свое оружие. Когда он пригнулся, над ним нависла огромная восьмифутовая тень. Шарпу удалось сделать один выстрел, но пришелец был быстрее. Что-то блестящее засверкало из-за спины сержанта, а потом Иза увидела, как бессильно болтаются его ноги, пока яутжа поднимал свою жертву вверх на копье.

Шарп закричал, и яутжа тоже издал дикий, неудержимый боевой рев.

МакМэхон ринулась вперед, но Иза успела схватить ее за руку и оттянуть назад.

– Нет, – скомандовала Палант. – Он убьет и тебя тоже. Не надо, их больше нет, и Лиам не хотел бы, чтобы...

– Но сержант! – закричала МакМэхон. Иза проследила за ее взглядом. Шарп дрожал на поднятом копье, сползая все ниже по древку, пока оружие разрывало его изнутри. Вот он размахнулся и ударил яутжа по лицу, но тот едва ли заметил это слабое движение. Сержант ударил снова. Пришелец качнул копьем, чтобы Шарп сполз до самого конца оружия.

– Сержанта больше нет! – крикнула Палант. – Послушай меня, я знаю этих существ. Это моя работа, знать как можно больше об этих пришельцах. Поверь, стоит тебе выйти наружу, размахивая своим оружием, он убьет и тебя. Мы ведь даже не знаем, сколько их там.

– И что? – плача, спросила МакМэхон. – Будем просто прятаться здесь?

– Он знает, что мы живы, так что нам уже не спрятаться. Но мы можем закрыться изнутри. Постарайся разуверить его в том, что мы опасны.

– А что потом?

– А потом будем надеяться, что он прилетел сюда только на охоту, а не ради резни.

Палант подошла к двери и, не в силах отвести взгляд, решила посмотреть на ужасное, но поражающее зрелище в самый последний раз.

Как долго она изучала этих существ, их части тела и вещи, пытаясь познать их через мертвую плоть, запекшуюся кровь, частички технологий и одежды. И вот, она наконец видела одного из них. Живого пришельца с загадочными мыслями, воспоминаниями и взглядами на жизнь и вселенную, настолько отличными от человеческих, что Изе никогда не хватит времени, чтобы вникнуть в их суть. Сколько бы часов Палант ни провела над их изучением, ей не удастся приблизиться к их разгадке.

«Вот они и пришли за мной», – подумала Иза, как никогда испуганная, как никогда взволнованная, и, с помощью МакМэхон и еще пары выживших, закрыла за собой дверь. Инди отошли и собрались в кружок, оставляя ученую в одиночестве. Заставляя в полной мере ощутить пробирающий ее озноб страха.

Она встретила взглядом с МакИлвином. Тот стоял у прогнившего подъемника, механизма, теперь похожего на убитое животное, не спуская с Изы глаз. Она видела взволнованность в его взгляде, и на секунду возненавидела его за это.

Но, внезапно все поняв, кивнула, говоря этим коротким движением головы: «Да, все верно. Это яутжа».

МакИлвин облокотился о подъемник. Первым его желанием было посмотреть в сторону инди.

– Нет, – отрезала Иза. – Милт, это последнее, что нам нужно делать, и ты сам это знаешь.

– Что – это? – спросил кто-то в толпе. Маленький ребенок начал хныкать, почувствовав напряжение в воздухе. Только тогда Иза осознала, что за происходящим наблюдали лишь она и еще несколько инди. Все остальные могли только слышать.

– Яутжа, – ответила Палант. Среди выживших пробежал испуганный ропот, инди, опустив головы, молчали. Внезапно до Изы дошло, что она не так уж и много о них знает. Они всегда были рядом, всегда сохраняли дружелюбие, но никогда не рассказывали, откуда пришли и чем занимались раньше. Скорее всего, бывшие Колониальные морпехи, но как долго они служили вместе, насколько сплоченным был их отряд, сражались ли они, и если да, то где? Ни на один из этих вопросов у Палант не было ответов.

Хотелось бы ей узнать все это намного раньше.

– Что они здесь делают? – спросил один из ученых, космолог, изучавший влияние квазаров всего в паре световых лет от базы. Все они были учеными, и хотя не каждый из них исследовал инопланетную жизнь, наниматель у всех оказался один – «Вейланд-Ютани». Его незнание поразило Изу, но, возможно, это лишний раз указывало на то, насколько чрезмерно увлекалась своими исследованиями она сама. Всегда чересчур погруженная в исследования, она и вообразить не могла, что кто-то может не знать того, что известно ей.

– Я слышала о яутжа, – сказала какая-то женщина. – Ужасные истории.

– Тогда они, скорее всего, были правдой, – сказала Иза.

– Ты Девушка-яутжа, – указал на нее космолог, практически обвиняя, будто именно ее исследования подвергли их всех подобной опасности. – Так расскажи нам, с чем мы столкнулись.

Неожиданно все глаза устремились только на Изу.

– Охотники. Хищники. Убийство для них – что-то вроде вида спорта. Нет, это их образ жизни. Возможно, даже движущая сила их эволюции. Необходимость, позволяющая выживать не только отдельным особям, но и всему роду. Они широко разбросаны по галактике, но, обычно, небольшими группами и реже, чем мы в Сфере Людей. За все годы моих исследований и многие-многие годы до меня ни один доклад не содержал признаков какого-либо структурированного общества у яутжа. Они похожи на белых акул на Земле... одиночки, объединяющиеся только во время спаривания. Но мы до сих пор даже не знаем, как у них это происходит.

– Но у них есть оружие, – заметила МакМэхон.

– Да, и очень продвинутое, – согласилась Палант. – К тому же нет ни одного корабля, схожего с другим, и то же самое можно сказать о личном оружии – оно разнится от владельца к владельцу. Мы до конца не уверены, но предполагаем, что технологии они переняли или украли у других цивилизаций. У какой-то расы, о существовании которой мы даже не подозреваем.

– Почему они здесь? – спросил ребенок.

– В твоей лаборатории были их трупы, – напомнил космолог.

– Это здесь абсолютно ни при чем, – отозвалась Палант, глубоко в душе понимая, что не может быть в этом уверена. – Скорее всего, их датчики засекли взрывы и, что еще более вероятно, протечку радиации на первом преобразователе, вот корабль и приземлился в поисках добычи, – она взглянула на инди, но быстро отвела взгляд.

– Что случилось там, снаружи? – спросила женщина.

– Коннорс и Шарп погибли, – ответила Иза. Мысли носились в ее голове, пытаясь успеть за потоком вопросов, и она отвернулась, всматриваясь в темные углы хранилища.

Кто-то взял ее за плечи и развернул обратно.

– Иза, – начал МакИлвин. – Ты знаешь о них больше, чем кто-либо здесь. Даже больше, чем я. Прими это.

«И именно поэтому они все уставились на меня», – подумала Палант. Казалось, даже инди не могут отвести от нее глаз.

– Хорошо, – сказала она. – Хорошо.

Иза окинула взором жалкое оружие, которое им удалось захватить с пылающей базы или подобрать во время разведок позже. Несколько лазерных пистолетов, пара более увесистых стволов. Еще они затащили в хранилище несколько чемоданов, но Палант не знала, что внутри них. Может быть, дроны. Может быть, даже высокотехнологичные дроны с искусственным интеллектом.

– Яутжа сражаются лишь с теми, кто может им угрожать, – объявила она. – Вот что движет ими в первую очередь. Если загнать их в угол – убивают из необходимости. Но обычно они получают удовольствие от охоты.

– Что же нам делать? – спросил инди. Он был напуган, что не могло не радовать Изу. Всем им стоило бояться.

– Не паниковать, – ответила она, хотя сердце ее говорило об обратном. Она знала о яутжа больше остальных, и эти знания пугали ее куда сильнее, чем их. – Для начала будем просто ждать. Мы с Милтом постараемся придумать какой-нибудь план, а вы соблюдайте тишину и держитесь подальше от дверей. Отложите любое оружие, но не слишком далеко, чтобы при случае можно было до него дотянуться. Они узнают, чем мы тут занимаемся.

– Но как? – удивилась МакМэхон.

– Просто видят, – ответила Иза. – Они видят все.

Снаружи донесся победоносный рев яутжа, заполучившего первый охотничий трофей.

18. Лилия

Свидетельские показания

Все сложилось совершенно не так, как должно было. Мы стремились к чуду, но величайший урок, который я усвоила за триста лет моей жизни, жизни андроида, оказался одновременно и страшнейшим из всех открытий. Я поняла истинную природу человека.

День, когда надежда окончательно умерла, я помню, словно вчера.

После столь долгого путешествия в местах, где до них еще не ступала нога человека, Основатели наконец оказались близки к достижению того состояния, о котором мечтали. Под предводительством Вордсворта они нашли способ продления своих жизней без каких-либо страшных последствий. Они больше не выглядели как обычные люди, это верно, но все же нашли способ обмануть эволюцию, тем самым исследуя не только космос, но и свое существование.

Гелевые конструкции стали настоящими произведениями искусства. Люди, рожденные уже на корабле, уважали Основателей, почитали, но в меру. Никто не обожествлял их. Наоборот, к ним относились как к обычным людям.

Пусть Зенит и стал на время нашим домом, инопланетная земля все равно оставалась недружелюбным местом. Да, здесь мы нашли новые технологии, исследовали их, использовали, воспроизводили на свой лад как могли, но земля эта отравляла наши тела, разум и душу. Со временем нам удалось найти крупницы следов существ, построивших или просто населявших Зенит, и мы долго не могли перестать восхищаться ими. Это были лишь окаменевшие останки, вросшие в поверхность искусственного спутника, вросшие в саму историю места, и чем глубже в нее мы проникали, тем более сохранившиеся останки находили. Немало часов я провела, в одиночестве разглядывая их, мысленно всматриваясь в путь, который они прошли, пытаюсь отыскать смысл в том, что вижу перед собой.

Кусочки тонкой, металлической оболочки все еще были разбросаны на останках тут и там. Вероятно, какой-то вид одежды. Широкое туловище с множеством выступающих костей, со временем превратившихся в камень, с которых свисала ссохшаяся кожа. Четыре крепкие ноги и намного более тонкие верхние конечности, на конце одной из которых еще можно было разглядеть что-то, похожее на руку, четыре худых, длинных пальца которой сжаты в кулак. Существо напоминало собаку, но было бóльших размеров, а остатки черепа только усиливали возникавший образ: маленькие глазницы, нос, похожий на рыло животного, и челюсть, усыпанная несколькими рядами широких, плоских зубов. С другой стороны, рот существа даже отдаленно не напоминал плотоядное животное.

Долгое время я всматривалась в эти пустые глазницы, представляя, какие чудеса они повидали за свою жизнь. Пыталась вообразить себе существо, живое, в движении, ведущее Зенит к неизведанным глубинам космоса, познающее такие дали, какие нам не суждено увидеть и за всю жизнь.

И хотя известно о них мне было чудовищно мало, однажды я решила, что, может быть, эти существа служили лишь питомцами настоящих строителей.

Не раз я заявляла, что нам стоит покинуть это место. «Макбет» оставался на орбите, но большинство Основателей и последователей спустились на поверхность, а кое-кто – и под нее. Многие говорили, что земля под поверхностью полнится призраками. Призраков я там не встречала, но действительно чувствовала отголоски этого места, такого, каким оно было раньше. В тех отголосках слышался язык, знания, будто мы подслушивали мысли древних, уже

мертвых богов, слышали, как они шептались, но не могли и надеяться, будто сможем понять их слова пусть даже и через миллион лет.

Их разговоры не были предназначены для наших ушей.

Есть такие места в галактике, жизнь в которых отжила свое. Когда-то она процветала, но увяла и погибла, и любые попытки вдохнуть новую жизнь в уже давно мертвые места есть не что иное, как полное безумие. В конце концов, пусть мы и знаем, что в галактике, а может, и во Вселенной есть жизнь помимо нас, но большинство планет и спутников все же безжизненны. Мы – лишь мельчайшие песчинки в этой непостижимой бескрайности космоса, и мы должны обращать внимание на отголоски, которые можем услышать.

Беатрис Малони, как бы я теперь ни ненавидела эту женщину и все, что с ней связано, умела прислушиваться. Она понимала, что нас не принимает это место, эта лживая утопия, которую мы так гордо называли Зенитом. Она собрала вокруг себя тайный совет, перешептываясь с ними в мрачных коридорах, обмениваясь с ними взглядами в пустых комнатах, глубоко под поверхностью нашего дома. Так они и выносили свои планы.

Следовало догадаться об этом. Возможно, Вордсворт и знал, но не мог заставить себя поверить по-настоящему. Ведь именно от подобных внутренних распрей, предательств Основатели и покинули Сферу Людей. В этом заключался наш первый серьезный провал.

Глубоко под Зенитом, во влажном царстве, вход в который нам следовало бы сразу забыть, мы нашли тех спящих существ, которых так долго искали. Беатрис сразу поняла, какую пользу они принесут, как их использовать. А Вордсворт объявил, что на этом Основателям нужно закончить поиски и покинуть Зенит. Ссора между ними вышла короткой, личной, а истинные ее причины так и не были обнаружены.

После того как Вордсворт умер на моих руках – и я нисколько не сомневаюсь в том, что мой друг, человек, заменивший мне отца, умер по вине Беатрис Малони, – произошли постепенные, но разительные изменения. «Макбет» так и остался на орбите, пока мы перенесли этих впавших в спячку, хитиновых жуков – этих ксеноморфов – на борт корабля, где переделали хранилища так, чтобы можно было содержать их там. Начались эксперименты, проводимые на основе исследований и информации, украденной мной с «Эвелин-Тью». Наконец «Макбет» и «Отелло» покинули орбиту и положили начало долгому пути назад, к Сфере Людей.

Корабли летели независимо друг от друга, одним курсом, но на расстоянии в несколько световых лет. После потери «Гамлета» такое решение показалось нам куда более мудрым. Но главное – Основатели стали Яростью, а Малони – проповедником ненависти. Изменения протекали медленно и почти незаметно, но я корю себя за то, что бездействовала так долго. Более того – я ненавижу себя за это. Незнакомое ощущение, но оно идеально описывает мои чувства.

Благие цели постепенно разъела гниль, а я, видя ее зарождение, не сумела ничего предотвратить.

С другой стороны, Вордсворт все время повторял одну весьма подходящую к случаю фразу, заставив меня поверить в нее.

Я – всего лишь человек...

19. Лилия

Внешнее Кольцо

2692 год н. э., август

Ей было не привыкать проводить время в одиночестве. Триста лет назад, когда Лилию создали, она и подумать не могла, что уединение может оказаться настолько ужасным состоянием. Но время менялось, вместе с ним развивалась и Лилия, и боязнь остаться одной превратилась в один из самых страшных кошмаров.

Иногда, когда она отключала системы и решалась отдохнуть, Лилия воображала себя последним живым существом в целой галактике. Представляла, как все люди исчезли, растворились в Пустотном космосе. Канули в Лету, словно та неизвестная цивилизация, сотворившая и населявшая Зенит многие миллионы лет до человечества. Осталась лишь Лилия...

...и она никак не могла умереть.

Трудно придумать себе более жуткий образ ада, но Лилия, сбежавшая на украденном десантном корабле, всем сердцем надеялась, что ее одиночество кончится еще не скоро. Она понимала, что ее уже преследуют.

Пролетая на немыслимых скоростях мимо гиперпространственных судов, сворачивающих в сторону Сферы Людей, Лилия думала о том, что Беатрис Малони с остальными адептами Ярости непременно пошлет за ней «генералов». Конечно, их первостепенной задачей станет возвращение Лилии на корабль, но, если она окажет сопротивление, усложняя поставленную задачу, то они, даже не колебавшись, примутся за ее уничтожение. Лилия даже знала, что за полководец отправится за ней.

Александр был главным андроидом, способным убрать любые препятствия на пути Ярости. Во время смены власти он стал одним из первых, кто обрадовался переменам, и Лилия долгое время подозревала, что он и был оружием, которое Малони направила против Вордсворта. Мощный, весь покрытый шрамами после сражения с враждебной формой жизни на одной из планет, на которой им однажды довелось приземлиться, из всех «генералов» он меньше остальных напоминал человека, а бледная кожа, впавшие глаза и разбросанные по всему телу рубцы еще больше пугали любого, кто на него смотрел. Но Александр придет не один. Две тысячи ксеноморфов, спящих в коконах посреди корабля, непременно отправятся в погоню за ней. Беатрис догадается, куда направляется Лилия, и справедливо решит, что корабль Александра, более крупный, быстрый и навороченный, подойдет для этой цели куда лучше.

Шансов на спасение у Лилии было маловато. Десантный корабль, который она ukrала, едва ли мог справиться с поставленной задачей. Сама Лилия не была ни солдатом, ни пилотом. И это если забыть о ее скудных познаниях в военной тактике. Хотя стоит признать, она провела немало времени за изучением системы вооружения корабля.

Тем не менее начало было положено, и Лилию согревала глубоко спрятанная в душе надежда на то, что все же она делает что-то по-настоящему правильное.

«Макбет» летел домой уже не первый десяток лет, пока Ярость буквально выращивала оружие, создавала армии, и теперь, как никогда близко к Сфере, Лилия понимала, что первыми на людей нападут улучшенные воины. Ей оставалось только надеяться, что информация, текущая по ее венам, поможет отразить надвигающееся вторжение.

Закрыв глаза, Лилия видела Эрику, женщину, которую убила, но стоило открыть глаза – и перед ней предстал Вордсворт. Все его мечтания были растоптаны Яростью. Все добро, о котором он говорил, не устая, – развитие, прогресс, эволюция человеческого разума, которые он столь ревностно искал, – все это умерло вместе с ним.

Предательство последователей погубило и учителя, и его учение.

Лилия знала, добро на ее стороне, и она готова была сделать все, что в ее силах, чтобы добраться до Сферы Людей. Кто знает, может, у нее еще оставалось время на то, чтобы помешать истреблению.

Шел тридцать третий день полета, когда гипердвигатель вышел из строя, а компьютер доложил о перехвате чужого сигнала.

«Они нашли меня!» – подумала Лилия, спеша в небольшой герметичный отсек корабля. Прибежав туда, она быстро натянула костюм для сна и запрограммировала капсулу. Даже ей было не под силу перенести стремительный переход от гиперскорости к обычной. К тому же кто бы или что бы ни набрело на Лилию, оно никуда не денется, пока ее корабль полностью не отключится от сверхсветовой скорости.

Истекали последние секунды на то, чтобы покинуть отсек, взять корабль под свой контроль и отбить атаку.

Вместо этого Лилия уже погрузилась в капсулу ожидания, когда корабль только начало потряхивать, но она успела дать указания компьютеру перед тем, как погрузиться в гиперсон.

– Не вступай в контакты ни с одним судном, защищай корабль любой ценой, – приказала она. – И выведи меня из сна, как только гипердвигатель перестанет работать.

– Конечно, – ответил тот бесцветным голосом.

Перед полетом Лилия проверила систему компьютера, рассмотрела многие уровни его сознания, но так и не смогла распознать какие-либо признаки запрограммированной верности Ярости. Были они там или нет, но у Лилии не оставалось никакого выбора: двигатель уже не мог развернуть корабль от сигнала без губительных последствий, поэтому тем, кто послал сигнал, оставалось только ждать и наблюдать.

Стенки криокапсулы накрыли Лилию, и она почувствовала жидкость, наполнившую сосуд. Время поползло, словно улитка, реальность стала слишком размытой, чтобы не принять ее за сон. Человек на ее месте уже давно заснул бы, отключился, но от разума андроида подобных поблажек ждать не стоило. Время все замедлялось, а Лилия оставалась в сознании даже тогда, когда время и вовсе остановилось. Ее существование застыло в одной секунде, превратившись в микросекунду, с абсолютной пустотой позади и после себя. Все мысли улетучились, оставив лишь крохи осознания происходящего.

Но даже в них заключалась целая вечность.

Реальность обрушилась на нее сокрушающей необъятностью времени и непостижимой глубиной бесконечности. «Тревога, приближение опасности... Тревога, приближение опасности...»

Откашливая гель, Лилия выкатилась из капсулы, падая на пол.

– Состояние? – выдохнула она.

– К кораблю приближается космический аппарат. Расстояние между нами составляет семнадцать миль и продолжает уменьшаться.

– Чей корабль?

– Ярость.

– Люди на борту?

– Отсутствуют, – ответил компьютер. – Мне уничтожить его?

– Конечно. Что помешало сделать это раньше?

По кораблю прошла еле ощутимая вибрация, настолько слабая, что обычный человек вряд ли бы ее заметил.

– Приказ был не вступать в контакт с другими кораблями, а не нападать на них, – напомнил компьютер. – Цель уничтожена.

– Оно будет... – Лилия пошатнулась, все еще неустойчивые системы пытались совладать с изменившимся течением времени. Она лежала в капсуле всего тридцать минут реального

времени, но внутренности кричали о том, что провели в спячке несколько лет. Лилия закрыла глаза и изо всех сил постаралась убедить разум в обратном.

Высушившись и переодевшись, она пронеслась через палубу к месту пилота и, усевшись, подключилась к системам корабля, предпочтя оценить ситуацию сама, а не целиком положиться на доклад компьютера.

«Паранойя – вот твоя награда за предательство», – подумала Лилия, пытаясь отогнать неприятную мысль как можно дальше. Она лишь предала предателей, только и всего. Лилия не могла решиться на этот поступок долгое время, но наконец начала преследовать цели, о которых говорил сам Вордсворт. Так она, по крайней мере, убеждала себя каждый раз, вспоминая убитую Эрику.

– Полный отчет о состоянии, – запросила Лилия, и компьютер сразу выдал координаты корабля, пока она перепроверяла информацию, высвеченную на экранах. Не сбилась ни скорость, ни курс, ни системный анализ, а состояние вооружения не вызывало никаких беспокойств.

Зонд, посланный Александром, вывел двигатель корабля из строя и заставил вернуться к обычной скорости. Александр, скорее всего, послал сотни таких зондов, но лишь одному хватило удачливости, чтобы засечь ее на гиперскорости. Скорость полета все еще не опускалась ниже трех десятых от скорости света, но зонду удалось передать сигнал обратно перед тем, как его уничтожили.

Лилия не сомневалась, что сигнал непременно добрался до Александра, сколько бы световых лет между ними ни было, а «генерал» уже прокладывает путь к ней, на полной скорости рассекая туманные волны, оставленные другими гиперпространственными судами. Скоро Александр со своей армией настигнет Лилию, а противопоставить им ей нечего.

Лилия знала, время еще есть, осталось лишь придумать план, благодаря которому она сможет покинуть корабль и спрятаться. Потерявшись в космосе, она доберется до Сферы Людей и сдастся властям.

А там останется только рассказать свою историю и надеяться, что выйдет убедительно.

Лилия подобралась уже достаточно близко к Внешнему Кольцу, нечетким границам, показывающим нынешние размеры Сферы Людей. Ненастоящие границы, которые изменялись всякий раз, как расширялось человеческое влияние в космосе. За пару веков, что Основатели провели вдали от людей, Сфера выросла до фантастических размеров. И за все годы в глубинах космоса Лилия не переставала впитывать любые знания о том, как сильно развивалась покинутая ими родина.

Поначалу она ни с кем не делилась своими открытиями, но Вордсворт узнал о ее увлечении и согласился с тем, что человечество не остановилось в развитии, пусть Основатели и оставили их. И хотя он никогда не выказывал ни малейшего желания вернуться домой, Вордсворт все же признавал верным мудрое решение опережать прогресс человечества.

В конце концов, создай они еще более быстрый двигатель, чем Основатели, и расширение Сферы Людей непременно поглотило бы и их тоже.

Этого так и не произошло, но создание нор вызвало у Лилии неподдельный интерес. Она вылавливала рассеянные переговоры в космосе, собирала информацию любыми возможными способами и в итоге получила довольно ясную картину того, как работают норы. Даже добыла коды активации, и нужно было лишь разобраться в сложной технологии управления ими.

Незадолго до смерти Вордворта и превращения Основателей в Ярость, Лилия пришла к лидеру с полученными результатами и предложила внедрить их в свои корабли. Вордсворт тогда согласился, и это не могло не радовать Лилию сейчас, ведь именно поэтому ее полет к Сфере станет намного короче. Но в то же время это означало и то, что Александр, а с ним и Ярость попадут туда так же быстро.

– Поблизости обнаружен корабль, – раздался голос компьютера.

– Как близко?

– В тринадцать миллионов миль. Двигается со схожими скоростью и направлением.

– Раз мы их заметили, то и они нас?

– Похоже на то. Взгляните, – компьютер вывел изображения вместе с расчетами векторов и сравнения скоростей на экран. Слишком далеко, чтобы разглядеть, но Лилия попыталась проверить его характеристики, чтобы понять происхождение корабля.

– Человеческий? – спросила она.

– Пока неясно. Его внешний вид и тип двигателя не занесены ни в одну известную мне базу данных.

Лилия начала напряженно обдумывать дальнейшие действия. Можно отправить корабль по запрограммированному курсу вдоль Сферы, в надежде сбить Александра с верного направления, а самой сдать экипажу этого неизвестного корабля. Передать им важную информацию и нанотехнологии, которые она украла.

Так себе план.

Но если не медлить, то может сработать.

– Отключить все вооружение, – приказала Лилия.

– Seriously?

Лилия коротко усмехнулась.

– Ага. Seriously, – управление вооружением отключилось, а палуба немного потемнела, когда множество дисплеев сложились и исчезли. – Отправь вектор приближения и запиши к нему сообщение. Все готово?

– Записываю, – ответил компьютер.

– Меня зовут Лилия. Я прибыла из дальних уголков космоса, где вы, возможно, уже подвергались атакам тех, кто угрожает всей Сфере. Я пришла с миром, чтобы помочь вам справиться с этой силой. У меня есть знания и образцы той технологии, которую они собираются обрушить на человечество, и я предлагаю ее вам безвозмездно. Повторяю... я пришла с миром.

Лилия закрыла глаза, мысленно повторила послание и кивнула.

– Отправляй.

– Сделано.

– Медленно приближаемся.

Тринадцать миллионов миль сократились до тринадцати тысяч за какую-то сотню секунд, когда инопланетный корабль тоже замедлил движение, развернулся и направил оружие в сторону судна Лилии.

– Контрмеры? – спросил компьютер.

– Ни в коем случае.

– Seriously?

Лилия снова рассмеялась, но уже более тревожно.

– Кто создал тебя?

– Я все-таки военный корабль, – ответила система, будто это можно принять за объяснение.

– Как раз войны я и пытаюсь избежать.

Лилия замерла. Ее человеческую половину бросило в дрожь в ожидании короткой, но ужасающей вспышки, которая и станет концом для нее. Но вместо этого она увидела, как корабль подбирается ближе, словно любопытный зверь, пытающийся познакомиться с чужаком.

– Не похоже, чтобы они получили мое сообщение, – сказала Лилия.

– В ответ от них также ничего нет.

– Есть кто на борту?

– Едва ли.

– Идем на сближение, – нахмурившись, приказала Лилия. Она ожидала встретить больше людей на военном корабле, но возможно, теперь человечество использует андроидов или подобные им механизмы намного чаще. Возможно, исследование космоса стало их полем деятельности искусственной жизни. Эта мысль странно расстроила Лилию. Она так надеялась встретить кого-нибудь...

«Похожего на тебя?» – усмехнулась мысленно Лилия. Да, ее истинно человеческие чувства и мысли были уникальны, не переставая от этого так сильно волновать ее. Напротив, большинство людей, повстречавшихся на ее пути, едва можно было назвать человеческими.

Но судьба распорядилась так, что встретила Лилия далеко не людей.

Долгие годы существования обернулись для нее огромным багажом знаний. Что-то в нее загрузили изначально, наряду с установкой постоянного желания изучать новое, но еще больше Лилия познала по своему выбору и желанию.

Таким новым знанием, полученным за последнее время, стали различные диалекты яутжа. Слишком явные отличия от любого человеческого языка, всевозможные виды и акценты бросили ей серьезный вызов, но сложность в его освоении только заинтриговала Лилию. Ощущение непостижимости языка не покинуло ее и после того, как она закончила изучение. К тому же Лилия никак не могла проверить, насколько полным оказалось ее знание.

Когда андроид прошла на корабль через шлюзовую камеру, ее встретило внушительных размеров существо, и страх Лилии стал еще ощутимее, когда она услышала его голос.

– Я Хашори, из клана Вдов.

Пауза, тяжелое молчание.

– Я... – с трудом выговаривая слова, начала Лилия, но закончить ей не дали. Яутжа приложил ее по лицу, так сильно, что Лилия ударилась головой о дверь шлюза. Она скатилась на пол, пытаясь понять, насколько серьезны повреждения. Синяки да небольшой порез.

– Молчать, – приказал яутжа.

Лилия подчинилась и, лежа на полу, предпочла оценить существо, возвышающееся над ней. Почти девять футов роста, весь в шрамах, оставленных старыми битвами, и практически голый, не считая набедренной повязки и пары широких кожаных ремней, перекрещенных на груди. Ни брони, ни оружия, но одна его когтистая лапа была размером с голову Лилии. Широкие ступни так же оканчивались острыми когтями. Маски не было, поэтому Лилия отчетливо видела, как мягко двигаются при дыхании огромные челюсти. Маленькие, блестящие глаза, не отрываясь, смотрели на нее.

Лилия догадалась, что Хашори была женского пола. Она не заметила никаких отличительных черт – ни груди, ни половых органов, – да и строение ее было столь же мускулистым, крупным и устрашающим, как у любого другого яутжа, которых Лилия видела на голозаписях или в старых книгах. Но что-то другое чувствовалось в ее взгляде.

Хашори слегка трясло, а из раны в ее левом плече текла кровь. Напряжение росло, и Лилия решила попробовать еще раз.

– Я пришла, чтобы... – начала она снова.

Хашори подошла ближе и пнула Лилию в живот. Она скрутилась, обхватив себя руками, и удар отнес Лилию дальше по полу.

– Молчать! – закричала яутжа, и Лилия услышала в ее голосе что-то еще помимо злости. Она не была знакома с тональностью и произношением этих существ, но не узнать гнев в ее голосе было невозможно.

– После всего, что вы натворили, ты приходишь сюда, – сплюнув, произнесла яутжа. Произношение ее наполнилось гортанными, протяжными звуками.

Лилия побоялась ответить.

– Причины меня не волнуют. Но раз ты здесь, значит, месть начнется куда раньше, чем я надеялась, – Хашори наклонилась, схватила Лилию за волосы и потянула через темный, сырой коридор.

Лилия посмотрела на свой корабль через иллюминатор, наблюдая, как расстояние между ним и судном яутжа растет, как он превращается в крохотную точку. Последнее, что успела увидеть андроид, перед тем как ее оттащили от иллюминатора, была короткая, яркая вспышка, летящая со стороны корабля яутжа. Вспышка, уничтожившая ее десантник, оставив на его месте миллионы маленьких кусочков.

20. Джонни Мэйнс

Поселение яутжа, обозначенное UMF 12

Где-то за пределами Внешнего Кольца, 2692 год н. э., август

Наступили четыре недели ада.

Тридцать дней лейтенант Джонни Мэйнс и выжившие «Пустотные Жаворонки» провели в боях, планировании боев и отступлений. Они выживали не только благодаря давно полученным знаниям, но и с помощью множества новых навыков. Полагались на острый ум и военный опыт, силу, ярость и хорошую форму.

Но больше всего они рассчитывали друг на друга.

И к концу тридцатого дня все изменилось. Вселенная и правда была безразлична ко всему, теперь они точно это знали, когда оказалось, что четыре адские недели были лишь отдаленной тенью того, что ожидало их дальше.

День одиннадцатый

Мэйнс и поверить не мог в такое везение, что яутжа не выследят и не убьют их в самые первые дни.

Сразу после прибытия и первого столкновения с пришельцами отряд быстро покинул место взрыва «Вола» и отправился на поиски укрытия. По плану нужно было скорее пробраться на любой из кораблей яутжа и попытаться улететь отсюда, но Сноуден убедила всех быть более осторожными. В конце концов именно она знала о яутжа больше всех остальных, вместе взятых, и за время, прошедшее с начала боя с вражескими кораблями до аварийной высадки на их территорию, наблюдения Сноуден только прибавили в своей ценности.

Она не сомневалась, что корабли внутри UMF 12 еще не были готовы к полету, в чем и крылась причина выступающих наружу стыковочных сооружений. Вот почему, по мнению Сноуден, приближение к кораблю и тем более его кража может оказаться настоящим безумием.

Команда доверилась Сноуден, нашла укрытие и приступила к подготовке.

– Серьезно, командир, я могу идти.

– Погано ты выглядишь, капрал.

– Каков льстец, – слабо улыбнулась Котронис, тщетно скрывая боль, с которой боролась. Мэйнс до сих пор не до конца понимал, как вообще ей удалось продержаться столько времени.

– Переждем еще день. Место неплохое, и...

– Джонни, я не хочу умереть, играя в прятки, – понижая голос, сказала Котронис, хотя все и так слышали каждое слово в передатчике связи. Кажется, она совсем позабыла об этом.

Мэйнс тяжело вздохнул.

– Сноуден?

– Мы готовы выступить, как и всегда, – подтвердила та, не отвлекаясь от входа в пещеру, который охраняла. Фолкнер сторожил второй вход, а Лидер спала. График сна изматывал, – один человек раз в два часа, – сводил с ума, но Мэйнс понимал, что потерять бдительность равносильно смерти.

– Хорошо, – сказал он. – Собираемся и выдвигаемся.

Лидер зашевелилась и встала на ноги. Оказывается, она вовсе и не спала.

Покинув кров маленькой пещеры, Мэйнс почувствовал себя неприятно уязвимым. Пусть яутжа были разбросаны по поселению намного реже, чем «Жаворонки» сначала думали, пещера стала их спасительным убежищем. Они были более чем уверены в том, что об их укры-

тии не знает ни один яутжа. Боевые костюмы согревали их и обеспечивали кислородом, отходы перерабатывались, а концентрированная пища из ремней для выживания поддерживала силы. Все они, конечно, мечтали о твердой пище, но за них, скорее, говорила привычка. Мэйнс знал, что отряд, как всегда, силен телом и духом, но Котронис не ошиблась.

Время пришло.

Из самых глубин UMF 12 они выбирались на его поверхность. Фолкнер, Сноуден и Котронис двигались, ориентируясь на инфракрасную картинку, а Мэйнс и Лидер предпочли положиться на обычное зрение. Лидер с Фолкнером возглавили отряд, очень медленно и осторожно ведя его вперед, пока компьютеры костюмов сканировали окружение в поисках малейших признаков движения или наличия жизни.

Отряд не встретил ни единого препятствия на своем пути вплоть до выхода к сети неровных туннелей и коридоров, ведущих на поверхность поселения, где на них опустилась вся тяжесть бесконечного космоса. Заметив стыковочное сооружение в трехстах ярдах от себя, Мэйнс приказал всем остановиться.

– Они играют с нами, позволяя продвигаться дальше, – предположил он. – Быть по-другому не может. Они просто обязаны знать, что мы здесь.

– Я так не думаю, – возразила Сноуден, как всегда придерживающаяся мнения о том, что яутжа – раса крайне независимых особей, врожденных одиночек, космических акул, собирающихся в небольшие группы только для охоты или размножения.

– Не нравится мне все это, – настаивал на своем Мэйнс.

– Лейтенант, между нами и кораблем – какие-то две сотни ярдов, – вмешалась Лидер. – Отпусти меня и Сноуден туда, и мы все проверим, пока вы с Фолкнером и Котронис укроетесь здесь. Если я смогу управлять этой штукой, мы дадим вам знать. Пара минут, и мы удерем с этого мерзкого места, – она замолчала и оглянулась вокруг. – А если они следят за нами, то им придется довольствоваться лишь нами двумя.

– Нам нужно держаться вместе, – заспорил Фолкнер.

– Нет, она права, – подала голос Котронис. – Нужно рискнуть, если мы хотим улететь с этой каменной кучи.

Мэйнс тоже огляделся вокруг, расценивая шансы. Он посмотрел назад, туда, где приземлился «Вол», но какие бы повреждения ни нанес его взрыв, все скрыли изгибы поселения. Перед собой лейтенант увидел судно, большую часть которого также скрывали контуры UMF 12.

И ни единого шороха вокруг.

С самого первого дня они не встретили здесь никаких признаков жизни.

И это беспокоило Мэйнса. Очень беспокоило.

– Хорошо, – согласился он. – Только быстро. Не расслабляйтесь и оставайтесь бдительны.

– Ну, еще бы, – отозвалась Лидер, еле заметно улыбнувшись ему.

Лидер и Сноуден ушли, а когда они поднялись к нижней части корабля, Мэйнс с оставшимися «Жаворонками» укрылись в расселине на поверхности. Котронис то и дело отключалась, движения полностью исчерпали все ее запасы стойкости. Болезнь развивалась медленно, но верно, хотя никто не осмеливался озвучить неизбежный конец. Даже сама Котронис.

– Лидер? – позвал Мэйнс, но вместо ответа услышал лишь тяжелое дыхание обеих девушек. Возможно, они не слышат его. Возможно...

– Твою мать, – выдохнула Сноуден, и ее голос затрещал в передатчике Мэйнса.

– Что случилось? – встревожившись, спросила Котронис.

– Фолкнер, продолжай сканировать местность, – приказал Мэйнс и выполз наверх настолько, чтобы увидеть стыковочное сооружение. – Лидер?

– Мы никуда не полетим на этом корабле, – ответила та спокойным, но безжизненным голосом. – Даже близко к нему не подойдем.

– Что вы нашли?
– Яутжа. Десять, может, двенадцать яутжа.
– Бегом оттуда! – закричал Мэйнс. – Бегите обратно, и как можно быстрее. Если они заметят вас, мы прикроем, пока...
– Не стоит утруждаться, лейтенант, – сказала Сноуден. – Они все мертвы.
– Что? Как это – мертвы?
– И поверьте, – послышался голос Лидер, – подробности их смерти не покажутся вам приятными.

День тринадцатый

Мэйнс хотел двигаться дальше, ни в коем случае не задерживаясь слишком долго на одном месте. Он понимал, что любые продолжительные задержки могут привести к вялости и потере бдительности. На нем и только на нем лежала вина за то, что они вошли в дом одного из яутжа. И он был готов нести ответственность за это решение.

Для начала «Жаворонки» проверили здание, послав дроны в скрытные точки и возвращая их обратно на как можно более безопасном расстоянии. Они не нашли никаких признаков того, что кто-нибудь еще жил в доме. Ничто не указывало на хоть кого-то, кто бы появлялся здесь за последнее время. Место внушало чувство безопасности, по крайней мере, настолько, насколько это вообще было возможно на UMF 12.

Дом, встроенный в саму поверхность огромного, трубчатого поселения, защищали от ледяного дыхания космоса каменные складки. Здание казалось странно невыразительным в своем окружении, но в нем чувствовались попытки придания некоторой... красоты? эстетики? Как бы там ни было, а квадратное сооружение было окружено несколькими выпуклыми конструкциями, соединенными между собой, а на его верхушке виднелась более высокая выступающая часть, с которой, возможно, когда-то стыковался корабль. Теперь там было пусто.

Мэйнс надеялся, что дом принадлежал одному из яутжа, уже улетевших с UMF 12. А еще лучше, чтобы его хозяина они успели сбить до аварийной посадки «Вола».

После дня разведки, он наконец решил, что дом достаточно безопасен, чтобы войти внутрь.

Первыми снова пошли Лидер и Сноуден, следом – Мэйнс и Фолкнер, а тыл прикрывала Котронис. В главной комнате Мэйнс увидел застывших на месте боевых подруг. Опустив оружие и почти не дыша, они в ужасе уставились на широкую и высокую стену, выросшую словно из самого ада.

– Обыщите помещение, – прошептал Мэйнс, не в силах отвести взгляда от открывшейся перед ним картины.

– Уже, – отозвалась Лидер. – Мы здесь одни. Ну, если не брать в расчет...

Если только не брать в расчет то, что они здесь были далеко не одни. Мэйнс знал, что яутжа часто забирали боевые трофеи из некоторых сражений и носили их, как медали или символы чести, но подобного он ожидать не мог. Подобной гордости за содеянное, заботы и выдумки. Подобного ужаса.

Вся стена была усыпана кусками мертвой плоти. Она скрывалась под лапами, руками и челюстями, кожаными крыльями и острыми, как бритва, когтями, черепами и позвоночниками. Пятнами по всей стене рассыпались зубы самых разных размеров и видов, тут и там из нее тянулись когтистые тела, будто пытаясь дотянуться до смотревших на них людей.

Но больше всего Мэйнса испугали человеческие черепа. Восемь или десять штук, все полностью очищены от плоти и волос и вымыты – просто голая кость, рассказывающая о страшных последних минутах жизни их владельцев. В некоторых из них виднелись дыры, но узнать

в них человеческую природу не составляло труда, а в других не осталось свободного места от ожогов. Лишь пара черепов казались практически неповрежденными.

– Я хочу домой, – сказала Лидер, и никто не рассмеялся этой фразе. Нечто подобное чувствовал каждый из них.

– Давайте выбираться отсюда, – предложила Котронис, и Мэйнс не имел ничего против. Он оставался в комнате, пока не убедился, что остальные выбрались наружу, и смотрел на стену, пытаясь представить того яутжа, владельца дома, точно также сидящего и созерцающего этот ужасающий вид. О чем вообще могло думать в такие секунды это существо?

Мэйнс предпочел бы никогда не узнать об этом.

День шестнадцатый

– Фолкнер, Лидер, прикройте! – закричал Мэйнс, проклиная судьбу, проклиная яутжа и их невыгодное расположение, проклиная самого себя за неспособность защитить людей, положившихся на него. Особенно Лидер. Чтобы между ними ни происходило, он с уверенностью мог сказать, что никогда до этого не испытывал чувства, более близкого к любви в его понимании.

– Лейтенант, сюда! – послышался голос Сноуден. Она тотчас расценила ситуацию и, обхватив Котронис за талию, потянула едва держащуюся на ногах Сару за собой, а другой рукой подняла винтовку, целясь в тени, возникающие на их пути. Тени, за которыми могло скрываться все что угодно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.